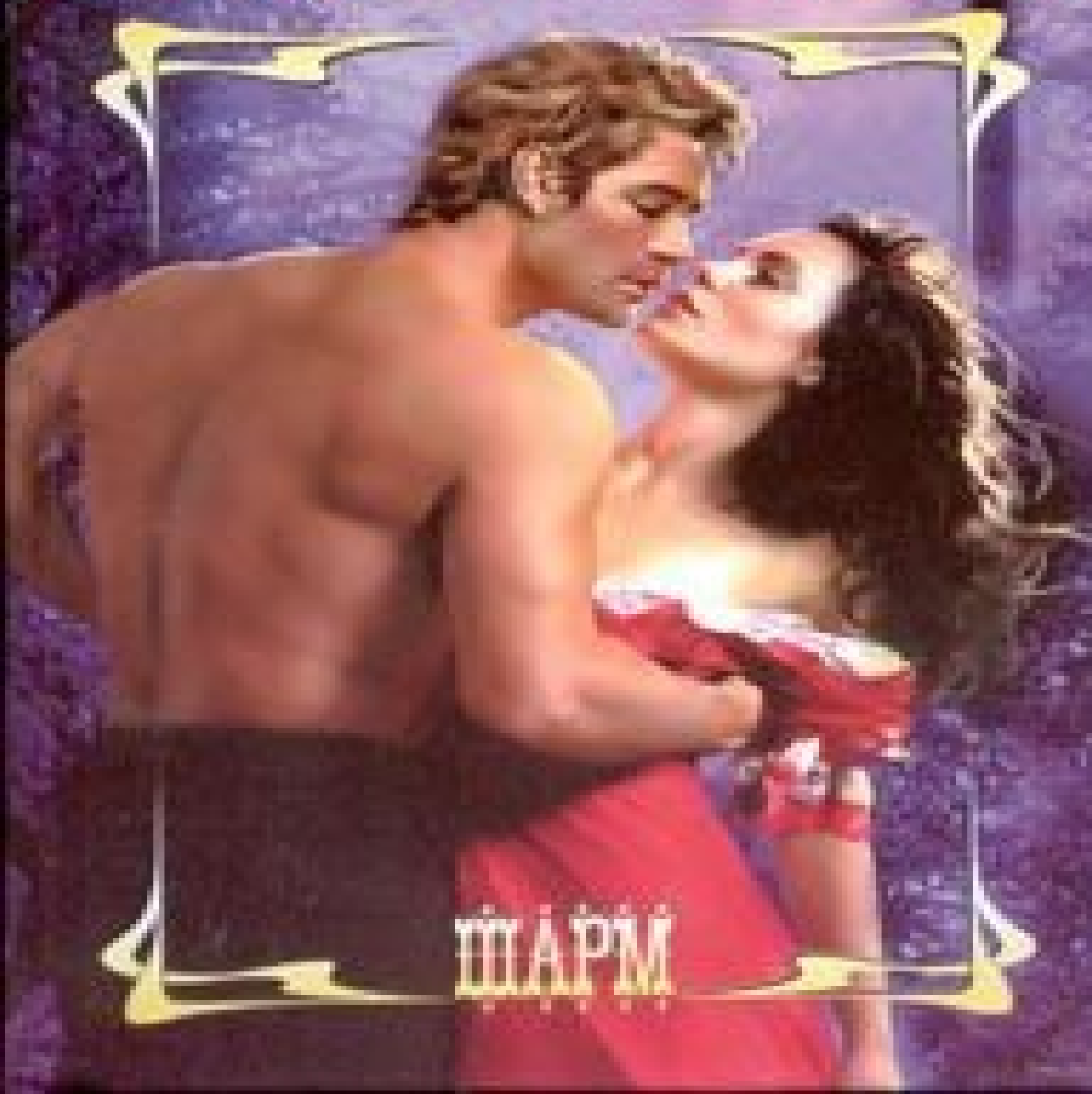

ЛИ БРИСТОЛ

ЛЫЙ ВОСХОД

ШАРМ

Грубоватый, но мужественный и искренний уроженец Техаса — и капризная, избалованная южная аристократка... К чему могла привести нечаянная встреча прелестной Элизабет Коулмен и спасшего ее от верной гибели Джеда Филдинга? К взаимной неприязни? К непрестанному обмену колкостями? Или — к неистовой, страстной любви, в жгучем пламени которой мгновенно сгорают обиды и недоразумения? К любви, способной преодолеть все невзгоды — и подарить счастье мужчине и женщине, буквально СОЗДАННЫМ ДРУГ ДЛЯ ДРУГА...

Ли Бристол
Алый восход

Май 1839 года, Мобил, Алабама

Элизабет Коулмен не на шутку испугалась. Остановившись под деревьями, она оглядывала открывшуюся перед ней прогалину — совершенно ей незнакомую. Беспокойство всадницы передалось коню; он прядал ушами и нервно перебирал копытами. Элизабет еще крепче вцепилась в уздечку, и жеребец, почувствовав это, всхрапнул в раздражении и помотал головой.

Рабы считали, что окрестные леса кишат духами. Они рассказывали друг другу о странных звуках и таинственных огоньках, появлявшихся там в самые глухие часы ночи. Элизабет, конечно, не верила ни единому слову, но все же вскрикнула в испуге, когда ее шляпа зацепилась за низко нависавшую ветку.

Она не собиралась забираться так далеко. Действительно, ей не следовало выезжать за пределы плантации без грума и, конечно же, не следовало садиться на этого норовистого жеребца, не приученного ходить под дамским седлом. Но ее грум занемог, а остальные рабы были заняты приготовлениями к торжественному приему — к нему готовились уже третий день. Элизабет не хотела никому осложнять жизнь; она мечтала лишь об одном — остаться наедине со своими мыслями. И не надо считать ее своевольной, непослушной и импульсивной. Ведь все начиналось вполне невинно... Впрочем, все неприятности в ее недолгой жизни начинались с пустяков.

Миновав прогалину, Элизабет продолжила путь. Стена леса на ее пути, казалось, источала влагу; от деревьев веяло прохладой, и пахло прелой листвой. Девушка все чаще останавливалась и в беспокойстве озиралась. Толстые сучковатые стволы обступали ее со всех сторон, точно часовые, и Элизабет то и дело мерещилось, что из густой листвы выглядывают жутковатые ухмыляющиеся физиономии. Солнечные лучи сюда почти не проникали, и под зеленым пологом царил полумрак.

В очередной раз остановившись, девушка прислушалась. Ни звука... Не слышно было даже гудения пчел. Элизабет судорожно сглотнула. Теперь ей уже хотелось домой, но она не знала, в какую сторону ехать. Конечно же, она заблудилась из-за Цезаря — глупая собака во всем виновата! Разумеется, ей не следовало брать Цезаря с собой, пусть даже этот пес был любимцем Уильяма Бледсо. Но что она могла поделать, когда вдруг увидела, что собака бежит рядом с конем? Впрочем, все могло бы закончиться благополучно, если бы эта проклятая собака не учуяла какого-то зверька и не ринулась за ним в погоню. Цезарь громко залаял, конь испугался — и понесся во весь дух куда глаза глядят. Когда же ей наконец-то удалось обуздать жеребца, собака исчезла из виду и не появлялась, хотя она ее звала. И теперь Элизабет ругала себя за легкомыслие — она поступила ужасно недалековидно.

Возможно, ей простят то, что она взяла чужого жеребца, но, если пес не вернется домой, мистер Бледсо едва ли сможет простить ей эту потерю. Что ж, придется покаяться, придется замаливать грехи...

Элизабет, конечно же, страшилась гнева мистера Бледсо, но гораздо больше боялась она ласкового укора Нэнси Ли — эта женщина была матерью Маргарет, лучшей подруги Элизабет. При мысли о том, что Нэнси встретит ее грустным, полным разочарования взглядом и снова отчитает за поведение, неподобающее хорошо воспитанной молодой леди, девушка забыла об усталости, забыла даже о том, что могла бы без труда отыскать дорогу

домой — просто-напросто предоставила бы жеребца самому себе, и тот непременно пришел бы в конюшню, где его ждал мешок с овсом.

Торжественный прием в честь восемнадцатилетия Элизабет должен был стать ее первым появлением в обществе. Но если дома узнают о том, что она натворила, ее надолго запрут в комнате. К тому же опозорят перед всеми гостями, сурово отчитав при них. С ней обойдутся как с маленькой девочкой — причем именно в тот день, когда она должна впервые появиться в обществе в качестве юной леди. Нет, этого нельзя допустить.

Приподнявшись в седле, Элизабет снова позвала Цезаря, но не услышала ответного лая — в лесу царила гнетущая тишина. Ей даже показалось, что она не услышала собственного голоса — очевидно, тяжелый влажный воздух заглушил его. Элизабет обливалась холодным потом, и сердце ее гулко билось в груди. Теперь она думала лишь о том, как бы побыстрее выбраться из мрачного леса и вернуться домой, в безопасный и с детства знакомый особняк. Да, она должна вернуться как можно быстрее, пусть даже дома ей предстоит встретиться с мистером Бледсо и Нэнси.

Собравшись с духом, Элизабет крепче сжала поводья и, прикрикнув на копя, пришпорила его.

Джед Филдинг не был суеверным человеком, однако после долгих лет одиночества у него начало развиваться нечто похожее на «шестое чувство». Человек здравомыслящий, Джед не верил в духов и прочую чертовщину, но за двадцать пять лет жизни он усвоил простую истину: следует бояться того, чего не можешь понять и объяснить. Джед всегда чувствовал опасность и нисколько не сомневался: именно эта «чувствительность» не раз спасала его от серьезных неприятностей.

Он находился далеко от гор Колорадо и диких прерий Техаса, и на многие мили вокруг не было ни медведей, ни индейцев. Однако «шестое чувство» не дремало, и Джед никак не мог избавиться от какого-то тягостного ощущения... Он раз за разом оглядывал окрестности, пытаясь выявить причину этого странного беспокойства и неуверенности, но ничего не замечал — во всяком случае, ничего подозрительного. Когда же у него возникло это неприятное ощущение? Может, нынешним утром? Нет, скорее всего оно преследовало его с того самого момента, как он ступил на землю Алабамы.

Но очень может быть, что его беспокойство — дань сентиментальности. Возможно, он просто расчувствовался. Впервые за десять лет он вернулся домой, и это вызвало поток воспоминаний и связанных с ними чувств. Джед словно слышал голос матери, тихий и ласковый; сидя за ужином, мать обращалась к Господу с благодарственной молитвой. Он представлял лицо отца, необычайно суровое при свете свечей, и, казалось, чувствовал, как задувает в щели между бревнами холодный ветер. Джед не питал любви к этим местам, но воспоминания возникали помимо его воли. И не все они навевали грусть.

Возможно, воспоминания — это лучшее, что осталось в его жизни. Он всегда знал, что однажды вернется сюда, но никогда не думал, что это произойдет... именно так.

Всю последнюю неделю Джед заканчивал дела, связанные с продажей фермы, и почти ничего не сделал для того, чтобы привести в порядок хижину. Его домик выглядел сейчас не лучше, чем в день приезда: стены покосились и осели, дерн под фундаментом размыло дождями, а внутри все было затянуто паутиной и покрыто толстым слоем пыли. К тому же оконные стекла были разбиты, а в углу угнездились семейство крыс. Впрочем, Джед не обращал на крыс внимания, ему случалось делить кров и с худшими соседями. Но все же

грустно было сознавать, что его отец, всю жизнь трудившийся не покладая рук, смог оставить единственному сыну только эту полусгнившую бревенчатую хижину да несколько акров неподатливой неплодородной земли, давно уже заросшей сорняками.

В камине пылал огонь, и весенний ветерок, залетевший в окно, сдувал пыль с испещренного царапинами и покрытого «шрамами» дубового стола. Заставив себя не думать о грустном, Джед решительно пересек комнату и снял с гвоздя седельные сумки (его ноги, обутые в мокасины, ступали почти бесшумно). Джед решил поторопиться; эти места навевали печаль, и ему хотелось уехать отсюда как можно быстрее.

К сожалению, все отцовские инструменты давно заржавели, а тарелки и миски матери потрескались. Поэтому он взял с собой только семейную Библию. Снял ее с каминной полки, с минуту смотрел на нее, потом смахнул пыль с переплета и сунул книгу в седельную сумку. Шагнув к камину, наклонился, чтобы загасить огонь. — и вдруг замер, насторожился...

Джед услышал ржание своей лошади, а затем — треск сухой ветки. И тотчас же в его руках оказалось ружье, как всегда, уже заряженное. Где бы человек ни оказался, он едва ли мог рассчитывать на долгую жизнь, если забыл перезарядить оружие.

Джед отступил к стене и, прижавшись к ней, стал осторожно продвигаться к окну. Потом почти неуловимым движением вскинул ружье и положил палец на спусковой крючок.

Жеребец зафыркал, прядая ушами, однако Элизабет сочла это всего лишь проявлением дикого несносного нрава и продолжала понукать его. За амазонку девушки то и дело цеплялись колючки и ветки, однако она этого не замечала. Конь по-прежнему проявлял беспокойство, и у Элизабет возникла безумная надежда... «А может, он почуял собаку? — подумала она. — Может, Цезарь где-то поблизости?» Ослабив поводья, девушка продолжила путь, доверившись чутью коня.

Густой подлесок вскоре уступил место высокой траве, и теперь Элизабет ехала по зеленым лужайкам, за которыми, возможно, начиналась проторенная дорога. Девушка вздохнула с облегчением. Проклятая собака по-прежнему не появлялась, но можно было хотя бы рассчитывать на то, что она, Элизабет, все же сумеет засветло добраться до дома. Внезапно жеребец снова зафыркал, и почти тотчас же раздался собачий лай, доносившийся откуда-то издалека. Элизабет с силой натянула поводья, и жеребец, протестуя, вскинул голову, но все же остановился. Приподнявшись на стременах, девушка осмотрелась в надежде отыскать Цезаря. Она хотела позвать собаку, но вдруг увидела то, что ее конь уже давно почуял.

Прямо перед собой она заметила тонкую струйку дыма, поднимающуюся из покосившейся каминной трубы, но сама хижина была почти полностью скрыта лианами и жестким кустарником. Элизабет лишь сейчас сообразила, что уже находится во дворе, заросшем травой и кустарником. Было совершенно очевидно, что хижина обитаема, — значит, тот, кто находился внутри, мог оказать ей помощь. Однако кое-что смущало... Из хижины не доносилось ни звука. Негры-рабы, конечно же, сказали бы, что это — дом с привидениями. Но ведь здесь не может быть никаких домов с привидениями, и если так...

Сердце девушки бешено колотилось; она понятия не имела, где находится, но ей вдруг представилось, что именно в таких вот заброшенных хижинах в чаще леса обычно скрываются какие-нибудь злоумышленники, — например, беглые каторжники, разбойники или беглые рабы, — которые могут напасть на одинокую женщину. «Надо повернуть

обратно и как можно быстрее покинуть это жуткое место, — думала Элизабет. — О... как права была Нэнси, когда говорила, что не следует выезжать на верховую прогулку без сопровождающих».

И тут она заметила какое-то движение в кустах голубики. И вроде бы закачалась ветка... Девушка в ужасе замерла. Она чувствовала: на нее кто-то смотрит! Судорожно сглотнув, Элизабет наклонилась к уху коня и прошептала:

— Ну, давай же, мальчик, иди... — Она легонько натянула поводья. — Иди же, иди...

Конь наконец-то развернулся, но потом вдруг остановился и, вскинув голову, громко заржал. Элизабет казалось, что сердце ее вот-вот выскочит из груди. Она рванула на себя поводья, и жеребец, снова заржав, взвился на дыбы. Девушка прилагала отчаянные усилия, пытаясь удержаться в седле, — если бы она упала, разъяренный жеребец наверняка ее затоптал бы...

Тут конь замотал головой, зафыркал и принялся рыть копытами землю. Потом попятился. Животное явно взбесилось. Элизабет прекрасно понимала: если жеребец понесет, она непременно упадет на землю, зацепившись за ветви деревьев, — упадет прямо под копыта...

Поводья впились в ее обтянутые перчатками руки, и девушка едва не вскрикнула от боли. Пытаясь сдержать подступавшие к горлу рыдания, она отчаянно боролась с конем, но ей никак не удавалось усмирить непокорное животное. «Но что же так напугало жеребца? — внезапно промелькнула мысль. — Может, кто-то затаился в кустах?..»

В следующее мгновение она снова заметила движение в листве. Или это просто солнечный блик на металлическом бочонке? Тут конь опять заржал и взвился на дыбы. Элизабет закричала — и тотчас же услышала грохот выстрела.

Сознание возвращалось медленно — перед глазами возникали расплывчатые зеленые и желтые круги. Сначала она чувствовала только ужасную боль в затылке, ей казалось, что ее вот-вот вырвет. Элизабет тихонько стонала, пытаясь унять позывы тошноты. Наконец круги перед глазами начали исчезать, взгляд ее сфокусировался — и все чувства уступили место беспредельному ужасу... Прямо перед ней стоял высокий широкоплечий мужчина с резкими чертами лица и спутанными светлыми волосами; его сшитые из оленьей кожи куртка и штаны были украшены бахромой.

Тут незнакомец сделал шаг вперед и, склонившись над девушкой, принялся распускать шнуровку на ее платье. Почувствовав прикосновение его рук, она хотела закричать, но горло словно сдавили ледяными пальцами. Элизабет не знала слова «насилие», но до нее доходили рассказы о том, какие ужасы происходили с незащитными женщинами. Ужасы эти творили мужчины, и многие женщины считали, что лучше умереть, чем претерпеть надругательство над собой. Элизабет лежала, затаив дыхание, лежала, парализованная страхом; она ожидала самого худшего.

И вдруг она услышала его голос, на удивление мягкий и даже умиротворяющий, — совершенно будничным тоном он произнес:

— Нет-нет, я не стрелял в вас. — Чуть сдвинув жесткий корсаж и обнажив часть ее груди, незнакомец продолжал: — Я не стрелял и в вашего коня, хотя, возможно, и следовало... Конь мог убить вас.

Он куда-то отошел, и Элизабет закрыла глаза — внезапно хлынувшие на нее потоки света ослепили ее. Однако она по-прежнему не могла пошевелиться. Даже закричать не могла. О Господи, почему она не могла закричать?

Тут он снова подошел к ней, и в ту же секунду Элизабет почувствовала у горла что-то холодное. Оказалось, что это влажный платок. Незнакомец же вновь заговорил:

— Вашего коня напугала змея — водяной щитомордник. И мне пришлось ее пристрелить. В большинстве случаев лошади стараются затоптать змею копытами, и я думал, что ваш жеребец поступит так же. Но, похоже, этот дьявол хотел сбросить вас на землю и расправиться и с вами, и со змеей. — Он снял платок с ее шеи и, отступив на шаг, продолжал: — Кажется, вы не пострадали, просто очень испугались. Полежите еще немного, и все пройдет.

И тут до нее начало доходить, что незнакомец вовсе не желал ей зла — в противном случае он вел бы себя совершенно иначе. Да и голос у него был совсем не «злодейский»... По-прежнему не в силах пошевелиться, Элизабет смотрела на стоявшего перед ней рослого мужчину. Она попыталась сообразить, что же с ней произошло, но головная боль от этого усиливалась. Она не могла даже заплакать...

Присев прямо на траву, Джед принялся рассматривать девушку. Он смотрел на нее с любопытством и восхищением. Долгие годы он прожил на Западе, где мужчины месяцами не видели женщин и лишь мечтали о них, но, даже мечтая, Джед не мог представить, что существуют такие красавицы, — чтобы вообразить нечто подобное, не хватило бы самой богатой фантазии.

Конечно, эта девушка — леди. И, конечно же, из богатой семьи. Но что она могла делать здесь? И почему скакала на полудиком жеребце? Джед не находил ответов на эти

вопросы. Он снова окинул взглядом лежащую перед ним девушку. Она казалась ослепительно прекрасной даже сейчас — с растрепанными волосами и в помятом платье. Впрочем, у нее были чудесные волосы — блестящие и черные как смоль. Но она, судя по всему, очень испугалась. Ее маленькая грудь бурно вздымалась и опадала, а в огромных зеленых глазах застыл ужас. Юбка девушки немного задралась, и были видны белые, как пена, кружевные нижние юбки и — почти до колена — стройная изящная ножка, обтянутая белым чулком.

Сообразив, что слишком уж долго разглядывает красавицу, Джед смутился. И тотчас же подумал о том, что она смутилась бы еще больше, если бы поняла, что беспорядок в ее одежде не ускользнул от его внимания. Но, очевидно, подобные мысли не приходили ей в голову — ведь она ужасно испугалась. Немного помедлив, Джед быстрым и почти неувидимым движением оправил юбку девушки — так, чтобы юбка прикрыла даже ботинки. Однако при этом он успел еще раз взглянуть на то, что ему видеть не полагалось, и тотчас же почувствовал жар и стеснение в груди. Джед невольно вздохнул... Ему казалось, что он своим нескромным взглядом оскорбил молодую леди — пусть даже она ничего не заметила.

Однако девушка все-таки перехватила его взгляд — он понял это уже в следующую секунду, когда заметил, что она вздрогнула и посмотрела на него со страхом в глазах. Джед потупился, раздосадованный тем, что напугал девушку. И тут она вдруг прошептала:

— Пожалуйста... скажите, сэр, что вы собираетесь со мной сделать?

Он поднял голову. Красавица смотрела на него широко раскрытыми глазами, смотрела так, словно ожидала самого худшего. Джед мысленно усмехнулся. Если бы он сейчас заявил, что собирается отрубить ей все пальцы и скормить диким зверям, она бы, наверное, не удивилась. Конечно же, бедняжка ужасно напугана, но изо всех сил старается держать себя в руках, так что следовало отдать должное ее выдержке.

Решив, что должен как-то успокоить девушку, Джед проговорил:

— Я хочу напоить вас чаем. А вы пока лежите спокойно...

Элизабет облизала пересохшие губы. Чай... змея... выстрел из ружья — все перемешалось у нее в голове. Чуть приподнявшись, она взглянула на незнакомца, направлявшегося в сторону хижины. Оказывается, он пытался помочь ей. Возможно, даже спас ей жизнь. Значит, теперь она в безопасности. Значит, не следует бояться этого человека...

И тут она вспомнила, как он распускал шнуровку на ее корсаже. И вспомнила, как заблестели его глаза, когда он бросил взгляд на ее нижние юбки, — а этой части ее туалета не видел ни один мужчина с тех самых пор, как док Саймоне лет десять назад ставил ей примочки на лодыжку. Элизабет невольно вздохнула... Если бы она не испытывала такого облегчения — ведь только чудом осталась в живых! — то, наверное, умерла бы от стыда. Мужчина увидел столь интимную часть ее туалета!.. Если бы Нэнси узнала об этом, она не пережила бы такого позора. Подумать только — благовоспитанная молодая леди лежала на траве посреди леса, и незнакомый мужчина в это время глазел на нее...

Собравшись с духом, Элизабет заставила себя сесть и несколько раз с усилием сглотнула — у нее ужасно пересохло во рту. Она попыталась осмотреться и тотчас же почувствовала головокружение — все поплыло у нее перед глазами, и казалось, что весь мир вращается вокруг нее. Элизабет крепко зажмурилась и сделала несколько глубоких вдохов...

Минуту спустя она открыла глаза и снова увидела перед собой мужчину в одежде из оленьей кожи — он стоял возле нее на коленях и протягивал ей оловянную кружку, от

которой поднимался пар. Она колебалась, и незнакомец, заметно усмехнувшись, проговорил:

— Не бойтесь, этим вы не отравитесь. — Немного помолчав, он с улыбкой добавил: — Мне стоило большого труда поймать вашего жеребца. Я привязал его, так что пусть теперь подумает о своих манерах.

Элизабет наконец-то взяла кружку.

— Б-благодарю вас, — пробормотала она и попыталась улыбнуться.

Напиток был слишком горячий, поэтому Элизабет просто держала кружку в руках, дожидаясь, когда он остынет. Однако она уже не боялась незнакомца. Теперь, когда она как следует рассмотрела его, он не вызывал у нее страха. Глядя на него, Элизабет испытывала совсем иное, прежде незнакомое ей чувство...

Сидевший перед ней мужчина казался замечательным, совершенно необыкновенным человеком. И, конечно же, ей не следовало его бояться. Разумеется, он выглядел в высшей степени необычно, но в нем не было ничего угрожающего. Высокий и широкоплечий, с огромными руками и загорелым обветренным лицом... И у него были чудесные волосы — великолепная золотистая грива. А его глаза... светло-карие, орехового оттенка, они были обрамлены густыми черными ресницами и оттенены столь же черными бровями. Элизабет пришла к выводу, что ее спаситель — весьма привлекательный мужчина. И при этом он не походил ни на одного из тех мужчин, которых ей доводилось видеть.

Испугавшись, что незнакомец заметит, как бесцеремонно она его разглядывает, Элизабет опустила глаза и уставилась в свою кружку.

«Чай» казался зеленоватым, и в нем плавали какие-то травинки. То есть выглядел напиток очень подозрительно. Собравшись с духом, Элизабет спросила.

— Простите, а что это?

— Это травы. Не знаю, как они называются по-английски. Но индейцы используют их как укрепляющее средство.

Девушка с любопытством взглянула на собеседника.

— Индейцы? Откуда вы знаете?

Усевшись поудобнее, Джек с улыбкой проговорил:

— Видите ли, некоторое время я жил с ними. Элизабет в изумлении уставилась на сидевшего перед ней мужчину.

— Неужели здесь есть индейцы? — спросила она наконец.

Он снова улыбнулся:

— Нет, мэм. Я с Запада.

Запад... Само это слово звучало как чудесная сказка, как обещание необыкновенных приключений. Запад казался далекой и романтической страной, местом обитания краснокожих и гигантских буйволов. И там же, на бескрайних, выжженных солнцем равнинах, обосновались отважные искатели приключений... Конечно же, этот человек приехал с Запада — как она сразу не догадалась?

Мысли ее закружились в бешеном хороводе — ведь совсем недавно она с величайшим интересом слушала рассказы о Диком Западе и об искателях приключений, о тех, кто осваивал эти земли и составлял карты, о тех, кто покорял эти территории. Но встретить такого человека здесь, в Алабаме, — подобное казалось невероятным... Девушка с восхищением смотрела на незнакомца; ей ужасно хотелось расспросить его о жизни на Западе, но она не решалась.

Внезапно Элизабет сообразила, что glazeет на своего спасителя самым неприличным образом. Она вспыхнула и в смущении потупилась. Немного помедлив, отхлебнула варева из кружки. Напиток все еще был горячим, однако оказался довольно приятным на вкус. Решившись наконец-то поднять голову, Элизабет с робкой улыбкой проговорила:

— Видите ли, я... — Встретив взгляд карих глаз, она снова смутилась. И вдруг выпалила: — Боюсь, что мы еще не представились друг другу, как полагается.

Джед невольно усмехнулся.

— Меня зовут Джошуа Филдинг, мэ. Но чаще меня называют Джедом.

— Джедом?

Он пожал плечами:

— Вероятно, потому, что мое второе имя Эдвард. Вот люди и соединили два имени в одном. Меня почти все так называют, и я давно привык...

Джед с изумлением отметил, что ему очень легко общаться с этой девушкой, хотя обычно он чувствовал себя неловко в присутствии женщин — во всяком случае, не знал, о чем с ними говорить.

И дело было не в том, что женщины, с которыми ему приходилось общаться, ждали от него каких-то особенных слов. Нет, особенной была она, сидевшая сейчас перед ним девушка. Да, она совсем не походила на всех прочих женщин, и с ней он мог бы говорить обо всем на свете, то есть это был действительно особый случай... Джед мысленно улыбнулся, вспомнив, с каким ужасом она смотрела на него, когда, очнувшись, открыла глаза; бедняжка словно окаменела от страха, но все-таки не заплакала, сдержалась.

Тут она взглянула на него с едва заметной улыбкой и проговорила:

— Благодарю вас, мистер Филдинг, за заботу обо мне. Вы были очень любезны.

Как ни странно, но Джед почувствовал, что ему приятно слышать эти слова. Но почему эта девушка оказалась в лесу без провожатых? Внимательно посмотрев на нее, Джед сказал:

— Если вы позволите поинтересоваться, мэ... Что же вы здесь делали на таком бешеном коне, как этот? Может, у вас неприятности?

Элизабет поспешила опровергнуть подобное предположение:

— Нет-нет, у меня все в порядке. Но дело в том... — Тут она вдруг сообразила, что собеседник прав и у нее действительно неприятности. — Видите ли, я решила немного покататься, но мне не хотелось беспокоить моего грума. Однако я вовсе не собиралась забираться так далеко. Просто у меня убежала собака, и я пыталась отыскать ее, потому что это любимый пес мистера Бледсо и...

Вспомнив о мистере Бледсо, она в смущении умолкла. Не было ни малейших сомнений: если Цезарь не вернется, ей придется за это ответить.

Тяжко вздохнув, Элизабет продолжала:

— Если пес не вернется, у меня будут большие неприятности. До сих пор я никогда не отправлялась на прогулку без разрешения, и вот...

Она снова умолкла и потупилась. Затем взглянула в сторону леса, словно ожидала, что из чащи вот-вот выбежит пес.

Джед с удивлением посмотрел на собеседницу — слишком уж серьезно она относилась к своему приключению. Впрочем, он прекрасно понимал, что живет в совершенно ином мире — во всяком случае, потеря собаки не казалась ему причиной для огорчений. И все же Джед сочувствовал этой девушке — сочувствовал, потому что видел отчаяние в ее глазах. Ему захотелось как-нибудь ее утешить, приободрить, пусть даже ее «горе» вызывало у него

удивление. Он тоже посмотрел в сторону леса и проговорил:

— Весьма вероятно, что пес найдет вас по запаху или по запаху вашего коня. Не беспокойтесь, он догонит вас. Или след приведет его домой, когда он проголодается.

Элизабет вздохнула с облегчением — слова собеседника действительно успокоили ее. Только почему же она сама не догадалась, что пес и без нее найдет дорогу домой? Конечно же, глупо было так расстраиваться по столь ничтожному поводу. Сделав глоток «чая», она сказала:

— Вы говорите как человек, хорошо знающий повадки собак, мистер Филдинг. У вас, наверное, есть собака?

— Нет. Но когда-то у меня был ручной волк. — Заметив изумление в глазах девушки, Джек добавил: — Впрочем, он, по-моему, был наполовину собакой. Я наткнулся на него, когда он пытался стащить кусок мяса из моего лагеря, а это необычно для волка... Как правило, волки держатся подальше от людей, когда чувствуют их запах. К тому же он хромотал, потому что у него была поранена лапа. На следующий день я свернул лагерь. Но перед тем как двинуться дальше, оставил для него немного мяса. И очень скоро волк последовал за мной. Он ночевал в лагере и бежал рядом с лошадьми, когда его нога немного зажила. Вот почему я думаю, что он был наполовину собакой.

Заинтересовавшись рассказом о волке, Элизабет спросила:

— А что с ним стало потом?

Тут Джек вдруг понял, что ему не хочется продолжать этот рассказ. Но было очевидно, что девушка с нетерпением ждет продолжения, и Джек не смог ей отказать.

— Однажды мой волк отстал от меня, — ответил он. — Думаю, вернулся к своим сородичам. Или погиб.

Элизабет заметила, что на лицо собеседника набежала тень. Джеду и впрямь сделалось не по себе; лишь сейчас он осознал, что ему очень не хватало волка — во всяком случае, в первые несколько дней после его исчезновения. Но, может быть, все дело в том, что он рассказал эту историю женщине — ведь женское общество, как известно, располагает мужчину к чувствительности...

Сделав еще глоток из кружки, Элизабет с любопытством посмотрела на Джека. Ей показалось, что она начала понимать этого странного человека. Хотя, конечно же, он совершенно не походил на всех прочих мужчин — по крайней мере на тех, которых она знала.

Возможно, все дело в его наряде из оленьей кожи. Однако Элизабет прекрасно понимала: одежда лишь дополнение, какой бы оригинальной она ни казалась. Нет, не только костюм, в этом человеке все было необычным: и лицо, и глаза, и чудесные золотистые волосы... Каждый его жест, каждое движение свидетельствовали о том, что он существо особой породы. Казалось, он даже дышал не так, как все прочие смертные. Вот он выдернул несколько травинки и принялся сплести их в косичку, причем делал это машинально, без малейших усилий. Элизабет смотрела на его руки как зачарованная. Загрубевшие пальцы Джека проделывали столь тонкую работу с удивительной легкостью. Последние два года Элизабет носила траур по матери и почти не общалась с людьми своего круга. В то время как другие юные красавицы появлялись в обществе, учились флиртовать и принимали ухаживания кавалеров, Элизабет предавалась мечтам и читала романы. Но сейчас она поняла: представшая перед ней реальность намного увлекательнее романов и всех ее мечтаний и фантазий.

Джошуа Эдвард Филдинг не раз подвергался всевозможным опасностям, испытывал лишения. Его жизнь совершенно не походила на жизнь мужчин ее круга, и они не имели о ней ни малейшего представления. Джек многое знал и многое видел — видел такие вещи, о которых, Элизабет догадывалась, он не станет ей рассказывать. Этот человек явился из другого мира, из жизни, о которой она совершенно ничего не знала.

Не пытаясь скрыть свое любопытство, Элизабет спросила:

— Интересно, что за люди отправляются на Запад? Джек тихонько рассмеялся:

— Право же, я и сам не знаю. В Техасе, похоже, никто об этом не задумывается. Просто люди там не видели ничего другого.

— В Техасе?! — Элизабет с восхищением смотрела на своего нового знакомого. — Пожалуйста, расскажите мне о Техасе. Что за люди там живут? Что заставляет их отправляться так далеко? Должно быть, на это способны лишь самые отчаянные храбрецы! Но там, наверное, удивительно красивые места...

Джек невольно улыбнулся:

— Ну... не могу сказать, что в Техас отправляются одни лишь храбрецы. Конечно, некоторые из них именно такие. Но по большей части это те, кто ищет работу и хоть какое-нибудь пристанище — скотоводы, фермеры и просто бродяги.

— И вы... такой же?

Элизабет постаралась скрыть свое разочарование. «Неужели этот человек всего-навсего фермер?» — подумала она.

— Я?.. Нет-нет, — пробормотал Джек, и Элизабет заметила, что на лицо его набежала тень. — Нет, я не фермер, — добавил он, словно прочитал мысли собеседницы.

— Тогда кто же вы? — допытывалась девушка.

И тут Джек вдруг понял, что ему не так-то просто ответить на этот вопрос. Вполне естественно, что в разговоре с красивой женщиной мужчине хочется приукрасить свою жизнь, и, вероятно, Джеку тоже хотелось бы рассказать о своих успехах, если бы он чего-нибудь добился за последние годы. У него было небольшое ранчо в Техасе, но после трех лет каторжной работы на нем его мечта так и осталась мечтой, поэтому ему не хотелось об этом говорить. Действительно, не очень-то приятно было бы рассказывать о том, как он работал до седьмого пота, о том, что жил в чудовищных условиях, а в итоге...

Решившись наконец ответить, Джек с усмешкой проговорил:

— Видите ли, я в основном борец...

Элизабет кивнула, хотя совершенно не понимала, о чем речь. Немного помедлив, она продолжала:

— Говорят, что Техас — очень суровая страна. Должно быть, там, на Западе, много отчаянных людей...

— Да, я тоже об этом слышал. — Джек пожал плечами. — Некоторые утверждают, что в Техасе есть только два типа людей: те, кого дьявол покусывает за пятки и гонит с места на место, и те, кто носит дьявола в себе.

В глазах Элизабет вспыхнули огоньки.

— А к какому типу принадлежите вы, мистер Филдинг? Лицо его озарилось веселой улыбкой.

— Пожалуй, к обоим, — ответил он не колеблясь. Элизабет рассмеялась, и ее смех подействовал на Джека, как добрый глоток виски, — с той лишь разницей, что смех этот согревал лучше любого напитка. Джек пристально посмотрел на собеседницу и вдруг понял,

что пытается флиртовать с ней. В следующее мгновение она подняла на него глаза, и их взгляды встретились...

Элизабет не могла бы сказать, что прочла в его взгляде, но на мгновение у нее перехватило дыхание. Она видела перед собой светло-карие глаза, опущенные поразительно черными ресницами, и казалось, что в глазах этих пылает пламя. Девушка смотрела на Джеда словно загипнотизированная — его взгляд завораживал, притягивал, не отпускал...

Сердце Элизабет гулко билось в груди, кровь, казалось, бурлила в жилах, дыхание участилось... Ей вдруг почудилось, что она чувствует прикосновение Джеда, хотя он, конечно же, не прикасался к ней. Это длилось всего лишь мгновение, может, какую-то долю мгновения, но именно в этот миг Элизабет подумала: «Сейчас он меня поцелует». Она не могла бы объяснить, почему ей пришла в голову подобная мысль, но вместе с тем была уверена, что это не пустая фантазия. Элизабет замерла в ожидании; от волнения у нее даже закружилась голова.

И Джек действительно был готов ее поцеловать. Сейчас, когда он смотрел в ее сияющие глаза, он был способен на все, потому что мир — мир, каким он знал его до сих пор, — перестал существовать. Монотонное гудение насекомых, тихий шепот травы, колеблемой ветром, мельчайшие пылинки, танцевавшие в пронизанном солнцем воздухе, — все это вдруг куда-то исчезло, остались только он, оказавшийся на краю неведомой бездны, и она, смотревшая на него глазами, сверкавшими, точно драгоценные камни. Внезапно губы девушки чуть приоткрылись, и Джек, решившись наконец поцеловать ее, протянул к ней руки... Треск сучьев в густом подлеске мгновенно отрезвил Джека. Резко повернувшись, он увидел выбежавшую на поляну собаку.

— О... Цезарь! — в восторге воскликнула Элизабет. Было очевидно, что она испытывает огромное облегчение.

Пес бросился к девушке и, упершись ей в плечи грязными лапами, лизнул ее в лицо своим влажным языком.

— Какой же ты, Цезарь, гадкий, скверный пес! — Элизабет весело засмеялась и, повернувшись к Джеду, проговорила: — Вы были правы, он нашел меня.

Джек с улыбкой кивнул. Он искренне сочувствовал девушке и теперь радовался вместе с ней, хотя пес, как он мысленно отметил, появился в самый неподходящий момент.

Элизабет принялась вытаскивать колючки из густой шерсти Цезаря. Время от времени она поглаживала его и весело смеялась. Когда же Джек, сделав из веревки ошейник, накинул петлю на шею пса, девушка воскликнула:

— О, благодарю вас! Теперь-то он уже не сможет от меня убежать!

Минуту спустя Элизабет вдруг заметила, что Джек держит под уздцы ее коня. Быстро оправив и разгладив юбку, она подобрала с травы свою шляпу. Настало время прощаться. В смущении глядя на своего нового знакомого, девушка проговорила:

— Мистер Филдинг, я думаю... К сожалению, мне пора ехать...

— Да, мэ. Вас, вероятно, давно уже ждут. Элизабет молча кивнула и окинула взглядом поляну.

Затем снова посмотрела на Джеда. Его золотистые волосы, казалось, сверкали под лучами солнца. И он был такой высокий, что ей пришлось запрокинуть голову, чтобы заглянуть ему в глаза. «Неужели все так и закончится? — подумала Элизабет. — Неужели мы больше не увидимся?» Она вдруг поняла, что ей ужасно не хочется уезжать.

Ее лучшая подруга влюбилась в мужчину, которого видела всего раз в жизни, когда он,

герой войны, лежал раненый, истекающий кровью на палубе корабля. В течение трех лет Маргарет оставалась верна своей единственной, порожденной фантазией любви, и все эти три года Элизабет безмерно завидовала подруге, поражаясь красоте ее тайного романтического чувства. Но даже история Маргарет, какой бы прекрасной она ни была, не шла ни в какое сравнение с нынешним приключением Элизабет. Так неужели же она могла так просто уехать?

Словно прочитав ее мысли, Джед вдруг проговорил:

— Я провожу вас на всякий случай — чтобы знать, что вы благополучно добрались до дома.

Лицо Элизабет озарилось счастливой улыбкой. Но уже в следующее мгновение она представила, как будет выглядеть ее возвращение. Что скажет Нэнси, что подумают знакомые, когда увидят, как она, растрепанная, в запачканной и измятой амазонке, выезжает из леса в обществе незнакомого мужчины? Вспомнив, что этот человек распускал шнуровку на ее платье, видел ее нижние юбки и прикасался к ней, девушка залилась краской. Если бы кто-нибудь из знакомых узнал об этом, ее репутация погибла бы!

— Нет-нет, вы не должны... — пробормотала она, потупившись. — Это было бы неприлично. Если кто-нибудь нас увидит... О, это невозможно!

Джед смутился — он понял, что девушка права и его предложение было неуместным.

— Если вы немного проедете по этой вот тропе, — сказал он, — то попадете на дорогу в Мобил. Вы ведь сумеете добраться до дома?

— Да, конечно. — Элизабет невольно улыбнулась; оказывается, она заблудилась, находясь совсем недалеко от дома. — Вообще-то я неплохо знакома с окрестностями, — продолжала она. — Только не знала, что дорога так близко отсюда.

Джед пристально взглянул ей в глаза, и Элизабет вдруг почувствовала, что сердце ее снова забилося быстрее. Стараясь не выдать своего волнения, она потуже затянула шнуровку на платье, завязала ленты шляпки и убрала под нее выбившиеся из прически непокорные пряди. Джед привязал собачий поводок к луке ее седла, и теперь ей оставалось только сесть на коня.

Сцепив пальцы «замком», Джед наклонился, и Элизабет, упершись ножкой в его ладони, взлетела в седло так стремительно и грациозно, что человеческое ухо едва ли уловило бы шорох кружевных нижних юбок. Взяв в руки поводья, девушка осмотрелась. Цезарь сидел на траве и, похоже, не собирался убегать, — вероятно, понимал, что теперь уже не сумеет.

И тут Элизабет снова подумала о том, что больше не увидит Джеда. А ведь ей хотелось задать ему еще тысячу вопросов, чтобы узнать о нем все — во всяком случае, как можно больше, потому что она почти ничего о нем не знала. И еще хотелось удержать в памяти его голос, движения рук, чудесную улыбку, появившуюся на его лице в то мгновение, когда между ними возникла какая-то странная связь — такого с ней прежде не случалось... Но появление Цезаря разрушило очарование, и Элизабет чувствовала, что подобное уже не повторится. Да, ей ужасно не хотелось уезжать, но она ничего не могла поделать.

Джед молча смотрел на ослепительную красавицу, восседавшую на породистом жеребце. Сейчас она была величественной и неприступной, и он не знал, что сказать ей на прощание — теперь все слова казались неуместными и невозможными, хотя всего несколько минут назад он беседовал с ней легко и непринужденно. Интересно, догадывалась ли она о том, что в какой-то момент ему отчаянно хотелось поцеловать ее? Джед надеялся, что не

догадывалась.

Наконец, собравшись с духом, он пробормотал:

— Прошу прощения, мэ, что напугал вас. Я подумал, что... Если бы я не выстрелил, жеребец, возможно, не сбросил бы вас.

— О, мистер Филдинг, не беспокойтесь, — поспешно ответила девушка. — Я уверена, что вы ни в чем не виноваты. Вы действовали очень смело и решительно.

В последние годы Элизабет постоянно слышала наставления насчет того, что нельзя быть слишком доверчивой и незащищенной и «носить сердце на виду», но только теперь поняла значение этой фразы. Однако она была слишком неопытной в искусстве флирта и не умела вести двойную игру, поэтому в смущении проговорила:

— Поверьте, каждая девушка мечтает о том, чтобы молодой отважный незнакомец спас ее от неминуемой гибели в лесной глуши. Для меня вы сегодня стали героем, мистер Филдинг, и я никогда не забуду вас. Никогда!

Опасаясь, что станет жертвой собственной слабости, Элизабет яростно рванула поводья и уже несколько секунд спустя скрылась за деревьями.

Джед с изумлением смотрел ей вслед. Чем он заслужил столь высокую оценку? Почему эта девушка назвала его героем? Он никогда не думал о себе ничего подобного. И уж никак не ожидал услышать столь лестное мнение из уст прекрасной юной леди.

Джед еще несколько минут стоял посреди поляны, стоял, прислушиваясь к затихавшему вдали стуку копыт. Он вдруг почувствовал, что ему стало ужасно грустно, почувствовал, что не сможет забыть эту девушку. Наконец, решив, что предается нелепым и глупым фантазиям, Джед резко развернулся и направился в хижину за своими седельными сумками.

— Пошли, Сэм, — бросил он через плечо, но при этом даже не взглянул в сторону леса.

И тотчас из-за деревьев появился всадник, одетый почти так же, как Джед.

— Не хотел мешать вашему прощанию, — с усмешкой проговорил Сэм Хьюстон. Остановившись в нескольких метрах от Джеда, он добавил: — Подумал, что леди будет смущена, если я вдруг появлюсь.

Сэм Хьюстон был лучшим другом Джеда, и тот всегда был рад его видеть, где бы Сэм ни навестил его. Однако сейчас Джед почувствовал, что совершенно не расположен принимать гостей. По-прежнему не оборачиваясь к Хьюстону, он пробормотал:

— Очень предусмотрительно с твоей стороны.

— Должен заметить, что ты очень неплохо держался. — Сэм сдвинул шляпу на затылок и весело рассмеялся. — Обычно в обществе женщин ты терялся, но сейчас... Что же с тобой произошло?

Джед промолчал. Сэм Хьюстон во многих отношениях был замечательным человеком, однако у него было два недостатка — привязанность к бутылке и слабость к хорошеньким молодым женщинам. Именно поэтому Джед проигнорировал реплику друга.

Залив водой огонь в камине, Джед взял седельные сумки и ружье и направился к лошади. Он уже приготовился к отъезду, и не было смысла медлить.

— Ты сейчас обратно в Техас? — спросил Сэм. Джед наклонился, чтобы поправить подпругу.

— Да, обратно в Техас. Здесь я покончил со всеми делами.

— Отлично, — кивнул Сэм. — Похоже, что я перехватил тебя очень вовремя.

Джед нахмурился:

— Дружище, я же говорил тебе, что не хочу иметь никакого отношения ни к твоим

речам, ни к твоей политике. Когда вернешься в Техас, мы будем вместе охотиться, но здесь каждый из нас сам по себе.

— Мне хотелось бы, чтобы ты тут встретился с одним человеком, — заявил Сэм.

Джед запрыгнул в седло.

— Дружище, я ведь тебе сказал, что не интересуюсь этим.

— Но это очень влиятельный человек, — продолжал Хьюстон как ни в чем не бывало. — И у него к тебе предложение. Поговори с ним — вот все, о чем я тебя прошу. Хотя бы выслушай его...

Еще недели две назад, повстречавшись с другом по пути в Алабаму, Джед понял, что именно этим все закончится. Сэм был уверен: чем больше людей с деньгами он сумеет привлечь на свою сторону, тем больше у техасцев оснований обратиться в Вашингтон с требованием присоединить к Штатам территорию Техаса. Разумеется, Джед прекрасно понимал, что Техас отчаянно нуждался в притоке капиталов, но он полагал, что техасцы сумеют справиться со своими проблемами собственными силами и обойдутся без помощи чужаков.

Натянув поводья, Джед проговорил:

— Я уже все сказал и теперь отправляюсь в Техас. Сэм направил своего коня следом за лошадьё Джеда.

Поравнявшись с ним, пробормотал:

— Но пойми, я дал ему слово...

Джед в раздражении передернул плечами; он понял, что придется уступить и выполнить просьбу друга. Впрочем, он с самого начала знал, что уступит, потому что ни в чем не мог отказать Сэму Хьюстону. Сэм научил Джеда читать и писать свое имя, и они не раз спасали друг другу жизнь, сражаясь с многочисленными врагами. К тому же Сэм сказал, что уже дал слово...

— Черт бы тебя побрал, — проворчал Джед. — Ты же знаешь, что мне легче пройти босиком по гнезду гремучих змей, чем участвовать в этих твоих затеях.

Сэм с усмешкой пожал плечами; он тоже с самого начала знал, что друг ему не откажет.

— Так зачем же я тебе нужен, Сэм? Что ты на этот раз затеял?

Хьюстон снова усмехнулся и, непринужденно откинувшись в седле, проговорил:

— Полагаю, тебе будет полезно пообщаться с образованным человеком, мой юный друг. Тебе необходимо немного пообтесаться. — Немного помолчав, Сэм добавил: — Прошу тебя внимательно выслушать то, что он тебе скажет. Просто выслушай, и все.

— Хорошо, договорились, — пробормотал Джед. — Из-за того, что мне предстоит его выслушивать, придется выехать намного позже, чем я рассчитывал. Так что не мешало бы поторопиться...

Объехав вокруг дома, Джед спросил:

— Кстати, кто этот человек? О чем ему хочется со мной поговорить?

— Это лорд Хартли. Он из Англии. Что же касается темы вашей беседы... Сам все узнаешь, когда поговоришь с ним. Он гостит на плантации Спринг-Хилл. Это как раз по дороге в город, так что ты ненадолго задержишься.

Джед прекрасно знал, где находится Спринг-Хилл — одна из самых процветающих алабамских плантаций. В детстве Спринг-Хилл являлась для него символом всего, чего ему хотелось бы достигнуть в жизни, — это была его детская мечта, до сих пор не сбывшаяся. И вот теперь, когда он собрался навсегда распрощаться с Алабамой и своими мальчишескими

грезами, ему предстояло впервые в жизни въехать в ворота плантации Спринг-Хилл. Что ж, возможно, в этом был какой-то смысл...

Выезжая на дорогу, Джед проговорил:

— Только хочу сразу предупредить: надолго я там не задержусь.

Сэм с усмешкой покосился на друга:

— Не задержишься, если не захочешь. Но я подозреваю, что тебе там предстоит возобновить... весьма приятное знакомство.

Джед внимательно посмотрел на Сэма:

— Ты говоришь о молодой леди, с которой я недавно расстался?

Джед только сейчас сообразил, что юная красавица так и не назвала своего имени, хотя он представился по всем правилам.

Сэм между тем продолжал:

— Ее зовут Элизабет Коулмен. Она с плантации Ларчмонт, но сейчас гостит у мистера Уильяма Бледсо. Так что приготовься к встрече. — Выдержав эффектную паузу, Сэм добавил: — Уверен, что она не откажется возобновить знакомство.

В этот солнечный майский день плантация Спринг-Хилл вполне оправдывала свою славу. Обширные сады пенились цветами древовидных азалий и фуксий, вдоль извилистых дорожек сплошной стеной протянулись благоухающие кусты алых и белых роз, ряды чудесных желтых нарциссов чередовались с кустиками лаванды, а изумрудная трава газонов была тщательнейшим образом подстрижена.

По дорожке же, мимо изящных столиков, уставленных серебряными вазами с клубникой, подносами с нежнейшими кексами и хрустальными чашами для пунша, прогуливались молодые леди в туалетах пастельных тонов и джентльмены во фраках и атласных шарфах. Зонтики от солнца, украшенные кружевами и лентами всех цветов, трепетали над головами дам, а отполированные до блеска трости джентльменов постукивали по мраморным плитам дорожек.

На одной из лужаек юные красавицы в ослепительных нарядах играли в крокет. Под развесистым дубом самые богатые плантаторы штата курили сигары и беседовали о будущем Юга и достоинстве южной аристократии. Дети со смехом и громкими криками носились по лужайкам, играли в мяч и катали обручи, однако не забывали при этом, что за ними бдительно следят мамыши.

Цезарь же, вполне довольный своей жизнью, дремал у себя в будке, излишне темпераментный жеребец был уже почищен и теперь жевал в конюшне овес, а Элизабет Коулмен и Маргарет Ли сидели в гостиной на обтянутом полосатым шелком диванчике. Скромно склонив головки, девушки негромко переговаривались, но каждая думала о своем.

Шурша черным шелковым платьем, Нэнси Ли вошла в гостиную и подошла к письменному столу. Повернувшись к подругам, она выразительно взглянула на Элизабет, и та невольно отвела глаза. Было совершенно очевидно: Нэнси узнала о ее утренней эскападе. Но каким образом?..

Элизабет, подкупив мальчика при конюшне земляничным тортом, уговорила его позаботиться о жеребце и не сообщать груму мистера Бледсо о ее утренней верховой прогулке. После этого она с величайшей осторожностью поднялась наверх по черной лестнице, и, казалось бы, ее никто не заметил. Ей удалось помыться, привести себя в порядок и переодеться у себя в будуаре до того, как о ней вспомнили. Грязную амазонку и исцарапанные ветками ботинки для верховой езды она завернула в узел и уложила на дно саквояжа. Так как же Нэнси догадалась?.. Как узнала о ее приключении? Должно быть, имела еще одну пару глаз — на затылке.

Снова взглянув на Элизабет, Нэнси сказала:

— Я полагаю, юная леди, что нам следует кое-что обсудить, прежде чем мы присоединимся к гостям. — Немного помолчав, она добавила: — Поскольку же поведение одной из вас непременно повлияет на поведение другой, вам обоим будет полезно выслушать меня.

Подруги в замешательстве переглянулись и потупились. Сердце Элизабет глухо забилося; ей уже казалось, что следовало сразу рассказать обо всем Нэнси, ведь она и так догадалась... Но все-таки — каким образом?

Нэнси Ли, вдова священника, являлась воплощением всех возможных добродетелей, то есть была идеальной южанкой. Антуанетта, младшая дочь Нэнси, вышла замуж за Уильяма

Бледсо и стала хозяйкой великолепного особняка и богатейшей плантации. Так что теперь Нэнси направила всю энергию на устройство судьбы своей старшей дочери Маргарет... и ее лучшей подруги Элизабет Коулмен.

Нэнси Ли пользовалась всеобщим уважением, именно поэтому Абрахам Коулмен, отец Элизабет, после смерти супруги доверил Нэнси воспитание дочери. Плантация мистера Коулмена находилась всего в восьми милях от владений Уильяма Бледсо, и Элизабет часто у него гостила, особенно в последние два года. Порядки в доме мистера Бледсо были не слишком обременительными и строгими, так что у Элизабет не находилось поводов для разочарования — если, конечно, не считать такие ситуации, как нынешняя.

Будучи вдовой, Нэнси носила черные платья, подчеркивавшие изящество ее фигуры, а иссиня-черные волосы, резко контрастировавшие с безупречно белой кожей, стягивала на затылке в тугой узел. Хотя взгляд Нэнси мог бы остановить самого дьявола, ее подлинная сила заключалась не в суровости, а в мягкости. «Я весьма разочарована твоим поведением, дорогая», — говорила Нэнси, когда хотела отчитать Элизабет, и девушке в такие моменты хотелось втянуть голову в плечи и закрыть лицо ладонями, чтобы избежать ласкового и печального взгляда опекуниши.

Элизабет снова покосилась на подругу. Затем, повернувшись к Нэнси, пробормотала: — Пожалуйста, мэм, не сердитесь. Если бы вы позволили мне объяснить...

Нэнси вздохнула и с упреком в голосе проговорила:

— Невежливо перебивать меня, Элизабет. Я ведь не только к тебе обращаюсь, я обращаюсь... — Взглянув на дочь, она продолжала: — Обращаюсь к Маргарет... В данном случае — в основном к ней.

Элизабет почувствовала величайшее облегчение; она так обрадовалась, что даже не услышала дальнейших слов Нэнси. Маргарет! Оказывается, Нэнси ничего не знает! Не знает о ее, Элизабет, утренней аванюре. Выходит, не она, а Маргарет каким-то образом сегодня провинилась.

Но уже в следующее мгновение Элизабет нахмурилась. Ведь она, обрадовавшись своей удаче, даже не посочувствовала подруге, а той теперь приходится выслушивать упреки матери...

— ... Но это детское увлечение вышло за пределы дозволенного, — говорила Нэнси. — Мне сказали, что вчера ты прогуливалась с ним по саду, и тебя не сопровождала ни одна из старших дам. Это никуда не годится, Маргарет.

Элизабет взглянула на подругу. Маргарет сидела с невозмутимым видом; казалось, она была абсолютно спокойна. Нэнси же между тем продолжала:

— И тебе, Элизабет, следует прислушаться к моим словам. Я прекрасно понимаю, что девушки склонны к романтическим фантазиям, но боюсь, вы слишком уж увлечены весьма сомнительными романами... Подобное увлечение — за пределами здравого смысла. К тому же ты, Элизабет, всячески поддерживала это... помешательство Маргарет на генерале Хьюстоне. Уверяю тебя, ты оказала ей плохую услугу. Что же касается столь любимых вами романов... Поверьте, такое бывает только в книгах, но не в жизни.

Элизабет смиренно кивнула:

— Да, мэм, конечно...

На самом же деле Элизабет считала, что чувства, которые испытывала Маргарет к генералу Хьюстону, гораздо прекраснее и романтичнее любой истории из любовных романов. К тому же она сомневалась, что могла оказать какое-либо влияние на образ мыслей

Маргарет. Но возражать опекунше, конечно же, не следовало ни при каких обстоятельствах.

Снова повернувшись к дочери, Нэнси проговорила:

— Вчера ты вела себя совершенно недопустимым образом, моя дорогая. Думаю, теперь-то ты понимаешь, что этот человек совсем не подходит тебе. Его репутация... Его репутация такова, что молодым благовоспитанным леди из благородных семейств не следует общаться с ним. Мне кажется, ты должна забыть о нем и выбросить из головы свои романтические бредни.

Но на лице девушки было ясно написано, что она не собиралась расставаться с «романтическими бреднями».

— Сэм Хьюстон — герой войны! — заявила Маргарет, и щеки ее вспыхнули. — Он генерал, он был губернатором и...

— Совершенно верно, — перебила Нэнси. — Мистер Хьюстон действительно герой войны и генерал. Однако это не означает, что он соответствует нашим представлениям о том, каким должен быть истинный джентльмен. К тому же он разведенный, моя дорогая. И его развод сопровождался таким грандиозным скандалом, что и шепотом невозможно повторить все то, что о нем говорят — особенно в присутствии благовоспитанных дам.

— А мне все равно! — выкрикнула Маргарет. При этом в глазах ее блеснули слезы, а руки, лежавшие на коленях, непроизвольно сжались в кулачки. — Я люблю его. Люблю с той самой минуты, как увидела раненого и истекающего кровью на борту корабля в Новом Орлеане. Я уже тогда знала, что он герой Сан-Хасинто. И с того дня его образ не покидал меня. А теперь мои молитвы и провидение привели его сюда и свели нас! И я никогда не разлюблю его!

Элизабет ликовала; она гордилась своей подругой и восхищалась ею, и ей захотелось закричать об этом во все горло, захотелось поддержать подругу и ободрить. Теперь, после своего утреннего приключения в лесу, она прекрасно понимала Маргарет, понимала гораздо лучше, чем прежде. Несколько лет Маргарет мечтала о своем герое; мечты эти казались несбыточными, но она продолжала любить генерала Хьюстона и верила в свою мечту... И вот два дня назад судьба привела Сэма на плантацию Спринг-Хилл, и он полюбил Маргарет так же страстно, как она его. Значит, мечты иногда сбываются, а сказки становятся реальностью. «Возможно, наступит счастливый день, когда и мои мечты осуществятся», — думала Элизабет.

Нэнси по-прежнему смотрела на дочь, смотрела с грустью и сочувствием.

— Моя дорогая, ты ведь гораздо моложе его, генерал Хьюстон — мой ровесник. Что же касается твоей веры в провидение, то должна заметить: ты путаешь роль провидения с деловыми интересами мистера Хьюстона, а ведь именно они, и ничто иное, привели его сюда. Надеюсь, что это обстоятельство не принесет нам горького разочарования.

Маргарет молчала; было очевидно, что она не отступилась и хранит верность своему избраннику. Немного помедлив, Нэнси подошла к девушкам и, взглянув на них с ласковой улыбкой, проговорила:

— Мои дорогие, слушайте меня внимательно. Слушайте и запоминайте. Это очень важно... Так вот, юным леди всегда необходимо помнить о своем положении в обществе и никогда не вступать в отношения с людьми, находящимися за пределами нашего круга. Если вы поступите иначе, это принесет вам несчастье и разобьет ваши сердца. И не только ваши... Существует определенный кодекс джентльменского поведения, о котором, я уверена, генерал Хьюстон не имеет ни малейшего представления и которым не руководствуется. Нет

сомнений в том, что он замечательный человек, но его мир бесконечно далек от вашего, мои дорогие, и вы погубите себя, если попытаетесь соединить свои судьбы с такими людьми, как он. Я оказываю вам неоценимую услугу, когда говорю об этом. Поверьте, если вы откажетесь внять моим словам, ваши боль и страдания будут несопоставимы с тем, что вы чувствуете сейчас.

— Но вы ведь не запретите им видеться? — не выдержав, спросила Элизабет; ей казалось, что будет ужасно несправедливо, если такая прекрасная и романтическая любовная история закончится столь грустно. — Ведь Маргарет так долго ждала, так долго мечтала о встрече с ним и так преданно любила его... И вот теперь, когда он приехал сюда...

Выразительный взгляд Нэнси заставил девушку умолкнуть. Впрочем, Элизабет прекрасно понимала, что не следовало возражать опекушке — тем более что она ничем не могла помочь бедняжке Маргарет.

Вполне удовлетворенная тем, что Элизабет, судя по всему, осознала неуместность своих возражений, Нэнси сказала:

— Если генерал Хьюстон пожелает поговорить с моей дочерью, ему придется обратиться ко мне, потому что джентльмену подобает вести себя именно так. — Взглянув на дочь, Нэнси продолжала: — Я запрещаю тебе искать с ним встречи, так как подобное поведение ничего не добавит к твоим достоинствам и не вызовет одобрения людей нашего круга. Пойми, моя дорогая, молодая леди никогда, ни при каких обстоятельствах не должна проявлять инициативы и пытаться привлечь к себе внимание джентльмена. Добропорядочная девушка всегда должна помнить о скромности и благопристойности, а если ей окажут внимание, ей следует принимать это с надлежащим достоинством, ибо репутация юной леди — ее единственное приданое...

Нэнси внезапно умолкла и прошлась по комнате. Затем снова подошла к девушкам и с улыбкой проговорила: — А теперь, мои дорогие, вы должны отправиться к гостям. Каждая из вас должна быть любезной и гостеприимной хозяйкой, но в то же время не забывать о том, что следует вести себя, как подобает молодой леди. Я не требую от вас большего, но хочу, чтобы вы запомнили мои слова и вели себя соответствующим образом.

В свои сорок шесть лет Сэм Хьюстон был еще очень крепким мужчиной, ростом же и шириной плеч превосходил многих. Следует заметить, что неумеренное потребление спиртного не лучшим образом сказалось на цвете его лица, да и в фигуре Сэма появилась некоторая тяжеловатость. Однако осанка и весь облик генерала Хьюстона заставляли окружающих относиться к нему с должным уважением.

— Итак, сэр, должен вам сказать, что я вполне удовлетворен, — проговорил Сэм, обращаясь к Уильяму Бледсо. — Да-да, удовлетворен сверх всякой меры. — Генерал поднял свой стакан и с ослепительной улыбкой добавил. — Не сомневаюсь, сэр, что вы найдете Техас именно таким, каким я его описал, и скоро сами убедитесь в том, что каждое мое слово — истинная правда.

Бледсо ответил гостю вежливой улыбкой.

— Должен признаться, генерал, что ваши идеи произвели на всех огромное впечатление, пожалуй, даже заинтриговали. А моя теща... Она слушала ваши рассказы с величайшим интересом. Поэтому мы решили, что самое разумное — отправиться в Техас, чтобы увидеть все собственными глазами.

— Миссис Ли будет вас сопровождать, сэр? — спросил Хьюстон, пытаясь, впрочем безуспешно, скрыть свое удивление.

Заметив, что гость смущен, Уильям с усмешкой ответил:

— Моя теща на редкость практичная дама. Она обладает необыкновенно острым умом и удивительным для женщины деловым нюхом. В некоторых случаях я ей доверяю даже больше, чем себе самому. Что же касается суровых условий путешествия, то они ее не пугают. Женщины из семейства Ли в каком-то смысле замечательные личности. Они обладают железной волей, которую трудно заподозрить в столь хрупких созданиях, и все без исключения на редкость умны и сообразительны.

— Вот как?.. — пробормотал Хьюстон и сделал еще один глоток из своего стакана. Он ничего не мог бы сказать обо «всех без исключения» женщинах из семейства Ли, однако был абсолютно уверен: одна из них действительно замечательная...

Немного помолчав, генерал спросил.

— А прелестные дочери миссис Ли будут ее сопровождать?

— Сомневаюсь, — ответил Бледсо. — Моя жена терпеть не может путешествия, а мисс Маргарет... Откровенно говоря, сэр, я подозреваю, что миссис Ли весьма обеспокоена поведением Маргарет и едва ли разрешит ей поехать.

— Но неужели миссис Ли поедет без компаньонки? — допытывался генерал.

Бледсо задумался; очевидно, ему не так-то просто было ответить на этот вопрос.

— Я не знаю, кто станет компаньонкой Нэнси, — проговорил он наконец. — Но в одном абсолютно уверен: она сама способна позаботиться о себе, любое принятое ею решение будет приемлемым.

Сэм был разочарован. Генерал понял, что Маргарет не удастся посмотреть страну, о которой он накануне рассказывал с таким пылом. Впрочем, Сэм тотчас же напомнил себе о том, что приехал в Алабаму по делу, а вовсе не для того, чтобы искать жену. Так что у него не было особых оснований для огорчений.

Повернувшись к своему соседу слева, генерал спросил:

— А вы что думаете, мистер Коулмен? Вы, конечно же, присоединитесь к своим друзьям, не так ли?

Абрахам Коулмен отрицательно покачал головой:

— Сожалею, но сейчас я не могу оставить плантацию. Однако я счастлив, что могу положиться на мнение лорда Хартли и совет мистера Бледсо. Так как лорд Хартли в каком-то смысле возглавляет эту экспедицию, я, безусловно, соглашусь с его мнением, каким бы оно ни было. — С улыбкой взглянув на Уильяма Бледсо, Абрахам добавил: — И разумеется, я с величайшим вниманием выслушаю все, что скажет миссис Ли.

— В таком случае вопрос решен, — объявил Хьюстон. — Лорд Хартли уже весьма заинтересовался Техасом и возможностью вложений в него, и я рассчитываю, что он возглавит колонизацию этих территорий. Весьма вероятно, мистер Коулмен, что скоро и вы присоединитесь...

— Мое дело — хлопок, сэр, — ответил Абрахам. — Хлопок — вот самое подходящее для меня занятие. И если техасская почва хотя бы наполовину столь дружелюбна к плантатору, как вы сулите, то я не сомневаюсь: многие из нас присоединятся к вам.

— Хлопок — это фундамент, на котором будет построено королевство Техас, — с торжественным видом заявил Хьюстон. — От Мексиканского залива до Рио-Гранде забелеют холмы, покрытые хлопковыми плантациями. И все мы станем богатыми людьми.

— В таком случае, сэр, предлагаю тост. — Уильям Бледсо поднял свой стакан. — За нашу общую удачу.

Сэм Хьюстон, никогда не упускавший случая выпить, с жаром подхватил:

— И за Техас, где эта удача нас ожидает!

Чарльз Эджком, лорд Хартли, был на редкость красивым мужчиной. Его золотистые волосы еще не начали редеть, а безупречно правильные аристократические черты лица свидетельствовали о том, что род лорда один из самых древних в Англии. Высокий и худощавый, словно созданный для фехтования, лорд Хартли был не только безупречным денди, но и весьма проницательным человеком. При этом он никогда не терялся — даже в самых сложных ситуациях действовал стремительно, как змея, и был столь же коварен.

В Англии лорд Хартли оставил жену и сына, на Цейлоне — чайную плантацию, а в Австралии — овечье ранчо. В течение нескольких веков мужчины из рода Хартли были путешественниками и исследователями новых земель, победителями и завоевателями. В Африке, Индии, Малайзии, в Карибском бассейне и на берегах Тихого океана — повсюду они оставляли свои следы, сверкающие следы цивилизации, оповещавшие о том, что судьбами мира вершит высшая раса. Достойный наследник своих предков, Чарльз Эджком был прирожденным искателем приключений и считал покорение Техаса главным делом своей жизни.

Уильям Бледсо великодушно предложил гостю пользоваться библиотекой в любое время, и лорд Хартли чувствовал себя там как дома, хотя эта комната совсем не походила на роскошный кабинет Эджком-Холла. Вся уставленная шкафами с книгами, библиотека была не очень-то просторной, а письменный стол, внешне весьма импозантный, оказался слишком громоздким и неудобным.

Когда Джед постучал в дверь библиотеки, Эджком тотчас же впустил его. Пробормотав приветствие, лорд подошел к письменному столу и, открыв коробку сигар, протянул ее гостю. Джед не отказался — не такой он был человек, чтобы отказываться от хорошей сигары. Хартли же, непринужденно опустившись на стул возле письменного стола, предоставил Джеду устроиться напротив, на одном из огромных, обитых кожей стульев. Джед невольно нахмурился: он не доверял людям, стремившимся сесть спиной к солнцу, хотя и сам не раз использовал этот трюк.

К тому же Джед уже кое-что слышал об этом человеке — ведь лорд Хартли еще несколько лет назад проехал по всему Техасу. Те, кто встречался с ним, рассказывали, что он прекрасно играет в карты и никогда не расстаётся с ножом. Говорили, что англичанин всегда нанимал самых лучших проводников и щедро платил им. Однажды за картами один из игроков обвинил лорда в жульничестве при раздаче. В результате этот человек покинул лагерь, лишившись уха. Хартли же как ни в чем не бывало продолжил игру.

... И вот сейчас Чарльз Эджком сидел перед Джедом, откинувшись на спинку стула, с дымящейся сигарой меж длинных изящных пальцев. Улыбнувшись холодной британской улыбкой — то есть одними губами, — лорд проговорил:

— Позвольте сразу приступить к делу, мистер Филдинг, потому что вы производите впечатление человека, не склонного понапрасну терять время. Генерал Хьюстон весьма высокого мнения о вас, и сейчас я вижу, что он абсолютно прав. Вы именно тот человек, который мне нужен.

Джед молча кивнул, он ждал продолжения. Солнце из-за плеча лорда светило Джеду

прямо в глаза, и поэтому он не мог как следует разглядеть лицо собеседника. Впрочем, это не имело для него значения — Джед уже знал о Хартли все, что требовалось знать.

— Вы прекрасно ориентируетесь в лесу, — продолжил Хартли. — Вы следопыт и меткий стрелок. Я хочу, чтобы вы кое-что разведали для меня.

Джед с удовольствием попыхивал ароматной сигарой.

— Где? — спросил он.

— В Техасе, разумеется, — ответил Хартли. Немного помолчав, лорд продолжил: — Техас — обширная страна... Страна, созданная Богом для людей с размахом, для людей с фантазией. Мы с вами, мистер Филдинг, именно такие люди. И поэтому мы должны стать хозяевами Техаса.

Джед с минуту молчал, поглядывая на голубоватый дымок сигары, кольцами поднимавшийся к потолку. Наконец, пристально взглянув на Хартли, проговорил:

— Я веду разведку только для себя.

Англичанин, казалось, несколько не смутился. Однако он понял, что с Джедом договориться намного труднее, чем ему представлялось.

— Но ведь вы еще не выслушали мое предложение, мистер Филдинг.

— Мне и не требуется его выслушивать.

Хартли бросил на собеседника пытливый взгляд и молча улыбнулся. А Джед вдруг вспомнил о девушке, с которой расстался совсем недавно. Элизабет Коулмен... Интересно, сможет ли он повидать ее, прежде чем уедет? Джед очень надеялся на счастливый случай, надеялся на встречу... И в то же время говорил себе, что следует проявлять благоразумие и не питать несбыточных надежд. Самое лучшее для него — побыстрее покинуть Спринг-Хилл, покинуть мир бледных ухоженных мужчин, таких как Хартли. Лорд привык получать все, что ему хочется, и сейчас несколько не сомневался в том, что и на сей раз добьется своего. Сэм Хьюстон... Тот ухитрялся жить, стоя одной ногой в Алабаме, а другой — в Техасе, и при этом не испытывал особых неудобств, но он, Джед, не смог бы вести подобную жизнь.

— Я слышал, вы владеете землей в Техасе, — нарушил молчание лорд Хартли.

Джед действительно был награжден шестнадцатью акрами за участие в Мексиканской войне. Последние три года он занимался скотоводством — держал небольшое стадо. Хотя это нельзя было назвать состоянием, земли ему выделили неплохие, практически лучшие в Техасе.

— Верно, владею, — ответил Джед, пожимая плечами.

— Следовательно, у нас с вами общие интересы, — с улыбкой продолжал Хартли. — Ведь я тоже связываю свое будущее с Техасом. У меня есть купоны на землю.

Купоны на землю являлись едва ли не единственным товаром, который сейчас мог предложить Техас. Они были не дороже камней под ногами, и, как полагал Джед, их приобретали одни лишь простаки, надеявшиеся на удачу. Купоны не давали права на какую-то определенную землю, на определенный участок, а только содержали запись о количестве акров, на которые обладатель купонов мог претендовать. Пока на землю не предъявляли претензий, эти бумаги годились только для оклейки стен, и большую часть купонов использовали именно таким образом.

С удивлением взглянув на собеседника, Джед спросил:

— И много их у вас?

— На двести тысяч акров, — последовал ответ. — И это только начало.

— Да, впечатляет... — протянул Джед. Однако было очевидно, что его слова лишь дань вежливости. — И что же вы собираетесь делать с этой землей?

— Создать свою империю, — проговорил Хартли с совершенно невозмутимым видом. — Основать королевство, которое будет простираться от Бразоса до Сабины и от Ред-Ривер до Мексиканского залива. Это лучшие земли в Техасе, и я намерен завладеть ими.

Джед невольно усмехнулся, однако лорд Хартли, похоже, нисколько не смутился.

— Видите ли, мистер Филдинг... — продолжал он, закуривая очередную сигару. — Мы, Хартли, прославились своими завоеваниями еще со времен норманнов. Мы всегда появлялись в тех местах, где желали создать границу, где видели перспективу новых завоеваний. Техас же, как мне кажется, очень перспективная территория.

Джед стряхнул пепел в бронзовую плевательницу и, взглянув на Хартли, проговорил:

— Возможно, это не так просто, как вам кажется. Хотя бы потому, что мои земли оказались как раз посредине вашей «империи», и...

— Именно поэтому я и обратился к вам, — перебил Хартли, пристально глядя на собеседника. — Где бы ни возникали империи, там всегда находились люди, готовые побороться за них, а вы производите впечатление воителя, мистер Филдинг. Кроме того, вы самый подходящий человек для работы, которую я для вас предназначил. Вы уже кое-что вложили в техасскую землю. Значит, имеете там интерес. Мне очень хотелось бы купить ваши акры и тем самым обеспечить вашу лояльность. Более того, мистер Филдинг, если вы будете работать на меня, у вас появится шанс стать не только богатым, но и весьма влиятельным человеком. Заманчивая перспектива, не так ли?

— Верно, заманчивая, — кивнул Джед.

— Так вы согласны? — спросил Хартли.

Джед промолчал. Он разглядывал собеседника, поражаясь его невероятному высокомерию. Неужели этот англичанин действительно полагал, что сумеет добиться всего, что только пожелает? Джед не торопился с ответом, потому что пытался понять, с кем имеет дело, хотел взвесить все «за» и «против». Поначалу ему казалось, что не стоит утруждать себя раздумьями — ведь он еще в Техасе многое слышал об этом человеке, — но сейчас Джед понял: осторожность не помешает...

Судя по всему, лорд Хартли мало чем отличался от тех авантюристов и ловцов удачи, что толпами хлынули в Техас в последние несколько лет. Все они знали, чего хотят, и не особенно задумывались над тем, каким способом этого добиться. Но стоило ли их осуждать?... Ведь каждый пользовался тем оружием, которым владел лучше всего. Что же касается Хартли, то Джед почти не сомневался: человек отважный и решительный, лорд был из тех, кто способен сплутовать при игре в карты, но готов был защищать честь даже незнакомой женщины; он мог стоять за вас насмерть, если вы оказались на его стороне, но мог не задумываясь перешагнуть через вас, если вы — среди его врагов. При этом англичанина не интересовало, правомерны ли его действия или нет. Разумеется, его нельзя было назвать злодеем; лорд Хартли мог совершить любое преступление, но был способен и на благородный поступок. Возможно, именно эта особенность и делала его чрезвычайно опасным человеком.

— Вы очень осторожны, — заметил Хартли. — Что ж, это неплохо.

— Просто я не привык принимать поспешные решения, — ответил Джед. — Да, я люблю подумать... И сейчас думаю о том, что между Бразосом и Сабиной найдутся люди, которые не очень-то благосклонно отнесутся к вашим планам. И таких будет немало, уверяю

вас. Ведь там до сих пор селятся...

— Индейцы, мексиканцы и прочие бродяги, — перебил Хартли.

— Да, верно, — кивнул Джед. — Но там есть и другие поселенцы. Например, фермеры и скотоводы, то есть весьма уважаемые люди. Что же вы предлагаете сделать с ними?

Хартли улыбнулся:

— Я думаю, все они должны уйти с моей дороги. А вы, разумеется, присоединитесь ко мне.

— Если не буду с вами бороться?

Улыбка Хартли померкла. Пристально глядя на собеседника, он проговорил:

— Вы ведь участник войны, мистер Филдинг. И наверное, слышали о таких великих полководцах, как Цезарь и Наполеон. Эти люди умели смотреть далеко и прекрасно понимали, что их предназначение — нести цивилизацию варварам. Они побеждали, потому что для этого и были рождены. Они создавали империи, и мы будем поступать так же.

Джед внимательно посмотрел на собеседника. Немного помолчав, сказал:

— Техас — очень большая страна. Люди там могут оказаться весьма непокладистыми, если их раздражить. Думаю, что даже Александр Македонский получил бы хорошую взбучку, если бы вызвал гнев техасцев.

Губы Хартли снова растянулись в улыбке.

— Но ведь даже самые упрямые и непокладистые должны в конце концов уступить превосходящей силе. Таков закон истории.

Джед с усмешкой заметил:

— Для человека, так хорошо знающего историю, вы слишком мало из нее усвоили. Лет сто назад сюда уже приходили завоеватели... Завоеватели в красных мундирах. Так вот, насколько мне помнится, им пришлось поджечь хвосты, как только американцы по-настоящему рассердились.

Окинув собеседника ледяным взглядом, Хартли проговорил:

— Значит, такова ваша точка зрения? Джед пожал плечами:

— Моя точка зрения такова, что по эту сторону океана не стоит создавать империи и королевства. Эта страна слишком обширная для них и слишком суровая. И мы привыкли жить так, как нам нравится. Полагаю, вам следует это запомнить, потому что...

— Вы забываете, мистер Филдинг, что Техас — самостоятельная территория, — перебил Хартли. — Это совсем еще молодая страна и пока не очень цивилизованная. Я принесу в Техас процветание, то есть то, на чем основана цивилизация.

Джед покачал головой:

— Не рассчитывайте на то, что вам обрадуются и на пути вашего следования будут расстилать ковры. Техасцы — особенные люди. И они очень не любят, когда кто-либо вмешивается в их жизнь.

Хартли небрежным движением стряхнул пепел с сигары.

— Вы кое о чем забываете, мистер Филдинг. Вспомните Африку, Индию, Австралию, Вест-Индию... Везде мы добивались своего. Едва ли в Техасе я столкнусь с чем-нибудь особенным...

Джед бросил сигару в плевательницу и поднялся на ноги.

— Сэр, я ничего не могу сказать об африканцах и индусах, но техасцев знаю очень даже неплохо. Мы всегда выпроваживали чужаков, уверяю вас.

— Полагаю, что я понял вас. — Хартли встал. — Вы отказываетесь от моего

предложения?

— Совершенно верно, сэр. Я не могу быть чьим-либо наемником. И, слава Богу, могу сам позаботиться о своей земле. Поверьте, никто не сумеет меня оттуда выкурить.

— Очень жаль, что вы сделали такой выбор. — Хартли пристально взглянул на Джеда. — Видите ли, мистер Филдинг, те, кто не со мной, обычно оказываются в стане моих противников, и потом им приходится пожалеть о своем выборе.

Джед пожал плечами:

— Я уже сделал выбор.

— Еще не поздно передумать, — заметил Хартли. — Иначе мне придется смести вас со своего пути. Предупреждаю, вы пожалеете о своем решении.

— А вы — о своем, — ответил Джед. Хартли впился в него взглядом.

— Поверьте, мистер Филдинг, я не бросаю слов на ветер. Джед усмехнулся:

— Охотно верю, сэр.

Взгляды их встретились, и какое-то время они молча смотрели друг другу в глаза. Джед прекрасно понимал: с этой минуты они с Хартли смертельные враги. Внезапно лорд отвернулся, пересек комнату и, открыв дверь, с любезной улыбкой проговорил:

— Давайте не будем портить такой чудесный день разговорами о делах. — Он отступил в сторону, пропуская вперед Джеда. — Сейчас неплохо бы промочить горло, мистер Филдинг. Гостеприимство нашего хозяина распространяется не только на библиотеку, так что не будем терять здесь драгоценное время. Я уверен, у нас найдутся темы для приятной беседы.

— Маргарет, ты что, не слышишь, о чем я спрашиваю? — Элизабет бросила взгляд в сторону лужайки, где миссис Ли беседовала с молодыми дамами. — Ведь твоя мать сказала, что запрещает тебе искать встречи с генералом Хьюстоном, она предельно ясно дала это понять. Неужели ты осмелишься бросить ей вызов?

Маргарет взглянула на подругу и поморщилась:

— С каких это пор ты стала такой трусихой?

«Совсем недавно, — подумала Элизабет. — С тех самых пор, как Господь проявил милосердие и позволил мне сохранить мою тайну». Элизабет считала, что не стоит искушать судьбу, и, расставшись с Нэнси, твердо решила стать безупречной молодой леди. Но дело в том, что такие решения она принимала не реже чем дважды в день. К сожалению, всегда случалось что-нибудь непредвиденное, увлекавшее ее в сторону от праведного пути...

Маргарет снова взглянула на подругу, на сей раз — с мольбой в глазах.

— Элизабет, ну пожалуйста... Где твоя любовь к романтике? Мама не сможет ничего возразить, если ты будешь сопровождать меня. Там стоит твой папа, и генерал разговаривает с ним. А мы просто сделаем вид, что нам надо кое о чем спросить у мистера Коулмена. Сэм не посмеет покинуть своих собеседников, чтобы пойти искать меня, но если мы сами подойдем к ним, то это будет выглядеть вполне естественно, не так ли?

Элизабет с сомнением покачала головой:

— Вполне естественно?.. Полагаю, это будет выглядеть невежливо. Невежливо прерывать беседу джентльменов, — добавила она, поглядывая на мужчин.

Отец Элизабет, мистер Бледсо и генерал Хьюстон были увлечены разговором и, казалось, не замечали девушек.

— Но джентльменам, очень нравится, когда их разговоры прерывают, — заявила

Маргарет. — Особенно, — она тихонько засмеялась, — когда их прерывают молодые леди!

Схватив Элизабет за руку, Маргарет увлекла ее к дереву, под которым стояли мужчины. Внезапно к собеседникам присоединились еще двое. Одного из них, лорда Хартли, Элизабет тотчас же узнала — он был старым другом мистера Бледсо. Узнала и другого — высокого золотоволосого, в куртке с бахромой...

Забыв обо всем на свете, Элизабет смотрела на стоявшего неподалеку рослого мужчину, сейчас она видела только его — Джошуа Эдварда Филдинга. Он был героем ее грез, ее мечтой, символом всего необузданного, свободного и недостижимого. Но неужели мистер Филдинг здесь? Как он мог тут оказаться? Подобное казалось невозможным, но все-таки он был здесь...

Элизабет вспомнила его руки, такие сильные и, как ни странно, по-своему изящные, руки, так умело и ловко сплетавшие косицы из травинки. Она вспомнила блики солнца на его буйной шевелюре и тень от колышущейся ветки, упавшую на его бронзовую от загара щеку. Она вспомнила его глаза, такие внимательные и все замечающие, таящие множество невысказанных мыслей. Вспомнила его голос, очень приятный и ласкающий слух, точно чудесная музыка. Вспомнила будоражившие воображение слова, которые он ей говорил, и вспомнила, как он смотрел на нее, когда — она не сомневалась в этом — хотел ее поцеловать.

Потом ей вспомнилось еще кое-что, и от этих воспоминаний девушку бросило в жар. Джек Филдинг, склонившийся над ней и распускающий шнуровку на ее корсаже. Джек Филдинг, оправляющий ее юбку и бросающий взгляд на те части ее тела, которые не предназначались для обозрения... Но почему он явился сюда? Как он ее нашел? И что собирался теперь делать? Ведь кодекс джентльменского поведения на него, вероятно, не распространялся...

Элизабет споткнулась, но даже не заметила этого. Маргарет тащила ее дальше, и теперь всего лишь несколько шагов отделяли их от мужчин. Джек в этот момент смотрел на ее отца — должно быть, их представляли друг другу. «А может, вырваться и убежать?..» — промелькнула мысль.

Но было уже слишком поздно. Увидев их, отец Элизабет с приветливой улыбкой проговорил:

— Ну, молодые леди, у вас такой вид, будто вам есть что рассказать. Что же у вас за тайны? Может, поделитесь с нами вашими секретами?

Сердце Элизабет неистово колотилось и, казалось, вот-вот выскочит из груди. Она боялась встретиться взглядом с Джеком Филдингом, боялась даже взглянуть в его сторону.

— Мистер Филдинг, кажется, вы не знакомы с мисс Маргарет Ли... — услышала Элизабет голос отца. Покосившись на подругу, она заметила, что та присела в реверансе. — А это Элизабет, моя прелестная дочь, — продолжал мистер Коулмен.

У Элизабет перехватило дыхание. Только сейчас она поняла: если Джек позволит себе какое-нибудь неосторожное замечание, все откроется — все поймут, что они уже встречались... Неужели он не догадается, неужели не поймет, что от него сейчас зависит ее судьба?

Собравшись с духом, она подняла на Джеда глаза... и не заметила на его лице ничего, кроме вежливой улыбки. Он смотрел на нее так, словно впервые увидел! Нет, конечно же, он узнал ее, потому что в глубине его ясных светло-карих глаз что-то промелькнуло... Наконец Джек кивнул и с той же вежливой улыбкой проговорил:

— Очень приятно с вами познакомиться, мэм.

Стоя у каменной стены, Джед думал об удивительных капризах судьбы. Действительно, разве мог он предполагать, что вдруг окажется на плантации Спринг-Хилл? Разве мог предполагать, что задержится здесь?

Глядя на высившийся перед ним роскошный особняк, Джед невольно улыбался. В этом доме собрались очаровательные леди и богатые джентльмены, принадлежавшие к алабамской аристократии. И здесь, среди этих людей, находилась она, Элизабет Коулмен. Разумеется, он сразу же узнал ее. Хотя странно было видеть ее в белоснежном платье, в огромной нарядной шляпе и с безукоризненной прической — ни один волосок не выбивался. Она шествовала как принцесса, а выглядела точно иллюстрация из модного дамского журнала. А ведь еще совсем недавно он видел совершенно другую Элизабет Коулмен — растрепанная, в помятом грязном платье, она сидела рядом с ним на траве... Впрочем, ничего удивительного. Да, в столь разительной перемене действительно не было ничего удивительного. Ведь он сразу же понял, кто она такая, к какому миру принадлежит. Просто не ожидал, что почувствует себя так неловко, встретившись с ней здесь.

Но и она ужасно смутилась — в этом не было ни малейших сомнений. Он увидел, как она вспыхнула, увидел смятение в ее глазах. И тотчас же почувствовал себя огромным и неуклюжим... Разумеется, она не ожидала увидеть его снова. Во всяком случае, не ожидала увидеть его здесь, на одной из богатейших плантаций штата. То, что казалось вполне естественным на испещренном солнечными бликами дворе его фермы, выглядело сейчас нелепым и даже предосудительным... Так что можно было понять ее смущение, ее испуг. Он и сам почувствовал облегчение, когда после краткого и ничего не значившего разговора она под каким-то предлогом поспешно удалилась.

Солнце уже опускалось за горизонт, а Джед находился так же далеко от Мобила, как и утром, когда выехал со своей фермы. Бледсо пригласили его остаться на ужин — при всем своем аристократизме и высокомерии они оказались весьма гостеприимными хозяевами, — и он согласился. Согласился, хотя прекрасно понимал: нет никакого оправдания тому, что он задержался здесь так надолго. Однако Джед ничего не мог с собой поделать, ибо в тайниках его души все еще теплилась надежда... Да, он надеялся, что ему удастся еще раз — хотя бы мельком — увидеть Элизабет Коулмен, прежде чем он покинет Спринг-Хилл.

Джед познакомился с Нэнси Ли, весьма строгой и очень неглупой дамой. К тому же она оказалась весьма любознательной — внимательно слушала все, что он рассказывал о Техасе, и задавала вполне уместные вопросы. Миссис Ли сказала, что собирается вместе со своим зятем и Хартли совершить путешествие на Запад. Разумеется, Джед не стал ее отговаривать — его вмешательство было бы совершенно неуместным, — однако он надеялся, что кто-нибудь другой отговорит ее от этого путешествия. Техас был совсем неподходящим местом для такой утонченной леди, как она. Да и что ей там делать?..

Абрахам Коулмен, каким-то образом связанный с Хартли, хотел поговорить о хлопковых плантациях вдоль реки Бразос. Но об этом Джед не много мог рассказать. Коулмен ему понравился, хотя чувствовалось, что он находится под влиянием лорда Хартли. К тому же мистер Коулмен был отцом Элизабет, и это обстоятельство немного нервировало Джеда. В конце концов его выручил Бледсо, настоявший на том, чтобы гость прогулялся с ним по его садам. Они совершили приятную для обоих прогулку, а потом Бледсо,

извинившись, покинул его. День угасал, и гости уже направлялись в дом — близилось время ужина. Задержавшись на обсаженной цветами тропинке, Джед задумался... Может, еще не поздно отказаться от приглашения? Может, запрыгнуть в седло — и покинуть плантацию Спригг-Хилл? Ведь можно уехать не прощаясь. Но тогда он наверняка не увидит Элизабет Коулмен...

Наконец Джед принял решение. Затоптав еще дымившуюся сигару, которой угостил его Бледсо, он направился к конюшням. Глупо было так много думать о женщине, с которой — Джед в этом не сомневался — он никогда больше не увидится. Но такую женщину забыть невозможно, и он знал, что будет часто вспоминать ее и много думать о ней. Что ж, тем больше у него оснований для того, чтобы побыстрее покинуть эту плантацию.

Услышав чьи-то шаги, Джед отступил в тень древовидной азалии, так как не желал никому давать объяснения по поводу своего столь раннего и внезапного отъезда. Он уже поблагодарил Бледсо за гостеприимство, а Сэм слишком хорошо его знал и едва ли мог предположить, что он здесь задержится надолго. В следующее мгновение из-за поворота появилась женская фигура, и Джед почувствовал, что у него перехватило дыхание... Он тотчас же узнал Элизабет, еще более прекрасную, чем прежде.

Она уже успела переодеться, и сейчас на ней было темно-розовое шелковое платье, шуршавшее при каждом ее движении. Плечи ее оставались открытыми, а короткие пышные рукава были отделаны столь же пышными белыми кружевами, похожими на пену. Волосы же, обрамлявшие прелестное личико, падали на плечи безупречными локонами и, казалось, сверкали в лучах заходящего солнца.

Зачарованный этим зрелищем, Джед на несколько мгновений забыл, где находится. Но девушка подходила все ближе, и в какой-то момент Джед сообразил, что может напугать ее тем, что прячется за деревом. Он вышел на дорожку и с легким поклоном произнес:

— Добрый вечер, мисс Коулмен.

Она тихонько вскрикнула от неожиданности и, покраснев, в смущении пробормотала:

— О... мистер Филдинг... Я... Добрый вечер. Мне сказали, что мистер Бледсо здесь.

Это было правдой лишь отчасти. Ей сказали, что Уильям Бледсо гуляет с Джедом по саду, и она отправилась искать их. Причем очень надеялась, что ей удастся остаться с гостем наедине. Элизабет убеждала себя, что хочет лишь поблагодарить Джеда за то, что он не выдал ее, но теперь, увидев его, она поняла, что дело не только в этом. Судьба свела их с Джедом таким же чудесным образом, как свела Сэма Хьюстона и Маргарет — так неужели отвергать то, что предлагала ей сама судьба? Она должна была снова увидеть его. У нее просто не оставалось выбора.

Элизабет пыталась найти нужные слова, но еще больше смутилась.

— Простите, — пролепетала она, — я думала, что мистер Бледсо здесь...

— Мэм, он только что был здесь, — ответил Джед. — Мистер Бледсо ушел в дом. Вероятно, вы найдете его там.

— А я... — Элизабет умолкла; ей вдруг почудилось, что она вот-вот задохнется.

Джед тоже растерялся. Судорожно сглотнув, он произнес:

— Прошу простить меня, мэм, мне пора...

Джед сделал несколько шагов в сторону конюшен.

— О, мистер Филдинг, пожалуйста! — выпалила девушка, протягивая к нему руку, словно хотела удержать его.

Джед остановился, обернулся... И Элизабет вдруг почувствовала, что сказать ей нечего.

В полной растерянности она пролепетала:

— Я хотела... хотела поблагодарить вас за сегодняшний день. — Она смотрела на него с мольбой в глазах. — Хотела поблагодарить за то, что вы... сохранили наш секрет.

Джед улыбнулся. „Наш секрет“ — это звучало замечательно.

— По-моему, так поступил бы любой джентльмен, мэм.

Она бросила на него взгляд, исполненный благодарности, и он снова улыбнулся. Элизабет же вдруг подумала о том, что у него замечательная улыбка, добрая и ласковая. Она нисколько не сомневалась: ей суждено запомнить эту улыбку навсегда. Потому что именно в эти мгновения — когда он улыбался — ей хотелось подойти к Джеду и крепко прижаться к нему, хотелось слиться с ним воедино... Конечно же, он джентльмен, в этом не могло быть ни малейших сомнений.

Джед молчал, поглядывая в сторону конюшен, и Элизабет почувствовала, что он вот-вот покинет ее. „Как странно, — подумала она. — Ведь совсем недавно я говорила с ним легко и свободно, а теперь не могу найти нужные слова. Но надо непременно что-нибудь сказать. Нельзя допустить, чтобы он уехал“.

Собравшись с духом, Элизабет спросила:

— Как вам... нравится Алабама?

Разумеется, ее вопрос был явной уловкой, попыткой удержать его, но Элизабет сейчас не думала об этом — она думала лишь об одном: как бы уговорить его остаться?

— О... мне здесь очень понравилось, мэм, — ответил Джед. — Хотя раньше мне казалось, что Алабама — более обширный штат.

— Так вы бывали здесь прежде, мистер Филдинг? Он криво усмехнулся. Немного помолчав, сказал:

— Сегодня утром вы были на ферме моих родителей. Джед внимательно посмотрел на девушку. Однако не заметил на ее лице ни малейшего намека на презрение.

— Ферма ваших родителей? — пробормотала она, глядя на Джеда с неподдельным изумлением. — Так вы жили неподалеку от нашей плантации... и до сих пор мы ни разу не встречались? Как странно, мистер Филдинг, не правда ли?

Он молча пожал плечами, и Элизабет спросила:

— Что же заставило вас покинуть Алабаму и отправиться на Запад?

И тут Джед вдруг почувствовал, что мешавшая ему скованность исчезла; сейчас он мог бы общаться с этой девушкой почти так же непринужденно, как утром. Она каким-то непостижимым образом заставила его забыть о том, что ему трудно разговаривать с женщинами. Глядя в ее огромные сияющие глаза, Джед с улыбкой ответил:

— Наверное, все дело в жажде перемен.

Он не сказал ей о том, что и теперь эта тяга к переменам не оставила его. Однако чувствовал, что попытается во что бы то ни стало добиться в жизни большего, чем ему было дано изначально.

— Мой отец всегда хотел, чтобы у меня жизнь сложилась лучше, чем у него, чтобы я получил больше, чем он мог дать мне, — продолжал Джед. — Поэтому после смерти матери мы с отцом решили, что мне следует покинуть Алабаму и поискать место получше. Немного подумав, я отправился на Запад и оказался в Техасе.

— И с тех пор вы живете там? — спросила Элизабет.

Джед покачал головой:

— Нет, я много путешествовал. Пересек Биг-Ривер и однажды добрался до Скалистых

гор. Мне хотелось увидеть как можно больше.

Элизабет подошла к стоявшей неподалеку скамейке и, взглянув на Джеда, присела на краешек. Она надеялась, что гость к ней присоединится — ведь еще не совсем стемнело. Но Джек медлил, и Элизабет, чтобы удержать его, сказала:

— Вы, кажется, говорили, что вам приходилось жить среди индейцев...

— Да, верно. — Он подошел к скамье, однако сесть рядом с девушкой не решился. Это могло бы завести их слишком далеко. — Я жил среди индейцев чероки, в Техасе. Как-то раз я отправился на охоту, чтобы раздобыть мяса, упал в овраг и сломал ногу. Наконец добрался до того места, где оставил лошадь, но она уже ускакала. Это был полудикий мустанг, так что ничего удивительного...

Джек умолк и вопросительно взглянул на девушку; он решил, что ей, возможно, уже наскучил его рассказ. Но Элизабет смотрела на него с восторгом, и Джек понял, что она слушает его с величайшим интересом.

— Я нашел убежище в пещере на берегу реки, — продолжал он, — и перед этим мне удалось набрать воды в ближайшем источнике. При мне было мое ружье, но я не очень-то опасался нападения. Должно быть, я провалялся там с неделю, и перспективы мои были отнюдь не радужными, скорее, весьма мрачными. Мне становилось все хуже, и я очень ослабел, даже не мог добраться до воды, а та, что мне удалось набрать, была на исходе. Я уже решил, что мне не выкарабкаться, но как-то утром, открыв глаза, увидел перед собой незнакомца, настоящего великана...

Джек умолк и улыбнулся своим воспоминаниям. Снова взглянув на Элизабет, он увидел, что она с нетерпением ждет продолжения рассказа.

— Да, это был настоящий великан, ужасно свирепый на вид. Он склонился надо мной, и я подумал, что брежу.

Но незнакомец подхватил меня на руки, отнес в свою индейскую повозку и доставил в селение индейцев чероки. Великан же... Это был Сэм Хьюстон.

Элизабет в изумлении смотрела на гостя.

— И индейцы приняли вас? Джек кивнул:

— Сэм был членом племени, приемным сыном Улугака. Меня с радостью приняли в его доме, и я прожил там всю зиму. Охотился вместе с ними и многому у них научился.

Элизабет, не удержавшись, воскликнула:

— Но индейцы такие свирепые! Они ведь дикари! Вам не было с ними страшно?

Джек тихонько рассмеялся.

— А чероки считают, что это мы дикари. Они жили в хижинах, сложенных из бревен, и обрабатывали землю задолго до того, как здесь появились белые люди. Когда-то, пока их не вытеснили с их территорий, они владели обширнейшими плантациями в Джорджии и Северной Каролине. У них были рабы, трудившиеся на полях, и лавки, полные товаров. Ошибаются те, кто не делает различий между индейцами. Миротлюбивые чероки совершенно не похожи на кровожадных дикарей с Запада. Между ними нет ничего общего.

Джек снова умолк. Казалось, он о чем-то задумался.

Наконец с грустью в голосе проговорил:

— Во всяком случае, большинство из них. Их согнали в резервации, где они ютятся на небольших клочках земли, а те, кто не может вынести жизни в резервации, бегут в самые отдаленные и дикие места. Но белые и туда приходят и гонят их еще дальше... А ведь чероки — добрые и славные люди, прекрасно образованные и воспитанные, и они хотят всего лишь

одного — чтобы их оставили в покое.

— А вы, наверное, служили под началом генерала Хьюстона во время войны за независимость Техаса? — неожиданно спросила Элизабет.

Джед кивнул:

— Когда командование перешло к Сэму, мы с ним вместе прошли от Голиада до Сан-Хасинто.

Девушка с восхищением смотрела на собеседника. Перед ней был настоящий герой войны, такой же знаменитый, как и генерал Хьюстон, но только Джед... был гораздо привлекательнее, чем мистер Хьюстон, — во всяком случае, так казалось Элизабет.

— А после войны я стал владельцем ранчо, — продолжал Джед. — Сэму понадобился скот, чтобы кормить своих солдат, и потому некоторые из нас принялись ловить диких быков, бродивших повсюду. Однако оказалось, что у нас больше мяса, чем мы могли бы съесть, и поэтому часть скота пришлось продать, а остальное мы разделили между собой.

— А у вас... какое ранчо? — Элизабет хотелось узнать о собеседнике как можно больше. К тому же, пока гость отвечал на ее вопросы, он не мог покинуть Спринг-Хилл.

— Совсем небольшое, — в смущении пробормотал Джед. — Даже и говорить о нем не стоит.

— Но, должно быть, у вас там все прекрасно налажено, раз вы смогли отлучиться на время. Так что же привело вас в Алабаму?

Джед колебался — ему не очень-то хотелось отвечать на этот вопрос. К тому же он полагал, что давно уже должен был попрощаться и покинуть плантацию Спринг-Хилл. Однако Элизабет Коулмен по-прежнему смотрела на него огромными зелеными глазами, смотрела, ожидая ответа, и он не мог сейчас уйти.

— Я получил известие о смерти моего отца, — ответил наконец Джед.

— О, простите, — смутилась Элизабет.

— Отец умер за год до того, как я вернулся сюда. — Джед вздохнул. — Он был хорошим человеком и добрым христианином. И делал все, что мог, на своем клочке земли. К сожалению, у него было слишком мало возможностей — негде было развернуться...

Джед взглянул на сидевшую перед ним прелестную девушку и вдруг вспомнил о том, что утром, во дворе своей фермы, едва не поцеловал ее. Он невольно отвел глаза и проговорил:

— Как бы то ни было, я собирался на свое техасское ранчо. А по дороге встретился с Сэмом, и он уговорил меня заехать сюда. Поэтому я здесь...

Джед снова посмотрел на девушку, и она с улыбкой сказала:

— Я ужасно рада, что мистер Хьюстон уговорил вас заехать сюда.

Джед тоже улыбнулся:

— Но мне показалось, мэм, что вы не слишком обрадовались нашей встрече, когда увидели меня здесь.

Элизабет вспыхнула:

— Я просто... очень удивилась. Я не ожидала, что увижу вас снова.

Ему показалось, что в глазах девушки появилось какое-то странное выражение — словно она просила о чем-то, возможно, хотела что-то объяснить, но не находила слов. Судорожно сглотнув, Джед проговорил:

— Я тоже не предполагал, что увижу вас снова.

Она промолчала. Джед тоже молчал. Взглянув в сторону дома, он заметил, что в

некоторых комнатах уже зажгли лампы, и теперь на дорожках сада подрагивали желтые полосы света. „Может, предложить ей зайти в дом?“ — подумал Джед.

Тут Элизабет наконец нарушила молчание. Нерешительно поглядывая на Джеда, она проговорила:

— Думаю, сегодня уже многие просили вас рассказать о жизни на Западе. Должно быть, это ужасно утомительно — постоянно отвечать на одни и те же вопросы...

Джед пожал плечами:

— Человеку нет смысла путешествовать, если он не может узнать что-то новое, если не может рассказать об этом людям. На Западе мы узнаем новости только друг от друга. Если на границе возникает какая-нибудь стычка или в каньоне находят отравленную воду, все должны знать об этом. Поэтому долг каждого из нас — обо всем рассказывать... Иначе как люди узнают об опасности?

Робко поглядывая на Джеда, Элизабет спросила:

— А мне вы расскажете о Техасе?

Джед с некоторым удивлением посмотрел на сидевшую перед ним хорошенькую девушку. „Неужели ей интересно слушать рассказы о приграничных территориях?“ — подумал он. Но Джед чувствовал, что сейчас мог бы говорить о чем угодно — только бы видеть это очаровательное личико.

Сделав шаг к девушке, он опустился на скамейку рядом с ней. Впрочем, не совсем рядом — во всяком случае, складки ее юбки не касались его ног. И все же Джед чувствовал аромат ее духов, и ему казалось, что это самый чудесный запах на свете...

Откашлявшись, он заговорил:

— Я обосновался на востоке Техаса, и местность там не так уж отличается от здешней. Там такие же деревья и цветы, есть пологие холмы, овраги, ручьи и родники с чистой водой... Но эта страна очень велика, она гораздо больше... чем вы можете себе представить. И еще там замечательный воздух и чудесное небо, от которого невозможно отвести глаза, — на него хочется смотреть вечно. Это небо такой синевы, какой вы никогда и нигде не видели. А ночью, когда разбиваешь лагерь на склоне холма, кажется, что луна занимает половину неба и звезды совсем близко... Кажется, протянешь руку — ихватишь в ладонь горсточку.

Джед забыл о том, что не отличался красноречием, забыл о том, что не умел разговаривать с женщинами. Рассказывая, он все более воодушевлялся.

— Конечно, это совсем дикие места, и городов там почти нет. Вернее, больших городов совсем нет, есть лишь городки, поселки... Потому что эта земля предназначена для того, для чего ее сотворил Господь, — для длиннорогих быков, мустангов, медведей и индейцев. Белый человек там нежеланный гость, хотя мы стараемся обосноваться в Техасе уже добрую сотню лет.

— Вы рассказываете... — Элизабет осеклась. — Вы замечательно рассказываете, мистер Филдинг. Я уверена, что Техас — самая чудесная страна на свете.

Джед ухмыльнулся:

— Да, пожалуй.

Взглянув на него с кокетливой улыбкой, Элизабет спросила:

— А какие женщины в Техасе? Они хорошенькие? Джеду хотелось воспользоваться случаем и сказать ей комплимент, сказать, что никто и ничто не может сравниться с ее красотой и очарованием. Но он вдруг понял, что не сможет найти нужные слова. Поэтому,

ограничившись улыбкой, ответил:

— В Техасе очень немного женщин, мэм.

Гладкий белый лоб девушки прорезала тонкая морщинка; было очевидно, что ответ Джеда заставил ее задуматься.

— Вы знаете, миссис Ли собирается отправиться туда, — проговорила она. — Я слышала, как лорд Хартли уверял ее, что это совершенно безопасно.

Джед невольно нахмурился. Ему не хотелось говорить об этом человеке.

— На приграничных территориях действительно довольно безопасно, — продолжал он после некоторой паузы. — Например, в Галвестоне. Это довольно приятный городок, и там люди живут семьями, хотя я не сказал бы, что Галвестон — подходящее место для настоящей леди. А дальше от побережья совсем дикие места. Правда, некоторые поселенцы привозят туда своих жен, чтобы зажить по-настоящему, но там женщинам не очень-то уютно и... — Джед хотел сказать, что далеко не все из них выживают, но в последний момент решил, что не стоит об этом говорить. — Видите ли, мэм, большинство женщин не может привыкнуть к этим местам. Там не вполне подходящая для них жизнь.

— А я бы привыкла, — заявила Элизабет. — Ведь путешествие в Техас — это необыкновенное приключение. Если бы мне представилась такая возможность, я не колебалась бы ни минуты. Если бы я только...

Элизабет внезапно умолкла; она вспомнила о том, что миссис Ли собиралась отправиться в Техас. Правда, Нэнси уже отказалась взять с собой Маргарет, решительнс отказалась... Но если она, Элизабет, станет примерной девушкой, если станет образцовой молодой леди, то, может быть, ей удастся уговорить отца и миссис Ли, чтобы они взяли ее с собой?

Джед с интересом поглядывал на девушку. Было очевидно, что она о чем-то задумалась. Но что же происходило в ее прелестной головке?

И тут Джед вдруг понял, что каким-то образом, сам того не заметив, придвинулся к Элизабет почти вплотную, так что теперь ее юбки касались его ноги. И казалось, что сейчас, в свете ламп, падавшем на них из окон, она стала еще прекраснее, чем прежде. Интересно, что он почувствует, если прикоснется к ней? Джед сжал кулаки, чтобы не поддаться искушению. Он понимал, что ему давно уже следовало покинуть Спринг-Хилл, но не мог заставить себя подняться со скамейки. Ему ужасно хотелось поцеловать эту девушку. Хотелось с того самого момента, как он впервые ее увидел.

Почувствовав на себе взгляд Джеда, Элизабет подняла на него глаза — и тотчас же сердце ее забилось быстрее. Элизабет мало знала о мужчинах, но сейчас несколько не сомневалась в том, что прекрасно понимает смысл слова „мужественный“. И кроме того, она была почти уверена: сидевший рядом с ней мужчина хочет поцеловать ее... Она даже не заметила, что уже совсем стемнело. И совершенно не задумывалась о том, что, если их увидят, ей едва ли удастся удовлетворительным образом объяснить причину столь неподобающего, столь возмутительного поведения. Сейчас она знала только одно — ей хотелось находиться рядом с ним, хотелось ощущать его присутствие, хотелось слышать его голос...

В какой-то момент Элизабет вдруг сообразила, что молчание слишком затянулось, и теперь она чувствовала, что это смущает их обоих.

„А может, он вовсе не хотел меня поцеловать? Быть может, сидя рядом со мной, он всего лишь проявляет учтивость? — думала Элизабет. — Интересно, что сказала бы об этом

миссис Ли?“

„Молодая леди никогда, ни при каких обстоятельствах не должна проявлять инициативы... " — вспомнились ей слова Нэнси.

Потупившись, она тихо проговорила:

— Я, наверное, уже утомила вас своей болтовней, мистер Филдинг, не так ли?

Джед медлил с ответом. Ему хотелось сказать, что он мог бы сидеть с ней рядом дни напролет, мог бы сидеть молча, ничего не делая и лишь любуясь ею. Но Джед не знал, как сказать об этом. Поэтому, откашлявшись, произнес:

— Нет, мэм. Вы вовсе не утомили меня.

Из дома донеслись первые аккорды вальса, и Элизабет поняла, что скоро ее хватятся. Но ведь вечер только начинался... Значит, покинув сад, она ничего не потеряет. Когда они войдут в дом, он непременно пригласит ее на танец и, возможно, даже поведет к ужину.

Поднявшись на ноги, она с робкой улыбкой проговорила:

— Вы были очень добры ко мне, мистер Филдинг. Но вас ведь пригласили на вечер, а я вас задерживаю. Уже играет музыка, и вы, наверное, хотели бы потанцевать.

Джед тотчас же поднялся. Ему ужасно не хотелось уходить из сада, хотя он прекрасно понимал, что это глупо, понимал, что давно уже должен был откланяться и уехать.

Немного помедлив, Джед сказал:

— Нет, мэм. Я не умею танцевать. — Он не знал, следует ли проводить девушку до дверей или попрощаться сразу же.

Элизабет посмотрела на него с удивлением:

— Вы не умеете танцевать?

Джед улыбнулся. Эта девушка была удивлена его ответом, будто он заявил, что не знает, как чиркнуть спичкой или как завязать галстук.

— Ну... не умею танцевать так, как танцуют здесь, — уточнил Джед. — В Техасе таким вещам не придают особого значения.

Элизабет задумалась... Выходит, он не мог пригласить ее танцевать. И тут ее осенило.

— Но это же совсем просто! — воскликнула она. — Я могла бы вас научить... за минуту.

Джед невольно отступил на шаг назад.

— Видите ли, мэм, я не думаю...

Но тут она шагнула к нему и взяла за руку. Почувствовав прикосновение ее пальцев, Джед понял, что не сможет сказать „нет“, не сможет отказать этой чудесной девушке.

В своей классной комнате Элизабет часами разучивала разные танцы с Маргарет и Антуанеттой. Иногда они упражнялись даже на дорожках сада или в тени деревьев, так что Элизабет нисколько не сомневалась в том, что сумеет научить Джеда танцевать.

— Вам надо лишь взять мою руку, мистер Филдинг, — сказала она, приступая к уроку. — А другую руку положить вот сюда, вот так... Ритм очень простой. Шаг — скольжение — поворот... Просто позвольте музыке вести вас. Готовы?

Джед почувствовал, как ее маленькая изящная ручка утонула в его огромной ладони. А другая его рука лежала на ее плотно охваченной корсетом талии. Судорожно сглотнув, Джед утвердительно кивнул.

Элизабет замерла на несколько мгновений. „Какой он высокий и сильный, как широк в плечах“, — подумала она. И он был совсем рядом, совсем близко... Элизабет вдруг почувствовала, как бешено колотится ее сердце и как стучит кровь в висках. И тотчас же

мысли ее словно закружились в чудесном и странном танце... Наконец, собравшись с духом, она улыбнулась Джеду и сделала несколько па.

Он не был к этому готов и очень сомневался в том, что запомнил наставления своей учительницы. Вскоре его опасения подтвердились. Джек то и дело спотыкался, и Элизабет спотыкалась вместе с ним. В какой-то момент они едва не упали — ему лишь с трудом удалось удержаться на ногах. Элизабет засмеялась, и он, тоже рассмеявшись, заглянул ей в глаза. Ее изумрудные глаза сияли, а губы, чуть приоткрытые, казалось, манили... Внезапно он наклонился... и поцеловал ее.

Элизабет не раз читала об этом и мечтала о том, что когда-нибудь это случится с ней, но она даже не догадывалась, что все произойдет именно так... Его рука обвивала ее талию, другая чуть касалась обнаженного плеча, а губы — они прильнули к ее губам, и она тотчас же забыла обо всем на свете; казалось, все внезапно потеряло смысл и отступило куда-то на задний план — остались лишь его большие сильные руки и его губы, нежные и страстные... Ноги Элизабет подгибались, голова кружилась, сердце билось все быстрее, и казалось, оно вот-вот выскочит из груди. О... он целовал ее, и это было так замечательно, так чудесно, так восхитительно...

Джек понимал, что пора остановиться. С каждым ударом сердца он давал себе слово, что в следующее мгновение все закончится. Он заставлял себя отстраниться, но тело Элизабет было таким нежным и теплым, а губы такими сладостными... Джек чувствовал, что не в силах от нее оторваться, не в силах прервать поцелуй. Кровь его все быстрее струилась по венам, казалось, она вот-вот забурлит, и в какой-то момент он вдруг понял, что испытывает невероятное, ни с чем не сравнимое возбуждение.

„Но ведь она леди, — думал Джек, — и я не должен испытывать к ней подобных чувств и думать о столь греховных вещах. Я даже не вправе прикасаться к ней“.

Однако он ничего не мог с собой поделать: возбуждение его нарастало, и все тело словно пылало в огне. Джек стыдился своей слабости и презирал себя в эти мгновения, но опьянение не проходило — оно подавило его волю, и ему оставалось лишь удивляться: неужели это невинное создание могло сотворить с ним такое?!

Джек наконец-то прервал поцелуй и заглянул ей в лицо. Лицо ее покраснелось, а губы припухли от его поцелуев: глаза же сияли как прежде. Джек чувствовал, что ему хочется прикоснуться к ее лицу, хочется провести ладонью по волосам и пригладить их, хочется прижать ее к себе еще крепче и вновь ощутить вкус ее губ... Но он знал, что если позволит себе это, то уже не сможет остановиться.

Сделав над собой усилие, Джек отстранился от девушки и в смущении пробормотал:

— Вам лучше уйти в дом, мэм.

Едва заметно кивнув, Элизабет прошептала:

— Да, наверное...

Она даже не представляла, каким искушением была для Джека, когда, стоя перед ним, смотрела на него сияющими глазами.

Немного помедлив, он проговорил:

— Прощайте, мисс Коулмен. Было истинным удовольствием... познакомиться с вами.

Взглянув на нее в последний раз, он отвернулся и зашагал по дорожке. Элизабет молча смотрела ему вслед. И вдруг прокричала:

— Доброй ночи, мистер Филдинг!

Вскоре рослая фигура исчезла за поворотом, а девушка все стояла в оцепенении, стояла,

прижимая к губам кончики пальцев. Внезапно со стороны дома послышался голос Маргарет — подруга звала ее, и этот голос вернул Элизабет к действительности. Она попыталась привести в порядок свою прическу, хотя прекрасно понимала, что все равно не сумеет скрыть свою чудесную тайну. Тут к ней подошла Маргарет, и девушки вместе направились к дому.

И только после ужина Элизабет вдруг вспомнила, что Джек Филдинг не пожелал ей доброй ночи. Он сказал: „Прощайте, мисс Коулмен!“

Джед стоял на палубе, упершись ногой в поручень, стоял, в задумчивости глядя на берег. Он почти не сомневался в том, что видит этот берег в последний раз.

Рядом с Джедом стоял капитан Мерсер Чапмен, высокий и плотный мужчина с прекрасным цветом лица. Человек весьма любознательный, пожалуй, даже любопытный, капитан разглядывал пассажиров, сновавших на палубе. Наконец, повернувшись к Джеду, спросил:

— Надолго покидаете эти места?

Не глядя на капитана, техасец ответил:

— Скорее всего навсегда.

В ожидании парохода на Галвестон Джед провел в Мобиле две недели и, воспользовавшись возможностью, делал многое, как он сам себе говорил, „в последний раз“ — спал на пуховой перине, ел пищу, приготовленную настоящим поваром, и вечерами сидел в таверне, читая газеты и слушая рассказы о Новом Орлеане, Филадельфии и Ричмонде. Кроме того, он купил кое-что из одежды, а также многое из того, что необходимо для жизни на ранчо. Разумеется, не забыл о патронах и порохе — причем сделал такой большой запас, что клерк на складе оружия подозрительно косился на него. Днем Джед сидел возле оружейного склада и, слушая рассказы случайных собеседников, поглядывал на проходивших мимо хорошеньких девушек. И еще он много размышлял.

Если это путешествие чему-нибудь и научило его, то только одному: он понял, что не создан для такого места, как Нью-Мобил. Всю свою жизнь Джед мечтал о хлопковых плантациях, породистых лошадях и особняках с белыми колоннами. Но сейчас он расстался с этими мечтами. Он вернулся в Алабаму, чтобы понять: ему нужно совсем не это, это не его мир, он к нему не принадлежал, не был его частью.

Ответ Джеда несколько не удивил Чапмена. Он безошибочно узнавал жителей приграничных территорий, когда встречал их, — причем узнавал только по одежде. И все же капитан спросил:

— Вы из Техаса? Выглядите, как прирожденный техасец... Джед покачал головой:

— Нет, я родился в Алабаме. Но теперь считаю своим домом Техас.

Джед с грустью подумал о том, что всю жизнь мечтал о вещах, совершенно ненужных ему.

Да, его домом стал Техас, и детские мечты утратили свое очарование.

Капитан хмыкнул:

— Отправились на Запад искать счастья? — Да.

— И нашли?

Джед криво усмехнулся. Когда-то он дал себе слово, что непременно разбогатеет и будет жить в красивом белом доме, в таком... как на плантации Спринг-Хилл. Теперь же он понял, что, осуществив свою мечту, не был бы по-настоящему счастлив.

У него была бревенчатая хижина в техасской глуши, и самое ценное свое имущество он мог бы унести в руках — длиннотвольное кентуккийское ружье, кривой нож да пятизарядный „кольт“, который в прошлом году Сэм Хьюстон привез ему из Штатов. От продажи фермы у него оставалось двенадцать долларов после того, как он купил припасы для ранчо. Никто и ни при каких обстоятельствах не назвал бы эту сумму состоянием.

Но все же Джед ответил:

— Думаю, я нашел то, что искал.

Да, теперь он осознал, что у него все-таки есть кое-что... Во всяком случае, он начинал с большего, чем его отец, и у него была возможность добиться того... чего он пожелает.

Он жил будущим и ни о чем не жалел.

Джед привык к техасским равнинам и долинам, к пологим лесистым холмам и к глубоким каньонам. Он следовал теми же тропами, что и волки, спал там, где гнездились орлы, и ему уже никогда не вернуться к прежнему образу жизни. И конечно же, у него не хватило бы терпения выносить глупость и суетность того мира, в котором жил Уильям Бледсо. Он не был предназначен для того, чтобы проводить дни в, пустой светской болтовне, а вечера — за бокалом заморского вина. Ему нет места среди джентльменов Юга и даже в обществе утонченных и прекрасных южанок — таких, как мисс Элизабет. Теперь он прекрасно это знал.

— В таком случае вы счастливчик, — заметил капитан. — А большинству не везет...

— Думаю, потому, что они ищут чего-то несбыточного или сами не знают, чего хотят.

— Должно быть, на Западе чувствуешь себя одиноким, — продолжал Чапмен. — Вероятно, таким же одиноким, как в открытом море.

Джед молча кивнул.

— Наверное, не хватает женского общества, а? — Капитан с улыбкой взглянул на собеседника.

— Немногие женщины выдержали бы такую жизнь.

— Пожалуй, вы правы, — согласился капитан.

Джед вдруг вспомнил прекрасную Элизабет Коулмен. Теперь, когда эта девушка была далеко от него, она казалась ему несбыточной мечтой, символом всего недоступного и недостижимого.

О, мисс Элизабет Коулмен была прелестной и утонченной... Она умела вальсировать и знала, в каких случаях и какой именно вилкой следует пользоваться за обедом. А ее улыбка... Она заставляла его сердце бешено колотиться. Наблюдать же за ее грациозными движениями — все равно что читать стихи...

Но на границе не нашлось бы времени для того, чтобы вальсировать. К тому же лишь немногие из техасцев пользовались вилкой — почти все ограничивались ножом. Конечно, посмотреть на хорошенькую женщину всегда приятно, но внешность совершенно ничего не значила, когда требовалось отправиться на охоту, освежевать тушу убитого зверя и нарубить дров для костра. Джед все это отлично знал и пытался не думать о прекрасной Элизабет.

Но все-таки он не мог о ней забыть.

Немного помолчав, капитан заметил:

— Самое худшее в море — это то, что рядом нет женщин. Думаю, у вас то же самое.

Взглянув на собеседника, Джед спросил:

— Вы женаты? Капитан покачал головой:

— Никогда не мог на это решиться. Но много раз хотел.

Джед кивнул. Плохо мужчине одному. Человек не создан для одиночества — сейчас Джед чувствовал это особенно остро. Мужчина мог провести всю жизнь в борьбе и трудах, мог путешествовать и осваивать новые территории, мог разводить скот и обрабатывать землю, чтобы сколотить приличное состояние, — но зачем все это, если некому оставить свое хозяйство, если некому передать свои знания и опыт, не с кем порадоваться удачам и

успехам? Ему, Джеду Филдингу, суждено умереть, и все его знания, весь его жизненный опыт умрут вместе с ним. Мужчина без женщины — ничто, потому что только женщина может подарить мужчине сыновей, наследников.

Ему, Джеду, двадцать пять лет, и большую часть жизни он занимался лишь тем, что пытался выжить, остаться в живых. И он не думал о женитьбе, потому что, как ему казалось, не нуждался в этом. Но сейчас, после того как он встретил Элизабет... Сейчас Джек все чаще задумывался о подобных вещах.

— Нам, техасцам, нужны женщины особого склада, — пробормотал он в задумчивости. — Чтобы они могли жить с такими мужчинами, как мы.

Но где же ему найти такую женщину? Ведь далеко не каждая согласится жить так, как живет он...

На другом берегу Сабины были таверны, а в них — девушки особого сорта и молоденькие индианки. Иногда на приграничных территориях можно было встретить сеньориту в широкой юбке, но порядочные женщины не жили одни. А в Алабаме... там жила Элизабет.

— Да и не каждый мужчина может вести такую жизнь, — неожиданно проговорил капитан.

Джек кивнул:

— Верно, не каждый.

Немного помолчав, Чапмен продолжал:

— Черт возьми, я видел многих искателей приключений. Они отправляются на Запад в надежде на удачу и, конечно, для того, чтобы потом рассказать о своих приключениях. Они и сами не раз слышали рассказы о тexasских равнинах, по которым бродят огромные буйволы, и о бобровых заводах, и это волнует их кровь — ничто не может удержать их дома. Но они не думают об ураганах и бурях, которые проносятся по прерии, не думают о великом молчании, сводящем человека с ума. Я видел многих из них, всяких людей повидал. Некоторые возвращаются сломленными, а многие бесследно исчезают в бескрайних прериях или в лесах... — Капитан внезапно умолк. Потом вновь заговорил: — У Питерсена, моего доброго знакомого, славное дело в Галвестоне. Он владеет складом и доставляет товары на корабли. Ему сопутствует удача, потому что он занимается делом, которое знает. И я бы совсем не удивился, если бы однажды узнал о том, что Питерсен стал по-настоящему богатым человеком, потому что городишко Галвестон растет и развивается. Но гляньте-ка на этого бледного и тщедушного школьного учителя. — Капитан указал в сторону верхней палубы. — Готов держать пари, что он оставил где-то жену или невесту, возможно, и кучу детишек. Бедняга полагает, что Запад даст ему ответы на все вопросы. В следующий раз мы увидим его в сосновом гробу.

Джек снова кивнул. Он тоже повидал немало искателей счастья, отправлявшихся на Запад. Школьный учитель был отмечен печатью смерти — она отчетливо проступала на его лице. Во всяком случае, Джек несколько не сомневался в том, что жить этому человеку осталось недолго. Впрочем, смерть ждала не только беднягу учителя, но и многих других...

Стук колес отвлек Джеда от грустных раздумий.

— Наконец-то! — Капитан усмехнулся и указал на подъехавший к пристани экипаж. — Это последние пассажиры. И самые шикарные. Заплатили за самые дорогие места. Что ж, пойду. Пора отчаливать.

Капитан ушел. Джек же, по-прежнему стоя у поручней, наблюдал за подъезжавшим

экипажем.

Тут к пристани подкатил и фургон, загруженный саквояжами и сундуками, и Джек понял, что всем прочим пассажирам придется изрядно потесниться, так как пароходик был невелик и свободного места для багажа уже почти не оставалось. Судя по всему, на Запад отправлялось целое семейство, причем не только мужчины, но и женщины — кроме сундуков и саквояжей, в фургоне было множество картонок и коробок. Джек невольно нахмурился; он усмотрел в этом влияние Сэма Хьюстона. Если послушать Сэма, то Жемчужные Ворота находились прямо по другую сторону Сабины. По его словам — а он умел быть чертовски убедительным, — любой прохвост, оказавшись в Техасе, мог за несколько месяцев стать Крезом.

Внимание Джека привлекла знакомая фигура, и в следующую секунду он узнал Уильяма Бледсо, выбирающегося из экипажа. Мистер Бледсо был в новеньких, песочного цвета бриджах и в таком же новеньком сюртуке; шею его украшал синий атласный шарф, завязанный бантом.

Джек усмехнулся; было очевидно, что Сэм на славу потрудился — все-таки добился своего.

Следом за Бледсо из экипажа выбрался не кто иной, как Чарльз Эджком, лорд Хартли, ослепительный в своем элегантном синем сюртуке и начищенных до зеркального блеска сапогах. Увидев англичанина, Джек с улыбкой подумал: „Похоже, это путешествие будет чертовски увлекательным...“

Хартли и мистер Бледсо еще не заметили Джека, а тот не пытался привлечь их внимание — он вдруг увидел две женские шляпки, смутно вырисовывавшиеся за окном экипажа, и теперь пытался понять, кому же эти шляпки принадлежат. Одна из дам — миссис Ли, Джек в этом почти не сомневался. Но кто же другая? Неужели молодая леди с темными волосами и зелеными глазами? Нет-нет, даже Бледсо не такой болван, чтобы притащить на судно молоденькую девушку, обрекая ее на полное тягот и лишений путешествие. Да и зачем она им в этом путешествии? Зачем брать ее с собой? Это было безумием!

Тут Нэнси Ли протянула руку лорду Хартли, и тот помог даме выбраться из экипажа. Бледсо наконец-то заметил Джека и помахал ему. Однако Джек не ответил на приветствие — он, затаив дыхание, наблюдал за экипажем... Вот появилась маленькая, обтянутая перчаткой ручка, протянутая лорду Хартли, а затем стройная изящная фигура... Джек увидел, как на грязный, заляпанный глиной пирс ступила мисс Элизабет Коулмен.

Он еще с минуту наблюдал за мистером Бледсо — тот следил за разгрузкой багажа и давал чернокожим парням какие-то указания. Наконец, тяжело вздохнув, Джек направился к трапу — приветствовать вновь прибывших.

— Мистер Филдинг, какой приятный сюрприз! — Уильям Бледсо дружелюбно улыбнулся и крепко пожал Джеку руку. — Мистер Хьюстон не говорил, что и вы на этом пароходе. Какое облегчение узнать, что мы не одни отправляемся в Техас. Вы, конечно, не забыли мою тещу, миссис Ли?

Джек вежливо кивнул:

— Рад видеть вас, мэ.

Дама ответила на приветствие с аристократической ледяной учтивостью, однако Джек понимал, что Нэнси Ли не испытывает к нему какой-то особой неприязни — просто эта ледяная учтивость была частью ее натуры.

— И мисс Элизабет Коулмен... — продолжал Бледсо. Взгляды их встретились, но щеки девушки тотчас же вспыхнули, и она в смущении опустила глаза. Джед снова кивнул.

— Очень рад, мисс Коулмен.

Она что-то пробормотала в ответ — пробормотала как тихо, что Джед не расслышал ее слов.

Он знал, что не должен так долго смотреть на нее, однако ничего не мог с собой поделать. Ведь даже просто стоять рядом с ней — все равно что ощутить на лице струи летнего дождика после долгой засухи, когда чувствуешь, как жизнь вливается в иссушенное зноем тело. Он смотрел на нее во все глаза, а она, похоже, боялась на него взглянуть. Однако сердце ее бешено колотилось, а кровь, казалось, бурлила в жилах.

Отчаянным усилием воли Джед наконец-то заставил себя отвести глаза. И тотчас же увидел перед собой лорда Хартли. На губах англичанина застыла улыбка. Однако в улыбке этой не было ни намека на дружелюбие. Шагнув к Джеду, Хартли проговорил:

— Знаете, мистер Филдинг, а я почему-то был уверен, что наши пути еще пересекутся. Правда, не думал, что это произойдет так скоро. — Пристально взглянув на техасца, лорд продолжал: — „Тропа врага никогда не проходит далеко от твоей“ — так, кажется, говорят индейцы чероки?

Джед молча кивнул. Немного помедлив, произнес:

— Да, вы правы, мир тесен. — Повернувшись к Бледсо, он сказал: — Признаться, не ожидал, что вы соберетесь в путь так быстро.

— У лорда Хартли в Техасе неотложное дело, — ответил Бледсо.

Джед невольно усмехнулся. Что ж, ничего удивительного... Ведь англичанин собирался основать империю — а он явно не из тех, кто теряет время.

— И естественно, мы были рады присоединиться к нему, — продолжал мистер Бледсо.

„Но почему же с ними Элизабет?“ — думал Джед, стараясь не смотреть в ее сторону.

— Это путешествие будет трудным для дам, — проговорил он, покосившись на миссис Ли.

Бледсо, казалось, удивился:

— Вы так считаете? А нас уверяли, что оно вполне безопасное. В конце концов, Галвестон не так уж далеко отсюда. И, насколько я знаю, пароходы довольно часто курсируют по Трипити. Мы не предполагали, что могут возникнуть какие-нибудь трудности.

Джед промолчал. Но он нисколько не сомневался: эти сведения путешественники получили не от Сэма Хьюстона. Покосившись на Хартли, Джед сказал:

— Думаю, дамы пожелают спуститься в свои каюты.

Стоявший неподалеку стюард тотчас же вызвался проводить леди в их довольно скромно обставленные каюты с минимумом удобств.

Элизабет наконец-то повернулась к Джеду спиной, и только после этого он осмелился посмотреть в ее сторону. Чуть приподняв юбку, она перешагнула через канат. Причем двигалась с поразительной легкостью и необыкновенным изяществом — даже здесь, на шаткой палубе судна. И при этом высоко держала свою очаровательную головку. А он, Джед, всегда восхищался женщинами, умеющими высоко держать голову.

Еще мгновение — и девушка скрылась за перегородкой. Бледсо же подошел к лоцману и завел с ним разговор. Джед и Хартли остались наедине. Однако им, как полагал техасец, нечего было сказать друг другу. Но тут выяснилось, что англичанин придерживался другого мнения. Выразительно взглянув на Джеда, он проговорил:

— Я рад, что мы так быстро встретились. Не люблю, чтобы оставались нерешенные вопросы.

Джед тоже этого не любил. И теперь он чувствовал: после разговора в библиотеке Бледсо между ним и Хартли возникли серьезные разногласия, не предвещавшие в будущем ничего хорошего.

Джед молча смотрел на англичанина. Смотрел довольно долго. Наконец произнес:

— Очень жаль.

Хартли прекрасно понял, что имеется в виду. Поэтому спросил:

— Почему вы так считаете?

— Человек вроде вас... — Джед на несколько секунд умолк — он наблюдал, как поднимали на борт последние саквояжи из только что прибывшего багажа. — Так вот, такой человек, как вы, — то есть образованный и не боящийся риска, — нужен на Западе. Но, судя по тому, как идут дела, вам там долго не прожить.

Хартли вспыхнул:

— Это угроза?

— Ни в коем случае, — ответил Джед. — Это факт. Если человек ищет неприятностей, он их находит. А в таком месте, как Техас, неприятности обрушиваются лавиной.

Англичанин молчал. Джед окинул взглядом пристань и, упершись рукой в поручень, добавил:

— И сдается мне, что вам лучше было бы держаться подальше от Техаса.

Хартли усмехнулся:

— Вы шутите, мистер Филдинг. У меня обширные владения в Техасе, и я намерен остаться там.

Джед не удержался от улыбки:

— Ну... вы еще не прибыли туда. А ваши купоны ничего не стоят, пока не сделана заявка на землю.

— Ничего не стоят? Уверяю вас, сэр, вы ошибаетесь. — Лорд Хартли пристально посмотрел на собеседника. — Поверьте, я знаю, чего хочу.

— Не сомневаюсь в этом. — Джед пожал плечами. Какое-то время они молча смотрели друг другу в глаза.

Наконец Хартли отвернулся и зашагал в сторону кают. Джед смотрел ему вслед, пока он не скрылся за перегородкой. Потом снова повернулся к поручням. Но теперь его уже не интересовало происходящее на пристани. Он думал об Элизабет Коулмен и мысленно находился с ней рядом.

Пассажиров на судне было слишком много, поэтому большую часть грузов пришлось разместить на палубе; причем некоторые ящики громоздились выше кабины лоцмана. Личные же вещи пассажиров для сохранности держали внизу. Внизу находились и каюты, в основном двухместные, так что о комфорте не могло быть и речи. Общались же пассажиры в кают-компании, располагавшейся по соседству с камбузом, где готовили еду.

Элизабет и миссис Ли повезло — им достались отдельные каюты. Правда, каюты были совсем крохотные и темные — увидев их, Элизабет невольно подумала: „Чуть больше шляпной картонки...“

Конечно же, в путешествии на пароходе не было ничего романтического. Элизабет на это и не рассчитывала. К тому же встреча с Джедом Филдингом так ее взволновала, что она почти не замечала неудобств.

Когда Элизабет вышла на палубу, солнце уже село. Глядя на серебристый след, оставшийся на темной глади воды от колес парохода, девушка прислушивалась к биению своего сердца. Он был здесь... Джед Филдинг был здесь, и скоро она снова с ним встретится.

Теперь Элизабет уже не сомневалась: Джед думает о ней так же, как она о нем. Еще несколько часов назад в этом можно было бы усомниться, но теперь последние сомнения исчезли — ведь она видела, как Джед Филдинг смотрел на нее. Он вихрем ворвался в ее жизнь, он вдохнул в ее жизнь романтику, и после памятной встречи в лесу она думала только о нем. Джед поцеловал ее в саду, а потом... покинул ее. Но милосердное провидение сжалилось над ней и устроило им новую встречу и снова свело их.

Она не знала, что увидит его на корабле. Конечно, надеялась, молилась, — но разве могла быть уверена?

Прибегая к разным ухищрениям, даже к лести, Элизабет сумела добиться того, что миссис Ли сочла ее самой подходящей спутницей в путешествии на Запад. С помощью хитроумных уловок девушка смогла добиться и согласия отца; он разрешил дочери совершить путешествие, тем более что оно могло и ему сослужить службу — Элизабет уверяла, что сможет представлять его интересы в Техасе. Но о встрече с Джедом она могла только мечтать: во всяком случае, ей казалось, что она отправляется на Запад с одной лишь целью — увидеть страну, о которой он столько рассказывал. „Конечно, если милосердному Господу будет угодно, мы с Джедом снова увидимся, — думала Элизабет. — Ведь Техас — огромная страна, и сами по себе мы едва ли сможем встретиться“.

К счастью, Господь пожелал, чтобы они встретились, и вот Джед здесь, на пароходе.

Она страстно желала этой встречи, мечтала о ней и лишь поэтому решилась на столь дерзкий поступок. О... если бы миссис Ли узнала об этом, то заперла бы ее в каюте до конца плавания.

Элизабет тяжело вздохнула. Возможно, ей не следовало так поступать, — но что она могла поделать?.. Жизнь не научила ее справляться со своими чувствами, и она поступала так, как подсказывало ей сердце. Она непременно должна была снова увидеть его.

Мачты и снасти корабля скрипели и стонали, пар с шумом вырывался из котлов, а ритмичный плеск волн за кормой, казалось, вторил биению ее сердца. Что она скажет ему? Догадывается ли он о ее чувствах? Или сочтет, что ее записка — слишком дерзкий поступок? Да и придет ли он вообще?

Она знала, что есть мужчины, способные завязать самые интимные отношения с женщиной, совершенно не задумываясь о последствиях. Во всяком случае, она читала об этом в романах из отцовской библиотеки. Но то были абсолютно аморальные мужчины, проходимцы и негодяи, злобные дьяволы, а Джед Филдинг — он не такой. Джед никогда не поцеловал бы ее, если бы не чувствовал того же, что и она. Но тогда почему он ее оставил?

Да, конечно же, ей не следовало посылать ему эту записку. Не следовало просить мужчину о встрече на палубе после наступления темноты. В тот момент, когда она писала записку, встреча на палубе казалась ей такой... отчаянной, такой романтической, но теперь... Наверное, эта записка была ужасной ошибкой. Леди не должна проявлять инициативу, не должна делать первый шаг. Джед будет смотреть на нее с презрением. Она никогда больше не посмеет взглянуть ему в глаза. И должно быть, он все-таки не придет.

Но она не могла заставить себя вернуться, не могла спуститься в свою каюту.

Элизабет подняла глаза к чернильному небу — и у нее перехватило дыхание. Прямо перед ней горела яркая звезда, одна-единственная... И казалось, что она подмигивала ей, ободряла ее. Над ней зажглась Одинокая Звезда,^[1] о которой так часто и так красноречиво говорил Сэм Хьюстон. Элизабет вдруг почувствовала, что все сомнения покинули ее, почувствовала, что в сердце вселяется уверенность.

За бортом по-прежнему плескались волны, из кают-компаний доносился смех мужчин, но теперь уже Элизабет ничего не замечала — как зачарованная она смотрела на горящую над ней звезду, смотрела не отрываясь. На небесах рукой провидения был начертан ответ на все ее вопросы, знак того, что ее судьба решена. Да, это была судьба. Ее судьба — Техас... и Джед Филдинг, человек, за которого ей суждено выйти замуж.

Элизабет не слышала шагов за спиной, не слышала ни звука. Джед подошел абсолютно бесшумно, словно спустился с небес. Его сильные загорелые руки легли на поручни рядом с ее руками — и только в этот момент она заметила его. Сердце девушки тотчас заколотилось, застучало, дыхание участилось, словно она долго бежала и теперь никак не могла отдышаться.

А Джед молчал. И даже не смотрел на нес. Наконец, глядя на пенящуюся за бортом воду, тихо проговорил:

— Должно быть, вы прочли много книг, мисс Элизабет...

Элизабет подняла на него глаза — и тотчас же потупилась. Она даже не предполагала, что ей будет так трудно говорить с ним.

— Я... Почему... Почему вы сказали об этом?

Джед вспомнил о записке и невольно усмехнулся. Почерк был изысканный и витиеватый — вероятно, ему было бы не так-то просто прочесть это послание. Но он и не стал читать записку. Увидев внизу подпись — одну лишь букву „Э“, — Джед все понял. Сложив листок, он сунул его в карман и решил забыть о нем, решил, что не имеет права думать об этой девушке. Но при первой же возможности Джед покинул мужчин, сидевших в кают-компаний за картами, и поднялся на палубу.

Вытащив записку из кармана, он протянул ее девушке.

— Это глупо, мисс Элизабет. Вам не следовало назначать мне свидание.

Сложенный квадратиком листок бледно-голубой бумаги еще хранил аромат ее духов, и Джеду было жаль с ним расставаться. Но он пришел на палубу именно с этой целью — во всяком случае, так ему казалось, — он пришел, чтобы вернуть записку, а потом уйти.

Так почему же он стоит здесь, почему любуется ее изящной белой шеей? Почему

наслаждается ароматом ее духов?

Элизабет судорожно сглотнула. Сердце по-прежнему гулко стучало в груди, мысли метались и путались... Она чувствовала, что руки ее дрожат, и боялась, что Джед это заметит, — боялась, что он заметит, как ужасно она волнуется.

Наконец, собравшись с духом, Элизабет проговорила:

— Я не понимаю... не понимаю, какую связь вы усмотрели между моей запиской и моим чтением, мистер Филдинг.

Джед ответил не сразу. Ему было не так-то просто подобрать нужные слова — ведь он боялся обидеть девушку. Но она искушала его, искушала так же, как тогда, в саду, а он на сей раз решил проявить твердость.

Шумно выдохнув, Джед заговорил:

— Видите ли, мисс Элизабет, многое из того, что в книгах кажется прекрасным, в жизни оказывается чистойшей глупостью. Полагаю, что ваша записка — одна из таких глупостей.

Девушка густо покраснела. Сжав в руке записку, она пробормотала:

— Так вы считаете меня глупой?

— Нет-нет, мэм. Просто мне кажется... Я думаю, что иногда вы совершаете глупости. Но ведь мы все иногда их совершаем, не так ли?

„Может, он имеет в виду тот поцелуй в саду? — подумала Элизабет. Она отважилась бросить на него взгляд, но его лицо по-прежнему оставалось непроницаемым. — Так о каких же глупостях он говорит?“

Немного помедлив, Элизабет сказала:

— У меня создалось впечатление, что вы всех нас считаете немного... глуповатыми, мистер Филдинг. Да-да, вы так считаете, потому что мы отважились на это путешествие.

Он внимательно посмотрел на нее и невольно улыбнулся:

— Считаю глуповатыми? Нет, разумеется. Просто я очень удивился... Скажите, зачем вы поехали?

„Чтобы быть с тобой. Чтобы снова увидеть тебя... Потому что такова моя судьба. Потому что мне суждено стать твоей женой...“

— Миссис Ли нужна была спутница, компаньонка, — пробормотала Элизабет, потупившись. Снова взглянув на Джеда, она добавила: — Видите ли, мистер Филдинг, ее дочери... Они не пожелали отправиться в такое путешествие, а я... Мне очень хотелось увидеть Техас.

На губах его появилась едва заметная улыбка, черты лица сразу смягчились. Правда, улыбка эта казалась чуть насмешливой, но все равно она была прекрасной — Элизабет в этом нисколько не сомневалась.

„Ты помнишь, — подумала она. — Ты помнишь все, что произошло между нами в саду. Ты ничего не забыл“.

— Надеюсь, мэм, вы не пожалеете о том, что решили отправиться в это путешествие.

„Неужели мои рассказы о Техасе произвели на нее столь сильное впечатление?“ — спрашивал себя Джед. Он пытался вспомнить, что именно рассказывал, пытался вспомнить хоть что-то из своих рассказов, но на память приходил лишь поцелуй в саду...

— Правда, приграничная территория — не самое подходящее место для таких нежных леди, как вы и миссис Ли, — неожиданно добавил Джед.

И зачем он здесь стоит, зачем продлевает эту пытку? Ему вообще не следовало

разговаривать с ней. Если у него осталась хоть капля здравого смысла, он должен немедленно уйти и сказать мистеру Бледсо, чтобы тот получше присматривал за своей подопечной во время путешествия. Слишком уж она неуравновешенная, слишком своевольная...

— Не самое подходящее место? — переспросила Элизабет. — Что ж, мне все равно.

Она покосилась на Джеда. Сейчас на нем был сюртук, и под тканью отчетливо вырисовывались могучие плечи.

Элизабет посмотрела на его руку, лежавшую на поручне, — сейчас она находилась совсем близко от ее руки. На ладони и кончиках пальцев были мозоли — она это хорошо помнила, — но тыльная сторона была гладкой и красивой формы. И вся рука — крепкая, мускулистая... Ей казалось, что она чувствовала тепло этой руки.

Корабль слегка покачивался на волнах, и ласковый ветерок задувал под шаль девушки и теребил ее юбки. Облизав пересохшие губы, Элизабет почувствовала привкус соли.

— Когда мы прибудем в Галвестон, наши пути разойдутся? — спросила она, вновь покосившись на Джеда.

— Да, мэм. Я отправлюсь в Бразос на маленьком суденышке. А вы, вероятно, двинетесь в Тринити.

— Понимаю, — кивнула Элизабет.

Она вдруг почувствовала стеснение в груди. Еще три дня — и они расстанутся. Неужели ему непонятно, что это значит? Неужели он не слышит, как колотится ее сердце? Ведь он должен, должен это слышать!

Пытаясь не выдать своего волнения, Элизабет проговорила:

— Это очень... очень неприятно для нас. — Ей показалось, что она не услышала своего голоса. Стараясь не смотреть на Джеда, Элизабет продолжала: — Я надеялась... Я думала, что путешествовать в вашем обществе... намного безопаснее. Надеялась, что вы будете сопровождать нас до места назначения.

Джед с удивлением посмотрел на девушку. Неужели он сможет оставаться в ее обществе еще несколько недель? Неужели еще несколько недель будет слышать ее голос, любоваться ею?.. Нет, это было бы чистейшим безумием. Даже думать об этом — безумие. Достаточно и того, что она сделала с ним всего лишь за несколько минут, достаточно и того, что он испытывает сейчас, в эти мгновения...

Сделав над собой усилие, Джед проговорил:

— У меня есть ранчо, где меня ждет работа. И ждут друзья, которым я должен привезти припасы. К тому же... — Он невольно нахмурился. — Хартли неплохо знает Техас.

— Да, конечно, — кивнула Элизабет.

Она снова посмотрела на его руку, лежавшую на поручне рядом с ее рукой. Ей хотелось прикоснуться к его руке, хотелось почувствовать ее силу и тепло, но она не решалась...

Джед проследил за ее взглядом. Ее маленькая ручка, белая, с тонкими голубыми венами, лежала рядом с его рукой. Он видел, какая нежная у нее кожа, похожая на лепестки роз. И у нее была необыкновенно тонкая талия, такая тонкая, что он мог бы обхватить ее двумя пальцами. Одно движение, всего лишь одно движение — и она снова оказалась бы в его объятиях.

От этой мысли у него пересохло в горле.

Да-да, только одно движение — и он обнял бы ее, прижал к себе... О, если бы он сейчас осмелился заглянуть в ее прекрасные зеленые глаза, если бы осмелился прижаться губами к

ее губам, чтобы снова ощутить их вкус. И в последний раз насладиться их сладостью...

Закрыла бы она глаза? Положила бы руки ему на плечи? Позволила бы ему насладиться поцелуем? Или испугалась бы и отпрянула?

Джед чувствовал, что она не стала бы противиться, он был почти уверен в этом. Ему требовалось лишь повернуться к ней лицом, обнять ее, привлечь к себе... И она ответила бы на его поцелуй, потому что была невинной девочкой, потому что начиталась романов и головка ее была полна романтических бредней. Назначая ему свидание, она, конечно же, не понимала, что делает. Но он-то, Джед, прекрасно все понимал. В отличие от нее он обладал кое-каким жизненным опытом и знал, чего не следует делать. Знал, что не должен даже мечтать об этой девушке.

Джед все крепче сжимал руками поручни, однако не чувствовал этого. Он понимал, что ему пора уходить. Да, он должен был уйти, но перед этим следовало проследить, чтобы девушка благополучно вернулась в свою каюту. И разумеется, он должен был забыть о ней — забыть о записке и об этом свидании. Джед прекрасно понимал, но все-таки по-прежнему стоял рядом с ней.

Он знал, что не следует об этом спрашивать, но все же спросил:

— Почему вы хотели видеть меня, мисс Коулмен? Элизабет подняла на него глаза. Ей вдруг стало ясно: теперь уже бессмысленно лгать и притворяться, потому что здесь, на зыбкой палубе пароходика, направлявшегося в далекую и незнакомую страну, — здесь были бы неуместны все условности, принятые в обществе. Сейчас для нее существовал только он, мужчина, которого она любила и о котором мечтала.

Собравшись с духом, Элизабет прошептала:

— А вы не догадываетесь?

Джед пристально посмотрел ей в глаза. Казалось, они потемнели. Он слышал ее прерывистое дыхание и видел, что губы ее чуть приоткрылись... стоило ему лишь протянуть руку, и...

Да, конечно же, он догадывался.

Джед отвел глаза и, глядя куда-то за борт, проговорил:

— Вам надо вернуться в каюту, мисс Элизабет.

— Я не хочу возвращаться в каюту, — прошептала она. — Я хочу остаться здесь, с вами.

Руки Джеда еще крепче сжали поручни.

— Мы ведь сейчас не в саду, мисс Коулмен. Полагаю, вам нечего делать на палубе.

Элизабет чувствовала, что кровь все быстрее струится по жилам, — казалось, она вот-вот забурлит. Судорожно вцепившись в поручни, девушка проговорила:

— Я думала в тот первый день, что никогда больше не увижу вас. Но потом вы приехали с мистером Хьюстоном, и... я поняла, что это значит. Неужели вы до сих пор ничего не поняли?

Пристально взглянув на Джеда, Элизабет вдруг почувствовала, что уже ничего не боится. С несвойственной ей прежде решимостью она продолжала:

— Нас свела судьба. Неужели мы не подчинимся ее велению?

Пытаясь обуздать свои чувства, Джед ответил:

— Судьба не имеет к нашей встрече никакого отношения. Это была глупейшая затея Уильяма Бледсо. Он не понимает, что путешествие в Техас — не увеселительная поездка. Поймите, мисс Коулмен, причина нашей встречи — опрометчивость мистера Бледсо, так что судьба здесь ни при чем.

Элизабет внимательно посмотрела на Джеда. Потом вновь заговорила:

— Неужели я... ошиблась? Неужели вы не чувствуете того же, что и я?

Стараясь не выдать своего волнения, Джек проговорил:

— Уверяю вас, вы понятия не имеете о том, что чувствует мужчина в такой момент, как этот.

Глаза его вспыхнули, и в этом, как догадалась Элизабет, была какая-то... мужская тайна. Сердце девушки забилося еще быстрее. Она почувствовала, что в глазах Джеда, в его взгляде таилась какая-то неведомая опасность — но какая именно? Элизабет решила, что не уйдет с палубы, не разгадав эту тайну. И еще... Да, она должна сказать ему о своих чувствах, — иначе как он о них узнает?

Положив руку поверх его руки, Элизабет воскликнула:

— Неужели вы ничего не видите?! — Она смотрела на него с мольбой в глазах. — Неужели не понимаете, что я люблю вас?! Должно быть, я полюбила вас с первого взгляда, иначе не отважилась бы последовать за вами, иначе не посмела бы говорить с вами так, как говорю сейчас. Да, я люблю вас и всегда буду любить.

Любовь... Это чудесное слово, казалось, повисло в теплом ночном воздухе, манило обещанием и сулило надежду на счастье... Однако на Джеда оно подействовало отрезвляюще.

Он знал, что такое любовь к женщине, и иногда предавался романтическим мечтаниям, но гораздо большее значение для него имело лишенное эмоций физическое влечение; в его чувствах к ней было нечто такое, чего он прежде никогда не испытывал. Но едва ли это можно было назвать любовью.

Ведь любовь — она словно соединяет мужчину и женщину воедино, и тогда двое идут по жизни рука об руку, идут, прекрасно понимая друг друга даже без слов. Но любовь не приходит внезапно и не охватывает тебя в темноте ночи, точно приступ лихорадки. Нет, она приходит медленно, постепенно, но когда приходит... тогда это самое прекрасное, что может быть на свете.

Джек очень надеялся, что однажды любовь придет к нему. Но то, что связывало его с Элизабет Коулмен... Нет, конечно же, это нельзя было назвать любовью. Да и как она могла бы возникнуть?..

Ее рука была нежной и теплой, и Джек почувствовал тяжесть в паху, ощутил, как наливается желанием его плоть.

— Мисс Коулмен, вы меня не знаете, — проговорил он резко. — К тому же вы ничего не знаете о любви.

Тяжело дыша, Элизабет придвинулась к нему еще ближе. Если бы только он поцеловал ее, если бы только заключил в объятия, как прежде...

— Я знаю все, что мне требуется знать, — прошептала она. Джек почувствовал, как ее груди коснулись его груди, ее глаза... Они сияли во тьме, точно звезды. Тут губы девушки приоткрылись, и Джек понял: она ждет, когда он поцелует ее...

Сердце его отчаянно колотилось. Он снова вспомнил о поцелуе в саду, вспомнил о том, как прижимал Элизабет к своей груди... О, если бы она была его женщиной, он распустил бы ее волосы и погрузил бы пальцы в густые пряди, он привлек бы ее к себе и прижался бы губами к ее губам... Если бы она была его женщиной, эти чудесные шелковистые локоны окружали бы сейчас ее лицо мерцающим темным ореолом, разметались бы по подушке на их общем ложе...

Но она не была его женщиной. И никогда ею не станет.

Его вдруг захлестнула жаркая волна гнева. Резким движением он отдернул руку, лежавшую на поручне под ее рукой, и, нахмурившись, проговорил:

— Мисс Элизабет, вы просто запутались. Но если вовремя не остановитесь, то попадете в беду. Поймите, я не принадлежу к числу молокососов, ваших обожателей. Я взрослый мужчина, и если женщина, подобная вам, бросается мне на шею, то я думаю не о танцах.

Она с трудом перевела дыхание. Вглядываясь в его лицо, пробормотала:

— А о чем... о чем вы думаете?

Он повернулся к ней спиной. И теперь голос его походил на рычание:

— Я желаю вас, мисс Элизабет. Так, как мужчина желает женщину. Но это не имеет ничего общего с любовью.

Она молчала. Он снова повернулся к ней лицом и увидел, что девушка смотрит на него с изумлением.

— Послушайте меня, мисс Коулмен, — проговорил он с яростью в голосе. — Я не джентльмен. И если вы будете играть со мной подобным образом, то очень скоро окажетесь лежащей на палубе... С задранными на голову юбками. Именно этого я хочу. А вы?.. Вы тоже этого хотите?

Элизабет почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица. Охваченная ужасом, она отступила на шаг. Никто и никогда не говорил ей прежде таких слов. Да как же он посмел?..

Эти ужасные, эти чудовищные слова все еще звучали у нее в ушах.

Разочарование, отвращение, гнев — эти чувства душили ее, лишили ее дара речи. Задышавшись от ярости, Элизабет подняла руку, чтобы ударить Джеда по лицу. Но он, крепко сжав ее запястье, проговорил:

— Игра окончена, мисс Коулмен. Если вы хотели поиграть, то выбрали не того человека. И советую: возвращайтесь домой, возвращайтесь туда, где вам и следует находиться. — Пристально взглянув ей в глаза, добавил: — Считайте, что вам повезло.

Выпустив ее руку, он резко развернулся и зашагал в сторону кают.

Капитан Мерсер Чапмен собрал со стола карты и оттолкнул колоду подальше от себя.

— Похоже, парни, что теперь это касается только вас двоих, — сказал он, не вынимая изо рта сигару. Поднявшись из-за стола, добавил: — У меня такое впечатление, что Филдинг придерживает этого третьего туза.

Джед улыбнулся. Чапмен был последним из капитулировавших, и теперь в игре оставались только англичанин и техасец. Взглянув на Хартли, спросил:

— А вы что скажете?

Хартли презрительно усмехнулся и небрежно взмахнул рукой — будто отмахивался от мухи.

— Сегодня вечером, Филдинг, вам дьявольски везет, но, по правде говоря, на меня не так-то легко произвести впечатление.

— Возможно, вы правы, — кивнул Джед. — Удача — вещь ненадежная, не так ли? Но вам еще надо доказать это.

В скудно освещенной кают-компании висел густой дым от сигар и масляных ламп, и так было каждый вечер после ужина — после того как убирали со стола. Дамы удалялись в свои каюты, а джентльмены собирались, чтобы в дружеской обстановке сыграть партию-другую, и какое-то время были заняты только игрой.

В этот вечер к игравшим присоединился и Джед Филдинг. Предыдущие вечера он не играл, а только наблюдал за игрой. Хартли неизменно выигрывал, и многим такое постоянство очень не нравилось. Но в этот вечер, после того как Филдинг сел за карточный стол, все изменилось: тем, кто проиграл накануне, удалось отыграться, а кое-кто даже оказался в выигрыше. Это была последняя ночь путешествия, и все были рады оставить игру, пока удача не отвернулась от них. Если кто-то и подозревал нечестную игру, то помалкивал. Джед с лордом Хартли выглядели так, будто речь шла не о карточной игре, а о дуэли со смертельным исходом.

Перед техасцем уже громоздилась целая горка долларов, и все они были выиграны у Хартли. У локтя Джеда дымилась на блюде сигара; он изредка попыхивал ею, и лицо его казалось совершенно непроницаемым. Обступившие стол мужчины молча наблюдали за игрой. Напряжение возрастало с каждой минутой.

Хартли пристально посмотрел на Джеда и с улыбкой сказал:

— Вам действительно чертовски везет. И, как видите, — он кивнул на горку долларов перед Джедом, — временно я остался без наличных. Примете мою расписку?

Хартли уже полез в нагрудный карман своего сюртука, но тут раздался голос Джеда:

— Нет.

Хартли побагровел, он воспринял отказ как оскорбление. Но Джед с невозмутимым видом пояснил:

— Там, куда направляюсь я, не будет возможности получить деньги. Очень жаль, но вам придется выдать мне выигрыш наличными или же прекратить игру.

Англичанин откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на Джеда. Тот уже выиграл свыше двухсот долларов, и еще сотня оставалась в „банке. Но дело было не в деньгах — просто Хартли не желал больше проигрывать. Особенно Джеду Филдингу.

И Джед прекрасно это понимал.

Хартли решил, что должен во что бы то ни стало отыграться. Он снова улыбнулся и проговорил:

— Возможно, у меня найдется еще кое-что. Полагаю, это вас заинтересует.

Джед пожевал свою сигару.

— Возможно, — кивнул он.

Хартли сунул руку в карман и извлек оттуда кожаное портмоне. Положив его на стол рядом со своими картами, он сказал:

— Двести тысяч акров, мистер Филдинг. Это делает меня кредитоспособным?

Джед с минуту смотрел на него, потом вынул сигару изо рта и с отсутствующим видом отшвырнул ее через горку денег.

— Предлагаю ставку по пенни за акр.

Толпившиеся у стола мужчины отреагировали на предложение Джеда возгласами удивления, но техасец по-прежнему был невозмутим.

Хартли, нахмурившись, пробормотал:

— Но это же... нелепо. Джед пожал плечами:

— Как хотите. Выбор за вами. Но мне кажется, что вам мало пользы от земли, которую вы носите в кармане. Я бы на вашем месте не очень ею дорожил. Впрочем, ваше дело... Решайте.

Хартли молчал. Он понимал, что техасец не пойдет на уступки. Но даже при ставке пенни за акр можно, если повезет, отыграться. Как бы то ни было, проигрывать Хартли не собирался.

Растянув губы в улыбке, англичанин сказал.

— Очень хорошо, мистер Филдинг. Пусть будет по-вашему. — И принялся считать купоны.

Джед окинул взглядом зрителей:

— Парни, вы слышали условия?

— Все законно, — кивнул кто-то из мужчин. — Потому что все мы свидетели.

Джед повернулся к капитану.

— Мистер Чапмен, не могли бы вы запечатлеть условия игры на бумаге?

Хартли окинул Джеда презрительным взглядом, но техасец с любезной улыбкой пояснил:

— Это на случай, если позже возникнут вопросы. Мерсер взял перо и бумагу. Взглянув на Хартли, спросил:

— Вы понимаете, на что соглашаетесь? Если проиграете, Филдинг получит ваши купоны. Но если проиграет Филдинг, то он заплатит только за свой проигрыш — по пенни за акр.

Хартли с раздражением проговорил:

— Я не слабоумный, сэр, и все прекрасно понимаю.

— Отлично, — кивнул капитан.

Вскоре документ был составлен, и Мерсер Чапмен, расписавшись, передал бумагу лорду Хартли. Поставив свою подпись, Хартли протянул листок Джеду и выложил тридцать тысяч акров отличной техасской земли против трехсот долларов Джеда. Затем, откинувшись на спинку стула, сказал:

— Ну, сэр, испытаем судьбу? Согласны?

Не раздумывая, Джед перевернул карту — третьего туза — и тотчас же забрал свой

выигрыш.

Некоторые из зрителей засмеялись, но Хартли и бровью не повел.

Капитан Чапмен, попыхивая сигарой, внимательно наблюдал за игравшими. Он знал, — во всяком случае, догадывался, — как будут развиваться события, поэтому не торопился покидать кают-компанию. Правда, капитану пора уже было занять свой пост на капитанском мостике — ведь судно приближалось к гавани, — однако Чапмен доверился лоцману, молодому, но, судя по всему, уже довольно опытному моряку.

Сгребая со стола выигранные деньги и купоны, Джед проговорил:

— Итак, сэр... Благодарю вас. Я не люблю возвращаться домой с пустыми руками.

Хартли принялся собирать карты.

— Надеюсь, мистер Филдинг, вы предоставите мне шанс отыграться?

— Уже поздно, — пробормотал Джед, рассовывая выигрыш по карманам. — Мне хотелось бы немного размять ноги, а потом пойду спать.

Хартли с любопытством посмотрел на молодого техасца. Он знал, что Джед — крепкий орешек, но не ожидал, что тот окажется таким непреклонным. Заставив себя улыбнуться, Хартли сказал:

— Еще одна попытка. Ставки те же. Это вопрос этикета, мой юный друг. Вы не можете мне отказать. — Англичанин принялся тасовать карты.

Наблюдая за Хартли в течение двух вечеров, Джед неплохо изучил все его приемы. Он не мог бы объяснить, что заставило его сегодня попытаться счастья. Если, конечно, не считать того факта, что он просто пытался отвлечься — чтобы не пялиться на запертую дверь каюты Элизабет Коулмен.

Днем Джед видел ее в кают-компании, где она сидела за шитьем, и видел во время обеда. Но она избегала его взгляда, а он, конечно же, не решался с ней заговорить, хотя временами ему казалось, что он лишится рассудка, если не поговорит с Элизабет, если не извинится за свои ужасные слова... Когда же Джед смотрел на дверь ее каюты, ему чудилось, что он слышит шелест ее платья и чувствует аромат ее духов... В конце концов он понял, что должен как-то отвлечься. К тому же ему очень хотелось преподать урок лорду Хартли.

Впрочем, Джед добивался лишь одного — все проигравшие получили обратно свои деньги. Эти люди — честные фермеры и скотоводы — не могли позволить себе проигрывать.

Глядя, как Хартли сдает карты, Джед едва сдерживался; он нисколько не сомневался, в том, что англичанин передергивает.

Однако дело было не только в картах. С той минуты, как они встретились, между ними возникло соперничество, и каждый чувствовал: ему брошен вызов. Они походили на двух ошестинившихся хищников, готовых растерзать друг друга.

Правда, Джед не понимал да и не стремился понять, почему этот человек так ему неприятен. Он знал только одно: между ними возникла вражда, англичанин бросил ему вызов. Так мог ли Джед Филдинг не ответить на вызов?

— Еще одна попытка? — переспросил Джед. — Что ж, согласен.

Лорд Хартли усмехнулся. Он был уверен, что на сей раз добьется своего.

Джед с невозмутимым видом вытащил из кармана несколько купюр и положил их на середину стола.

— Начну с сотни наличными. Для вас, Хартли, это будет означать десять тысяч акров.

Хартли снова усмехнулся:

— Что ж, начало впечатляющее, чтобы не сказать больше. — Он вытащил из портмоне несколько купонов. Пристально посмотрев на Джеда, продолжал: — Вот купоны на эту сумму и вот еще на двадцать пять тысяч акров. Не слишком серьезно для вас, мистер Филдинг?

Выложив на стол еще несколько купюр, Джек сказал:

— Все верно, не так ли?

Он покосился на открытую дверь кают-компания — прямо напротив находилась дверь Элизабет. Интересно, что она делает? Спит? Или просто лежит в темноте, прислушиваясь к шуму моря? Думает ли она о нем?

Хартли посмотрел на свои карты. У него уже была пара десятков, но ему не хотелось рисковать.

— Сдававший берет три, — заявил он.

Сбросив три карты, англичанин ловко вытащил из колоды другие. Теперь, с такими картами ему нечего было опасаться. Впрочем, он мог бы сдать себе карты и получше, но не осмелился действовать слишком уж дерзко.

— Итак, сэр... — Хартли посмотрел на техасца.

Джек отвел глаза от двери Элизабет и взглянул на карты в своей руке. Небрежно выбросив на стол одну из них, сказал:

— Мне еще одну.

Лорд Хартли с усмешкой проговорил:

— О, да вы отчаянный молодой человек...

Хартли ликовал. Теперь-то уж он нисколько не сомневался в том, что сумеет отыграться. И все же англичанин решил не испытывать судьбу — вытащил из колоды двойку треф, то есть именно ту карту, которую хотел.

— Пожалуйста, сэр, — сказал он с улыбкой. Зрители обменивались выразительными взглядами.

Джек же снова покосился на закрытую дверь Элизабет.

Через несколько часов они сойдут с парохода в Галвестоне, и он никогда больше не увидит ее. Возможно, так лучше для них обоих. Возможно, тогда ему удастся выбросить ее из головы.

Джек отвел глаза от двери и наконец-то сосредоточился на игре.

Уильям Бледсо с беспокойством поглядывал на игравших. Он тоже много проиграл, но потом отыгрался, однако прекрасно понимал, что своим везением обязан молодому техасцу. Вот только как у Филдинга все так ловко получилось? Уильям не знал ответа на этот вопрос, но то, что происходило сейчас за карточным столом, очень ему не нравилось. Напряжение с каждой минутой возрастало, и Бледсо чувствовал: дело не только в выигрыше, не только в деньгах, ставка в игре — нечто большее... Он не знал, что именно происходило между Джедом Филдингом и лордом Хартли, но ему было неприятно видеть, что обычная игра с карты оборачивается чем-то... гадким и постыдным.

Впрочем, не только Бледсо понимал, что все происходящее за карточным столом — не просто игра. Некоторые из зрителей почти не сомневались, что для одного из играющих эта ночь может оказаться последней...

Пытаясь разрядить атмосферу, Уильям с вымученной улыбкой проговорил:

— Кто-то из вас двоих блефует. Но... будь я проклят, если сумею догадаться, кто

именно. Полагаю, что вы, джентльмены, друг друга стоите.

Ни один из игравших не ответил ему.

Джед с глубокомысленным видом изучал свои карты. Минута проходила за минутой, а он по-прежнему молчал. Однако у Хартли возникло ощущение, что техасец несколько не удивился, заполучив из колоды трефовую двойку. Когда же взгляды их на мгновение встретились, Хартли понял, что не ошибся — техасец действительно о чем-то догадывался...

Тут Джед выложил на стол стопку купонов и произнес:

— Двадцать тысяч акров.

Хартли посмотрел на него с удивлением. Откуда у этого техасца такая уверенность? Неужели он надеется побить его карты, имея на руках двойку трэф? Неужели осмеливается так рисковать?

Хартли улыбнулся:

— Мне ужасно неприятно, мистер Филдинг, но... — Он вытащил из портмоне еще стопку купонов. — Вот... Я покрою ваши двадцать тысяч акров и подниму ставку до ста тысяч акров.

Джед ненадолго задумался. Пожав плечами, пробормотал:

— Что ж, если вы так уверены в себе...

Хартли откинулся на спинку стула. С улыбкой взглянув на свои карты, проговорил:

— Абсолютно уверен. И могу вам это доказать. Кажется, выговорили, что у вас есть ранчо в шестнадцать акров?

Джед кивнул:

— И еще скот, несколько тысяч голов.

Хартли, казалось, о чем-то задумался. Потом вдруг проговорил:

— В таком случае у меня к вам предложение, мистер Филдинг. Выигравший получит все — ваше ранчо, скот плюс еще оставшиеся купоны. Я же ставлю все, что лежит перед вами на столе. Думаю, это заманчивое предложение. Вы согласны?

— Весьма заманчивое, — кивнул Джед.

— Послушайте, Хартли, — неожиданно вмешался Бледсо, — неужели вы серьезно? Ваше предложение более чем... Разве вся земля Филдинга этого стоит?

Хартли досадливо поморщился:

— Сэр, какое это имеет значение? Я сделал сидящему передо мной джентльмену предложение, и он его принял, вот и все.

Джед ухмыльнулся:

— Похоже, Хартли, вы готовы на все — только бы разорить меня, только бы уничтожить.

В кают-компании воцарилась гнетущая тишина. Хартли впился взглядом в соперника — теперь он уже не пытался скрыть свою неприязнь, а Джед вдруг вспомнил: такое же точно выражение он видел однажды в глазах одного техасского бандита за несколько мгновений до того, как тот выхватил „кольт“ и застрелил человека, случайно расплескавшего его выпивку.

Пристально глядя на Джеда, Хартли сквозь зубы процедил:

— Возможно. Но дело в том, что совсем недавно мне пришла в голову мысль... Даже в такой огромной стране, как Техас, для нас обоих места не хватит.

Джед добавил оставшиеся у него купоны к тому, что уже было в „банке“. Взглянув на капитана, спросил:

— Мистер Чапмен, вы готовы составить и подписать еще один документ?

— Еще одно соглашение? — удивился Мерсер. Техасец молча кивнул. Вскоре бумага была составлена и подписана. Теперь лорд Хартли поставил на кон свою „империю“, а Джек — все, чем владел.

Хартли бросил на стол свои карты — две десятки и три четверки.

— Пожалуйста, мой друг. Побить мои карты вы сможете лишь картами той же масти, но это маловероятно. — Англичанин окинул взглядом толпившихся у стола мужчин. — Полагаю, джентльмены, вы все с этим согласны.

Джек пожал плечами:

— Верно, у меня нет карт той же масти. — Он выложил на стол четыре карты, оставив в руке только одну.

Хартли с облегчением вздохнул. Он знал, что последней картой Джека была двойка треф.

— Что ж, мистер Филдинг, у вас неплохие карты. Но боюсь, вам не побить мои, ведь у меня полный набор. — Он потянулся к „банку“.

— Не торопитесь, — с усмешкой проговорил Джек и выложил на стол свою последнюю карту. Пристально глядя на Хартли, добавил: — Полагаю, эта карта побьет любую.

Хартли взглянул на карту — и оцепенел. На столе лежала червовая дама.

— Полный набор!.. — выдохнул Бледсо. — Самые сильные карты. Филдинг выиграл!

В кают-компании снова воцарилась тишина. Мужчины переглядывались, но никто не смел нарушить молчание.

Джек внимательно наблюдал за лордом Хартли. Он видел, как по лицу англичанина расплзается мертвенная бледность; глаза Хартли словно остекленели, а пальцы скрючились. Казалось, он пытался что-то сказать, но не мог — лишился дара речи.

Внезапно зрители дружно засмеялись; все разом заговорили; некоторые поздравляли молодого техасца.

Джек едва заметно улыбнулся и принялся собирать свой выигрыш.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Что ж, сэр, похоже, я выиграл вашу империю, — обратился он к Хартли.

Тот в бессильной ярости сжал кулаки. Ведь он не мог обвинить техасца в нечестной игре, не признавшись, что и сам передернул, когда подсунул ему двойку треф.

Но лорд Хартли был не из тех, кто мог бы смириться с поражением. Он не умел проигрывать — и не желал. И решил, что отомстит во что бы то ни стало. Хартли жаждал крови.

Джек наконец собрал со стола купоны. Затем поднялся, чтобы положить свой выигрыш в карман.

— Итак, джентльмены, — проговорил он с улыбкой, — для меня было истинным наслаждением провести с вами время. Но завтра у меня трудный день, и мне надо хорошо выспаться. Доброй ночи вам всем.

Джек шагнул к двери, но тут вдруг заметил краем глаза, что лорд Хартли, поднявшись со стула, потянулся к карману. Джек ожидал этого и не колебался ни секунды. Молниеносным движением он ударил англичанина ногой в голень. Хартли вскрикнул от неожиданности и рухнул на пол. Нож выпал из его руки.

Окинув взглядом поверженного противника, Джек усмехнулся:

— Не очень-то приятно, верно? Главное — что при свидетелях. Теперь ваши друзья задумаются: а стоит ли с вами иметь дело?

Окружавшие их мужчины в изумлении смотрели на англичанина — казалось, они не верили собственным глазам. Наконец капитан поднял нож и пристально посмотрел на Хартли:

— Вы ведь знаете, сэр, что на этом корабле запрещено пользоваться оружием. Однако вы нарушили запрет и...

— Какой позор! — воскликнул возмущенный Бледсо. — Послушайте, Хартли, ваше поведение... Я едва ли могу...

Хартли поднялся на ноги. Глаза его потемнели от ярости.

— Никто не смеет взять то, что принадлежит мне, — прошипел он сквозь зубы.

— Это был ваш выбор. — Джед спокойно пожал плечами. — Ведь вы, как мне помнится, сами установили правила.

Хартли хотел что-то сказать, но в последний момент передумал. Сжимая кулаки, он молча смотрел на техасца. Джед между тем продолжал:

— А теперь, прежде чем сказать что-либо, хорошенько подумайте. Потому что вы сейчас не в состоянии отвечать за свои слова. — Окинув взглядом кают-компанию, Джед спросил: — Парни, кажется, все довольны тем, как обернулось дело?

Мужчины зашумели, почти все утвердительно закивали. Впрочем, и так было ясно, что зрители вполне удовлетворены подобным исходом.

Джед снова повернулся к лорду Хартли:

— У вас, сэр, осталось достаточно капитала, хотя на империю это, конечно, не потянет. Не печальтесь, — продолжал он с усмешкой, — в Техасе еще полно земли. Если поработаете головой, то всегда сможете купить себе купонов. Держу пари, что вы сумеете превратить вашу землю в славное и весьма доходное ранчо, пусть даже оно будет гораздо скромнее, чем вам хотелось бы.

— Я не намерен торговаться из-за пустынь, — процедил Хартли. — И не намерен покупать землю у индейцев. А вот вы... Вы, конечно же, собираетесь использовать мои купоны, чтобы отхватить хороший кусок земли в Техасе, вероятно, один из лучших.

Джед кивнул:

— Совершенно верно, сэр. — Он дотронулся до своего кармана. — Было бы глупо не воспользоваться этими купонами. Я собираюсь расширить свой надел, и это будет свидетельством того, что я умею шевелить мозгами. А вы, Хартли, можете извлечь из этого урок. Надеюсь, он пойдет вам на пользу. Правда, вам придется начинать с нуля. Но полагаю, что человек с вашими способностями...

— Я не стану начинать с нуля, — перебил англичанин. — Я собираюсь вернуть себе то, что вы у меня украли. И я добьюсь своего, уверяю вас.

— У меня есть основания усомниться в этом, — с невозмутимым видом проговорил Джед. — Видите ли, сэр, вам следует принять во внимание еще кое-что... Полагаю, вы меня понимаете.

Шагнув к двери, Джед произнес:

— Спокойной ночи, джентльмены.

Он знал, что не успеет далеко уйти, и тщательно рассчитывал каждое свое движение. Едва лишь Хартли ринулся на него, Джед резко развернулся и ударил англичанина в солнечное сплетение — ударил с такой силой, что тот, отлетев в сторону, наткнулся на стол. Раздался грохот, стоявшие у стола стулья попадали на пол.

Услышав грохот, Элизабет бросилась к двери. Распахнув ее, увидела Нэнси, уже

выскочившую из своей каюты. Девушка посмотрела в сторону кают-компаний — и в ужасе замерла, прикрыв ладонью рот.

... Лорд Хартли снова бросился на Джеда, но техасец, уклонившись, нанес противнику сокрушительный удар в челюсть. Элизабет услышала тошнотворный хруст и увидела, как лорд Хартли отлетел к стене. Затем увидела Джеда — тот с угрожающим видом приближался к англичанину.

Подбежав к капитану, Нэнси схватила его за руку.

— Сэр, сделайте же что-нибудь! — воскликнула она. — Остановите их!

Капитан тяжело вздохнул и повернулся к миссис Ли.

Тут снова раздался грохот — на сей раз Джед отлетел к стене. Но уже в следующее мгновение он вновь ринулся на противника. Англичанин же, судя по всему, сдаваться не собирался.

— Капитан, вы что, так и собираетесь здесь стоять?! — закричала Нэнси. — Сделайте же что-нибудь! Остановите их!

Вытащив изо рта сигару, Мерсер ответил:

— Мэм, я не думаю, что мне стоит вмешиваться. И я настоятельно рекомендую вам и молодой леди удалиться в свои каюты. Это зрелище не для женщин.

Нэнси подошла к Элизабет. Взяв девушку за руку, проговорила:

— Быстро идите к себе, моя дорогая. Это зрелище не для юных леди.

Но Элизабет, казалось, не слышала слов миссис Ли. Не в силах пошевелиться, скованная ужасом, она смотрела, как двое мужчин, одержимые животной яростью, наносят друг другу сокрушительные удары. Она видела, как по потным лицам дерущихся струится кровь, видела, как капли крови каплют на пол... Это было ужасное зрелище — и вместе с тем завораживающее.

Противники были почти одного роста, но руки у Джеда были помощнее и, очевидно, посильнее. Однако Хартли был тренированным боксером, и если ему не хватало силы, это компенсировалось звериной яростью. Получив несколько сокрушительных ударов, Джед понял, что англичанин — серьезный противник и справиться с ним не так-то просто. Впрочем, у молодого техасца имелось одно весьма существенное преимущество: он никогда не был на ринге и не знал, что такое „драка по правилам“.

В очередной раз уклонившись, Джед рванулся вправо и нанес противнику мощный удар. Хартли захрипел, из носа его брызнула кровь. Однако Джед оступился, на мгновение замешкался, и англичанин, тотчас же воспользовавшись ситуацией, с невероятной силой ударил техасца в солнечное сплетение. У Джеда перехватило дыхание, в глазах потемнело, и он лишь усилием воли удержался на ногах.

Хартли после удачного удара на несколько секунд расслабился, чтобы передохнуть и перевести дух. И, к своему несчастью, не уловил момента очередной атаки противника. Стремительный, как пантера, Джед ударил англичанина ногой в пах. Хартли согнулся пополам, и Джед нанес ему еще два удара по пояснице. Следующим ударом он сбил противника с ног.

Хартли лежал на полу; но Джед, уже зная бешеный нрав этого человека, не рискнул повернуться к нему спиной. Более того, он продолжал методично наносить противнику удар за ударом. Однако не испытывал при этом ни малейшего удовлетворения, словно выполняя неприятную, но необходимую работу.

Внезапно на плечо Джеда легла чья-то рука, и он понял, что пора остановиться. С

трудом переводя дыхание и утирая пот со лба, Джед отступил от поверженного противника. Окинув взглядом кают-компанию, криво усмехнулся. Затем снова посмотрел на англичанина.

Лицо лорда Хартли представляло не слишком привлекательное зрелище. Губа его была рассечена. Из носа струилась кровь. Да и все лицо казалось сплошным синяком.

Тут капитан опустился на колени и, осмотрев англичанина, решительно заявил:

— Он жив! — Взглянув на техасца, добавил: — Хотя для вас это, возможно, не такое уж приятное известие.

Предоставив лорда Хартли заботам Уильяма Бледсо, капитан подошел к Джеду. Выразительно взглянув на него, проговорил:

— Уверяю вас, этот человек не из тех, кто прощает обиды.

Джед молча пожал плечами.

Капитан вертел в руках нож лорда Хартли — острейший нож с рукояткой из черного дерева, инкрустированной слоновой костью.

Техасец по-прежнему молчал, и Мерсер продолжал:

— Я бы на вашем месте поостерегся. Этот человек способен на все.

Джед попытался улыбнуться.

— Сделайте одолжение, мистер Чапмен, — он кивнул на нож, — придержите его у себя до конца плавания. Мне надо хоть немного поспать.

Капитан опустил нож в карман.

— Да, разумеется, мистер Филдинг. И тут Джед увидел Элизабет.

Она стояла у открытой двери своей каюты и казалась еще более прекрасной, чем прежде.

Разгоряченный схваткой — кровь все еще бушевала в его жилах, — Джед вдруг почувствовал, что хочет крепко обнять эту девушку, прижать к себе и впиться в ее губы страстным поцелуем — поцелуем победителя.

Да, он желал ее. Он желал ее и теперь знал, что будет желать всегда.

Белая как мел, она стояла, глядя на него широко раскрытыми глазами. Она смотрела на него так, словно впервые увидела.

Джед вдруг почувствовал, что сердце его болезненно сжалось. Ведь она, нежная и хрупкая Элизабет, — она все видела! Видела потасовку и видела его сейчас — забрызганного кровью, исцарапанного, покрытого синяками и ссадинами...

Джед невольно содрогнулся — содрогнулся от отвращения к самому себе.

Резко развернувшись, он направился к ступеням, ведущим на палубу.

Вцепившись в поручни, Джед сделал глубокий вдох и почувствовал, как влажный морской воздух заполнил легкие. Техас... Дом... Вдали уже можно было разглядеть тусклые береговые огоньки. Значит, скоро он действительно будет дома.

Джед поморщился — кровоточившие суставы пальцев все еще побаливали. Однако где-то внутри гнездилась и другая боль — ощущение, не имевшее ничего общего с физическим страданием. Но что же так его беспокоило? В кармане у него лежало более трехсот долларов — больше, чем он когда-либо держал в руках. Неужели этого недостаточно, чтобы стать счастливым? Он выдержал славную трепку, и справедливость восторжествовала — он вышел победителем. И теперь возвращается домой с победой. Да-да, теперь все к его услугам — чего бы он ни пожелал.

Так почему же его преследует это щемящее чувство? Почему кажется, что он лишился чего-то очень ценного?

Джед отпрянул от перил и принялся мерить шагами палубу. „Надо думать о чем-нибудь приятном, — решил он. — Например, о выигрыше“.

Однако Джед был достаточно сведущим человеком и прекрасно понимал: купоны на землю — не более чем клочки бумаги. Во всяком случае, для таких, как он, для скотоводов. Земля нужна только фермеру, а ему — лишь на время. Ведь в Техасе нет ограждений, нет пограничных изгородей, и любой хозяин может перегнать свое стадо куда потребуется — для этого достаточно просто любезного слова и вежливого поклона.

А вот Хартли придавал обладанию землей огромное значение. Возможно, для него это важнее всего на свете. Значит, он, Джед, не зря потрудился. Следовало обезопасить Техас от таких, как Хартли, от тех, кто готов растащить техасскую землю ради своей выгоды. Техасцы сами знают, как обеспечить свое процветание, и они прекрасно обойдутся без английских лордов.

А он, Джед Филдинг, сделал то, что должен был сделать. Ему не в чем себя винить.

И все же Джед чувствовал себя виноватым. Он не мог забыть взгляд Элизабет.

Но ведь все, что произошло, все к лучшему. Она увидела его в самом неприглядном виде, увидела таким, каков он на самом деле. Они совершенно разные люди. Уж теперь-то она должна это понять.

Однако у него никогда и в мыслях не было причинить ей боль или оскорбить ее. Когда она стояла перед ним на палубе и говорила о своих чувствах, он испытывал одно из величайших искушений в своей жизни — можно сказать, что это была битва с самим собой. Но он не хотел быть жестоким или грубым — просто у него не было иного способа заставить ее образумиться. Он сделал правильный выбор. Неужели она не могла этого понять? И все же он оскорбил ее и причинил ей боль...

Ему следует пойти к ней и извиниться. Иначе ее взгляд будет преследовать его до конца жизни. Иначе он всю жизнь будет думать о том, что она его возненавидела.

Джед то и дело подходил к перегородке, за которой виднелась дверь ее каюты. Элизабет. Из-под этой двери выбивалась полоска света, и Джед, глядя на нее, чувствовал, как болезненно сжимается его сердце. Он мог бы подойти к двери и тихонько постучать в нее. Он должен был попросить у нее прощения.

Но пойти к ней теперь — это безумие. Или все-таки пойти? Всего лишь несколько

шагов — и он оказался бы рядом с ней. И тогда бы...

Молодой лоцман, стоявший у руля, был неплохим моряком, но он совершенно не знал гавань Галвестона, славившуюся своими опасностями. Пытаясь произвести хорошее впечатление на капитана, лоцман преувеличивал свои достоинства, но он действительно был уверен в том, что справится, — во всяком случае, ему хотелось в это верить. Разумеется, лоцман слышал о том, что гавань Галвестона — одна из самых коварных, но сейчас, увидев ее впервые, был поражен... Повсюду виднелись остовы севших на мель кораблей — призрачные монументы самоуверенности и тщеславию. И вероятно, здесь таилось еще множество невидимых песчаных ловушек.

Маяк светил лоцману прямо в лицо, и нервы его были напряжены до предела. Мерцающие огни города с каждой минутой приближались... Где же капитан? Ведь он обещал вернуться на мостик до того, как судно войдет в гавань. Очевидно, что-то его задержало. А он сейчас нужен здесь, у руля...

Обливаясь потом, лоцман осторожно повернул рулевое колесо — он пытался избежать столкновения с мачтой затонувшего корабля. Паровые котлы подрагивали и гудели; свет маяка по-прежнему бил прямо в лицо. Молодой лоцман тяжело вздохнул. Как долго он еще сможет лавировать в этой ужасной гавани? Напрасно он расхвастался перед капитаном своим опытом и знаниями. Неужели мистер Чапмен не собирается возвращаться на мостик?..

Джед остановился у двери Элизабет. Он уже собрался постучать, но в последний момент опустил руку. Действительно, почему он решил, что Элизабет захочет его видеть? Возможно, она не откроет ему. Возможно, она его презирает. Сумеет ли он выдержать ее презрительный взгляд?

Нет, ему пора уходить. Если он здесь задержится, будут одни неприятности, а у него их уже более чем достаточно для одной ночи. К тому же она едва ли захочет его увидеть.

Но зато он хотел ее увидеть — отчаянно хотел.

Он должен был попроситься с ней, должен был сказать ей, что сожалеет о своей грубости.

Возможно, он прикоснется к ее лицу, к ее шелковистым волосам... Всего лишь прикоснется.

Но Джед знал: если он войдет в ее каюту, то уже не выйдет оттуда.

А может, все-таки постучать в ее дверь?..

Джед колебался. Наконец, собравшись с духом, поднял руку — и замер в нерешительности.

Минута проходила за минутой, а Джед по-прежнему стоял у запертой двери.

В конце концов, сделав над собой усилие, он резко развернулся и направился к палубе — подальше от каюты Элизабет.

Услышав за спиной тяжелые шаги, лоцман с облегчением вздохнул. Наконец-то капитан вспомнил о нем и пришел. Мистер Чапмен, конечно же, прекрасно знает гавань и без труда доведет судно до причала.

Лоцман отступил на шаг, готовясь передать штурвал капитану, но радость молодого человека оказалась преждевременной.

Едва лишь в дверях рубки появилась фигура капитана, как раздался ужасающий скрежет, а затем — оглушительный треск.

Капитан закричал:

— Черт возьми, что вы делаете?

Тут снова послышался скрежет, судно накренилось на правый борт, и молодой моряк наконец-то понял, что произошло. Он в отчаянии рванул штурвал, но тщетно — корабль наткнулся на неведомую преграду, и руль, вероятно, заклинило.

Капитан, вцепившись в штурвал, попытался выровнять судно, но и у него ничего не получилось — очевидно, корабль основательно сел на мель и было уже слишком поздно.

... Элизабет готовилась ложиться спать и уже погасила фонарь, когда до нее донеслись ужасные звуки — скрежет, треск и грохот. Она в тревоге повернулась к двери, но тут пол под ней закачался, и девушка, не удержавшись на ногах, упала, больно ударившись бедром обо что-то твердое. С минуту Элизабет лежала, охваченная ужасом; она слышала, как над головой у нее поскрипывали бревна перекрытий, и чувствовала, как дрожал и вздымался пол. И при этом то и дело раздавался все тот же ужасный скрежет...

Элизабет ощупью добралась до сундука и, опершись о крышку, кое-как поднялась на ноги. Она с отчаянным криком рванулась к двери, нащупала щеколду... и тут пол снова ушел у нее из-под ног...

После второго удара судно еще больше накренилось. Пассажиры падали на пол, грузы опрокидывались, шкафы и столы срывались с креплений. Сорвались с кронштейнов и фонари, висевшие в кают-компании. Послышался звон стекла, и масло из фонарей пролилось на пол, и уже несколько секунд спустя жадные языки пламени лизали половицы, ползли по стенам и трепещущим ковром растекались по каюте. Дверь, ведущая на палубу, оставалась открытой, и сквозняк придавал огню еще большую силу. Вскоре пламя охватило и перекрытия, — яростно потрескивая, оно пожирало все на своем пути.

На палубе царила паника. Обезумевшие от ужаса пассажиры громко кричали, вызывая о помощи. Повсюду валялись опрокинутые ящики и бочки, между которыми металась матросы, не знавшие, что предпринять. Капитан, проклиная судьбу и своего глупого и беспомощного лоцмана, все еще пытался выровнять судно. Наконец, оставив бесплодные попытки, выбежал на палубу и громко закричал:

— Не устраивайте панику! Мы сели на мель у самого берега! Здесь слишком мелко, мы не утонем!

Пассажиры тотчас же обступили капитана, и он снова закричал:

— Не волнуйтесь! Мы уже у самого берега!

Уильям Бледсо вывел на палубу миссис Ли. Какой-то торговец, перевозивший ящики и бочонки, в отчаянии метался вдоль поручней и что-то кричал — вероятно, часть его товара упала за борт.

— Оставьте свои вещи! — гремел капитан. — Команда выгрузит их позже! Всем пассажирам — в шлюпку! В самую вместительную! Места хватит на всех!..

И вдруг Нэнси всполошилась:

— Элизабет! Где Элизабет?!

Капитан окинул взглядом палубу и не увидел юную пассажирку. Перепрыгивая через коробки и ящики, он бросился к каюте молодой леди и закричал:

— Мисс Коулмен! Вы в порядке?!

Из-за двери раздался сдавленный крик Элизабет:

— Я здесь! Но я не могу открыть...

— Эту дверь заклинило! — догадался капитан. — Идите к другой, мисс Коулмен. В вашей каюте есть еще одна! Я вас встречу!

Капитан повернулся к Уильяму:

— Мистер Бледсо, переправьте миссис Ли в шлюпку! Я позабочусь о молодой леди! — Перед тем как броситься за Элизабет, Мерсер прокричал: — Всем пассажирам — в шлюпку! Скоро отплываем!

Элизабет ощупью пробиравлась к двери. Несколько раз она натыкалась на стулья, но все же удерживалась на ногах. Наконец, добравшись до двери, попыталась нащупать щеколду. „Капитан обещал, что мы не утонем, — успокаивала себя девушка. — Снаружи — люди. Я их слышу. Они бегают и кричат. Ничего страшного, с нами ничего не случится...“

Наконец она нашла щеколду и со вздохом облегчения отодвинула ее. Дверь распахнулась — и Элизабет оказалась перед стеной огня. Пламя ослепило ее, полыхнуло прямо в лицо, обожгло легкие... Девушка в ужасе вскрикнула и, рванув на себя дверь, закрыла ее. И тотчас же почувствовала, что уже не может сделать ни шага, не может даже заплакать. Привалившись к двери, она устала в темноту.

... При первом же зловещем скрипе судна, Джед понял, что произошло. Ему и прежде случалось оказываться в подобных ситуациях, и он знал, чего следует ожидать. Он слышал, как капитан успокаивал пассажиров, видел, как они мечутся по палубе и как команда спускает на воду шлюпки, поэтому прекрасно понимал: ничего страшного не произошло. Конечно, с грузом, который находился ниже ватерлинии, придется расстаться, но самое ценное было при нем, у него в кармане.

И все же Джеду не хотелось лишиться оружия — особенно теперь, после стычки с лордом Хартли.

Он видел, как мимо него пробежал капитан, видел, как матросы ведут пассажиров к шлюпкам. Казалось, все под контролем, все в порядке, так что можно было смело отправляться в трюм.

Отыскав обломок металлической трубы, Джед сбил ею замок, потом снял фонарь с фальшборта и спустился вниз. Он нашел свое длинноствольное ружье и седельные сумки в дальнем углу, под грудой книг, несомненно, принадлежавших школьному учителю. Перебросив сумки через плечо, Джед на всякий случай прихватил еще и пятизарядный „кольт“ и тотчас же сунул его за пояс. Старая семейная Библия, единственная вещь, которую он взял из отцовского дома, лежала чуть поодаль. Джед подхватил ее на ходу и сунул под куртку. Потом начал выбираться наверх.

Он пробыл в трюме не более десяти минут, но за это время все изменилось до неузнаваемости. Джед почувствовал запах дыма и услышал треск еще до того, как выбрался наверх, и несколько последних ступенек преодолел одним прыжком. Окинув взглядом палубу, он мгновенно понял, что происходит.

Из переднего отсека судна клубами поднимался дым, и Джед ощутил дыхание пламени, лизавшего фальшборт и яростно пожиравшего деревянные перегородки. Бочонок с керосином опрокинулся, его содержимое разлилось, и теперь на палубе ревел и бушевал огонь. Искры, приплясывая, взмывали вверх, и уже задымились мачты. Резко развернувшись, Джед поспешил на корму, где, как он предполагал, больше всего нуждались в помощи.

Бревна перегородок оказались прекрасным горючим материалом, но еще опаснее был груз — главным образом тюки с одеждой, виски. Пожар, раздуваемый легким ветерком, разрастался и ширился, наполняя воздух дымом, запахом гари и слепя глаза. Утирая копоть с лица, Джед перепрыгивал через дымившиеся бревна, преграждавшие ему путь.

Вдруг ему показалось, что он услышал чей-то стон.

Джед остановился. Осмотрелся. И вдруг увидел в нескольких метрах от себя чью-то руку. Оттолкнув дымившийся ящик, он сделал несколько шагов — и увидел лорда Хартли, лежавшего у фальшборта. Пригвожденный к фальшборту тяжелым бревном, англичанин делал отчаянные усилия, пытаясь освободиться. Однако у него ничего не получалось.

Увидев Джеда, Хартли насторожился; было очевидно, что он не знал, как поступит в этой ситуации молодой техасец.

Джед положил на палубу ружье и седельные сумки и, упершись плечом в бревно, попытался оттолкнуть его. Хартли помогал ему, и несколько минут спустя им удалось сдвинуть бревно с места и отбросить его. Хартли оказался на свободе.

Какое-то время оба переводили дыхание. Потом с минуту молча смотрели друг на друга. Наконец Хартли вполголоса сказал:

— Вы глупец, сэр. Вы спасли жизнь человеку, который намерен вас уничтожить. Видите ли, для меня это вопрос чести.

На палубу рядом с ними упал горящий обломок мачты, и Джед, схватив англичанина за руку, рывком поднял его на ноги.

— Что ж, сэр, — проговорил он, — будем надеяться, что проживем достаточно долго и вы успеете удовлетворить свою жажду мести и спасти свою „честь“.

Он повернулся, чтобы подобрать ружье и седельные сумки, но на них уже обрушился горящий ящик с припасами. Джед закашлялся, потом резко развернулся и поспешил следом за Хартли.

Корабль накренился под таким углом, что спасательная шлюпка, спущенная на воду, оказалась всего лишь в нескольких метрах от горящих поручней. Джед увидел в шлюпке миссис Ли. Белая как мел, она прижимала к губам ладонь, чтобы не закричать; по щекам ее катились слезы.

Мужчины же, сидевшие в шлюпке, пытаясь оттеснить пламя, отчаянно колотили по поручням своими мокрыми плащами и обрывками одеял. Поручни дымились. Пламя временами, казалось, затухало, но потом вспыхивало еще ярче и еще ближе подступало к шлюпке.

— Почему мы не отплываем?! — закричал Хартли. — Мы все погибнем!

Джед насторожился. Окинув взглядом сидевших в шлюпке людей, схватил Бледсо за руку.

— Где Элизабет? — спросил он.

Уильям Бледсо повернулся к Джеду и посмотрел на него безумными глазами.

— Она в западне! — прохрипел он, задыхаясь от дыма. — Капитан...

В следующее мгновение Джед уже бежал к капитану, силуэт которого смутно вырисовывался в клубях дыма.

Чапмен пытался отбросить горящие ящики и бочонки, завалившие дверь в каюту Элизабет. Каждый вдох капитана сопровождался надрывным кашлем; лицо его блестело от пота и покраснелось, руки уже покрылись волдырями и кровоточили. Когда Джед подбежал к нему, Чапмен, задыхаясь, пробормотал:

— Пытался пробраться к ней через кают-компанию, но там огонь...

Джед поднял с пола тук с одеждой и отбросил его в сторону.

— Отойдите! — крикнул он. — Пусть пассажиры отправляются на берег!

— Но я не могу...

Джед схватил капитана за плечо и подтолкнул к выходу.

— Вам здесь нечего делать! Посмотрите на свои руки! Переправьте этих людей на берег, пока у них еще есть шанс спастись!

Капитан колебался. Он понимал: женщина, оказавшаяся в огненной ловушке, возможно, уже мертва, но несколько десятков остальных могли в любой момент погибнуть, если не поторопиться с отплытием. И все же...

Покачивая головой, капитан пробормотал:

— Но поймите, ведь я...

— Черт бы вас побрал! — заорал Джед; лицо его исказилось от ярости. — Неужели вы полагаете, что я не сумею спасти ее?

Джед оттолкнул капитана и принялся с невероятной быстротой отбрасывать от двери горящие ящики. Он не чувствовал боли в обожженных руках, не чувствовал дыхания пламени, опалявшего легкие, не чувствовал, как искры обжигают щеки, — он думал лишь о том, что должен спасти Элизабет.

Она лежала на полу, где было не так дымно, но с каждым мгновением удушающие клубы черного дыма становились все гуще, и дышать становилось все труднее. Кашель разрывал ее обожженные легкие, и рот, нос, глаза — казалось, все пылало. Временами она теряла сознание, когда же сознание возвращалось, думала о том, что это самая ужасная смерть, какую только можно вообразить...

В какой-то момент, повернув голову, она увидела тонкие язычки пламени, лизавшие дверь, ведущую в кают-компанию. Элизабет поняла: скоро огонь ворвется к ней в каюту и поглотит ее. Она надеялась — ей хотелось в это верить, — что к ней пытаются пробраться, пытаются спасти ее, но времени оставалось слишком мало...

Отбросив ногами последний из ящиков, Джед распахнул дверь. Воздух подстегнул пламя, уже охватившее противоположную стену. Джед замер на несколько мгновений. Дым и пламя слепили его, и он почти ничего не видел... Не видел Элизабет...

Он рванулся к дальней стене, к бушевавшей завесе пламени. И вдруг остановился, заметив в углу, возле койки, что-то белое, похожее на ночную рубашку... Элизабет! Джед бросился к девушке и склонился над ней.

Лицо Элизабет почернело от копоти, ее душил жуткий кашель, и по щекам катились слезы. Но она была жива!

Из груди Джеда вырвался вздох облегчения. В следующее мгновение он подхватил девушку на руки и крепко прижал к себе, шепча слова, которые Элизабет не могла услышать, а он позже не смог бы вспомнить. Она дышала, она плакала и кашляла, она была жива!.. Закрыв глаза, Джед прикоснулся губами к ее лицу. Затем резко развернулся и, еще крепче прижав Элизабет к груди, бросился к выходу.

Выбежав на палубу, Джед тотчас же понял, что к шлюпке ему уже не пробиться — от шлюпки ее отделяла непроходимая огненная стена. Джед рванулся к противоположному борту.

— Все в порядке, Элизабет, — прошептал он. — Я с вами. Я не допущу, чтобы с вами что-нибудь случилось.

... Капитан Чапмен отвязал от поручней конец каната и бросил его в шлюпку. Но он по-прежнему стоял на палубе, он все еще колебался — ведь на судне оставалась девушка, оказавшаяся в огненной ловушке. Правда, на берегу уже заметили, что корабль терпит бедствие, там спускали на воду спасательные лодки, — но успеют ли они?..

Пассажиры уже задыхались от дыма и умоляли капитана, чтобы тот прыгал в шлюпку,

причем больше всех неистовствовал лорд Хартли. Нэнси Ли в отчаянии звала Элизабет, и Бледсо, не выдержав, прокричал:

— Капитан! Позвольте мне вернуться на борт! У двоих больше шансов, чем у одного!

— Нет! — рявкнул Чапмен. — В огне и без вас уже двое! Капитан был почти уверен: девушку уже не спасти, даже если Филдингу удастся до нее добраться. И все же Чапмен медлил — ведь прежде не было случая, чтобы на борту его судна погиб пассажир.

И тут он заметил в клубах дыма какое-то движение.

— Смотрите туда! — прокричал он.

В следующее мгновение все увидели Джеда с девушкой на руках. Техасец пробирався к поручням противоположного борта, и Чапмен понял, что тот собирается сделать.

Капитан повернулся к пассажирам:

— Отчаливаем! Они спасены!

Мерсер прыгнул в шлюпку, и Нэнси тотчас же вцепилась в его рукав.

— Капитан, что вы делаете? Вы не можете...

— Успокойтесь, миссис Ли. Уверю вас, Филдинг знает, что делает. Их подберет одна из спасательных лодок. К тому же тут рукой подать до берега. Они в любом случае сумеют добраться... Поверьте, мэм, им ничего не угрожает.

Нэнси продолжала кричать, но капитан, повернувшись к матросам, отдал команду грести к берегу. Чапмен только раз оглянулся на горевший корабль; если он и беспокоился, на лице его это никак не отражалось. Впрочем, особых причин для беспокойства у него не было; капитан знал: если даже спасатели не заметят в темноте Филдинга с девушкой, тот сумеет добраться до берега — должен добраться...

— Да поможет им Бог, — пробормотал Чапмен и тоже взялся за весла.

Джед медлил. Крепко прижимая к себе Элизабет, он все еще стоял у поручней. Дыхание девушки восстанавливалось, хотя она по-прежнему кашляла.

Джед окинул взглядом палубу. Пламя подбиралось все ближе, и было очевидно, что медлить больше нельзя.

— Элизабет, слушайте меня, — проговорил Джед, глядя на девушку. — Не бойтесь, с вами ничего не случится, все будет хорошо.

Плечи Элизабет содрогались от кашля, однако взгляд ее был вполне осмысленным — во всяком случае, Джеду показалось, что она слышит его и понимает.

— Элизабет, вдохните побольше воздуха, — продолжал он. — Дышите поглубже...

Молча кивнув, она сделала глубокий вдох. Однако по-прежнему смотрела на Джеда — смотрела широко раскрытыми доверчивыми глазами.

— Дышите, дышите... Это очень важно. — Джеду сделалось не по себе; от взгляда Элизабет он почувствовал стеснение в груди. — И еще обещайте мне, что будете держать глаза и рот плотно закрытыми. Вы меня поняли?

Она снова кивнула.

— И обещайте, что не будете бояться. Вы ведь не будете бояться?

Элизабет отрицательно покачала головой. С трудом разлепив потрескавшиеся губы, хриплым голосом проговорила:

— Обещаю... если вы будете со мной.

Джед посмотрел на нее с беспокойством. Затем прикрыл глаза и, прикоснувшись губами к ее щеке, прошептал:

— Не бойтесь, я буду с вами. Обещаю.

Ловко перебравшись через поручни, Джед выпустил девушку из объятий. Тотчас же бросившись вниз, он нырнул и успел подхватить ее, едва лишь она коснулась воды.

Мокрый подол ночной рубашки тянул Элизабет вниз, но сильная рука Джеда без труда удерживала девушку на воде. Вскоре он нащупал ногами песок и, подхватив Элизабет, вынес ее на берег.

Луна уже покинула небосвод, и наступил самый темный час ночи. Они оказались довольно далеко от города, неподалеку от заброшенной полуразвалившейся рыбацкой хижины. За густыми кронами деревьев и кустарниками мерцали огоньки города. Вдали виднелись выброшенные на берег гниющие остовы кораблей, казавшиеся сказочными чудовищами.

Какое-то время они стояли у самого берега, стояли, с трудом переводя дыхание. Ночной воздух, теплый и влажный, был неподвижен, и казалось, он окутывал их, будто теплое одеяло, манил, точно мягкая постель.

Элизабет все еще дрожала, но не от холода. Теперь, когда им уже ничто не угрожало, в ней проснулось сладостное ощущение победы, и она была опьянена этой победой — ведь они все-таки выжили, они спаслись...

Ей вдруг вспомнились те ужасные мгновения, когда она, задыхавшаяся в своей каюте, уже готовилась расстаться с жизнью. Лицо Джеда, внезапно появившееся перед ней, показалось ей таким чудом, что она приняла это за предсмертный бред. Но потом его сильные руки подхватили ее, и Элизабет поняла, что ей еще рано прощаться с жизнью, поняла, что еще остается надежда на спасение. Когда же Джек вынес ее на палубу и в ее легкие живительным потоком влился свежий воздух, надежда превратилась в уверенность. Теперь уже Элизабет не сомневалась: Джек спасет ее.

А потом она оказалась в ледяной воде — и снова руки Джеда подхватили ее. Он поддерживал ее, увлекая к берегу, он обнял ее за талию, когда она окончательно обессилела, он — ее спаситель.

Сегодня она пережила столько, сколько не всякому человеку случается испытать за всю жизнь. Она пережила такое потрясение, к которому жизнь ее не подготовила. Элизабет учили, как следует вести себя в обществе, учили вышивать и танцевать, учили писать красивым почерком. Она вполне преуспела во всех этих науках, однако совершенно ничего не знала о другой жизни — о пожарах, кораблекрушениях... и о смерти. Она понимала: после того, что случилось с ней этой ночью, жизнь ее изменилась и уже никогда не станет прежней.

... Наконец, отдышавшись, они направились к ближайшему укрытию — заброшенной рыбацкой хижине, кое-как сколоченной из досок. В дальнем углу хижины валялись полотняные тряпки, рыбацьи сети и кое-какие кухонные принадлежности. Кроме того, по всему полу были разбросаны остатки каких-то корабельных грузов, очевидно, подобранных на берегу.

Переступив порог, они рухнули на колени, сраженные усталостью. Машинально, почти не сознавая, что делает, Джек сунул руку под куртку, извлек оттуда семейную Библию и положил ее перед собой. Затем вытащил из-за пояса пистолет и положил рядом.

Снаружи доносился плеск прибрежных волн, и это был единственный звук, нарушавший ночную тишину.

Довольно долго оба молчали — стояли друг против друга на коленях и молча смотрели друг другу в глаза.

И вдруг Элизабет тихонько вскрикнула и, бросившись в объятия Джеда, уткнулась лицом в его грудь. Обнимая ее за плечи, он чувствовал, как бьется ее сердце, чувствовал, как по телу девушки пробегает дрожь...

— Я думала, что умру, — обвивая руками шею Джеда, проговорила она хриплым шепотом. — Но я... я не умерла...

Он еще крепче прижал ее к себе.

— Элизабет, я не мог допустить, чтобы вы умерли.

В следующее мгновение губы их встретились и слились в страстном поцелуе, и этот поцелуй наполнил их ощущением сбывшегося чуда.

Казалось, напряжение последних часов внезапно разрядилось взрывом страсти. Их охватило непреодолимое желание прижаться друг к другу, обнимать друг друга, целовать... Их объятия были неистовыми, отчаянными, безумными...

Руки Джеда оказывались то на плечах у девушки, то на спине; он все крепче прижимал ее к себе, и его поцелуи становились все более страстными. Он впивался в ее губы с такой жадностью, словно пытался найти в них источник жизни.

И она, обвивая его шею руками, отвечала на поцелуи с такой же страстью — отвечала, терзаемая жадой, названия которой не знала. Забыв обо всем на свете, Элизабет упивалась этой близостью; ей чудилось, что, она с головокружительной скоростью падает в какую-то бездонную пропасть, и казалось, что падение будет продолжаться бесконечно... Но вот она вдруг почувствовала под собой грубую холстину, прикрывавшую земляной пол, а затем, почти тотчас же, ощутила на себе тяжесть Джеда, и это ощущение на несколько мгновений вернуло ее в мир реальности. Она поняла, что Джек задрал подол ее ночной рубашки, а потом почувствовала, как его пальцы поглаживают ее обнаженные ноги, бедра, талию... Это были необыкновенно волнующие, неведомые ей прежде ощущения, и Элизабет, всецело отдавшись ласкам Джеда, вновь покинула реальный мир.

В какой-то момент Элизабет вдруг поняла, что Джек стаскивает с нее ночную рубашку, но девушка не пыталась ему помешать — она чувствовала, что переступила какую-то невидимую черту и теперь уже обратной дороги нет...

Несколько секунд спустя она лежала перед ним совершенно обнаженная. Лежала обнаженная перед мужчиной, и этот мужчина смотрел на нее, прикасался к ней... Но ведь это был он, Джек, человек, прошедший вместе с ней через смерть, человек, которому она обязана жизнью...

Горячее и мускулистое тело Джеда снова накрыло ее, и Элизабет не стала противиться — напротив, вновь обвила руками шею и погрузилась в сладостную пучину наслаждения. Она ощущала прикосновения его сильных рук и чувствовала, как он приподнимает ее и прижимает к себе все крепче и крепче. Она чувствовала жар его груди, чувствовала, как пальцы Джеда ласкают ее обнаженное тело, ласкают самые интимные места, к которым до сих пор не прикасался ни один мужчина.

Ее била дрожь, и сердце бешено колотилось — колотилось так неистово, что казалось, оно вот-вот пробьет грудную клетку и выскочит из груди. Дыхание Элизабет участилось, и, закружившись в стремительном водовороте совершенно незнакомых и непонятных ей ощущений, она утратила последние остатки здравого смысла. Возможно, она понимала, что уже переступила какую-то грань, однако едва ли сознавала, что в эти мгновения в судьбе ее

произошел решительный поворот, что все произошедшее навсегда изменит ее жизнь.

Джед чувствовал, как тело девушки словно плавится под его руками, и это еще больше его распяло — он никогда прежде не испытывал такого страстного желания обладать женщиной. Конечно же, это было слабостью, ужасной ошибкой, безумием... Однако сейчас Джед ничего не мог с собой поделать — его неудержимо влекло к Элизабет, и он стремился овладеть ею, стремился слиться с ней воедино.

— Элизабет... — проговорил он хриплым шепотом и тотчас же почувствовал, как ее тоненькие пальчики ерошат его волосы. — О, Элизабет...

Джед снова принялся целовать ее и ласкать. Она тихонько вздохнула, чуть приподнялась и, потянувшись к нему, ответила на его поцелуй. И тут Джед понял, что более не в силах терпеть. Он знал, что должен остановиться, но не мог. Раздвинув коленом ноги девушки, Джед принялся расстегивать пряжку на своих бриджах. Элизабет вздрогнула и попыталась отстранить его, но он даже не заметил этого. Возможно, она закричала, но даже ее крик уже не мог бы его остановить. Охваченный безумной жадой обладать этой девушкой, Джед забыл обо всем на свете.

Приподнявшись над Элизабет, он увидел, что она смотрит на него с ужасом в глазах, но и это уже не могло его остановить. Было слишком поздно отступать, потому что сейчас в нем оставалось только одно желание — непреодолимое и древнее, как мир, оно в эти мгновения являлось смыслом его жизни.

Он обрушился на Элизабет всей своей тяжестью и тотчас же с громким стоном вошел в нее. Почувствовав резкую боль, она вскрикнула, и по щекам ее покатились слезы. Но боль почти сразу же утихла, и на смену ей пришли совсем другие ощущения: ей казалось, что Джед заполнил ее своей горячей плотью, заполнил всю — ощущение, которое нельзя было бы назвать неприятным. И еще казалось, что они с Джедом — единое целое, и это было величайшим чудом. Джед словно стал частью ее тела, а она — его, и теперь они полностью, безраздельно принадлежали друг другу...

Джед вдруг энергично задвигался, и она вскрикнула, опасаясь, что он снова причинит ей боль.

Нет, на сей раз боли не было, но пришло еще одно удивительное ощущение — ощущение столь сладостное и захватывающее, что казалось, именно в нем заключался весь смысл бытия.

Движения Джеда становились все более энергичными, и Элизабет, задышавшись, устремлялась ему навстречу. Весь окружающий их мир словно исчез, перестал существовать, и остались лишь они с Джедом... и то, что происходило с ними в эти чудесные мгновения.

Наконец Джед вздрогнул, застонал и затих, совершенно обессилив. Какое-то время он лежал на ней, тяжело дыша, а Элизабет, ошеломленная произошедшим, все еще обнимала его за шею и крепко прижималась к нему.

Потом она долго лежала рядом с ним, и ее голова покоилась у него на груди. Элизабет слышала все еще неровное дыхание Джеда и чувствовала, как гулко бьется его сердце. И так странно было лежать с ним рядом...

Такого не было в ее мечтах о Джеде. Она даже не представляла, что мужчина и женщина могут заниматься этим — вернее, не знала, что это происходит именно так, как происходило между ними. Еще совсем недавно Элизабет считала, что во всем этом есть... нечто унижительное, и мысль об унижении и боли ужасала ее. Но сейчас — после всего, что они пережили нынешней ночью, — их окончательное и полное единение казалось ей

совершенно естественным. И она чувствовала: после этой ночи, после того, что с ней произошло в этой хижине, она уже никогда не станет такой, как прежде.

Джед наконец-то отдышался. Он постепенно приходил в себя, и теперь его терзала ужасная мысль... „Как я мог? — спрашивал он себя. — Что же я наделал?“

Элизабет, такая прелестная и такая хрупкая, лежала на грязном тряпье — лежала обнаженная и оскверненная им. Да, он осквернил ее и причинил ей боль, хотя, конечно же, не хотел этого... Она говорила ему, что любит его, но теперь... теперь... она его возненавидит, будет презирать. И он вполне заслужил ее презрение. Элизабет...

Он спас ей жизнь, но его похоть превратила этот подвиг... в полную противоположность. Спас девушке жизнь только для того, чтобы воспользоваться ею... и погубить ее. Только самый презренный из мужчин способен воспользоваться растерянностью незащитной женщины, чтобы удовлетворить свою низменную страсть. Он ведь собирался только спасти ее, а в итоге изнасиловал самым гнусным образом. Джед закрыл глаза, стараясь отгородиться от света, стараясь не видеть ее, но в его памяти все равно осталась эта изящная фигурка, свернувшаяся в клубочек и прижимающаяся к нему. Элизабет.

Угрызения совести все сильнее терзали его. О, если бы он только мог вытеснить из мыслей все то, что произошло в этой хижине... Но Джед прекрасно понимал: подобное не в его власти.

И уж тем более он не мог бы повернуть время вспять, не смог бы сделать так, чтобы причиненное им зло не свершилось. Значит, придется жить с этим дальше.

Почувствовав легкое прикосновение ее пальчиков, Джед понял, что должен повернуться к ней, должен обнять ее и сказать ей что-нибудь... Но что он мог сказать? Сказать, что сожалеет о случившемся, что не хотел оскорбить ее и причинить ей боль? Увы, сейчас все эти слова казались бессмысленными.

Джед заставил себя подняться на ноги. Он не слышал ни голосов, ни шагов, но, очевидно, каким-то образом почувствовал опасность — такое случалось с ним и прежде.

Подбежав к стене, Джед увидел сквозь щели в досках пламя факела. И теперь уже слышал голоса. Тотчас же схватив ночную рубашку Элизабет, он прикрыл обнаженную девушку. Однако Джед несколько не сомневался: теперь уже слишком поздно.

Несколько секунд спустя он увидел в дверях хижины капитана Чапмена, Уильяма Бледсо и мисс Нэнси Ли.

Гостиная отеля была очень невелика и скверно меблирована. Впрочем, и гостиной-то эту комнату можно было назвать лишь с большой натяжкой. На окнах висели пыльные муслиновые занавески, а дощатый пол без ковров украшали коричневые пятна от табачной жвачки. Но даже здесь, в этой убогой комнате, миссис Ли вела себя так, будто оказалась в гостиной Виндзорского замка.

Усевшись на жесткий стул, придвинутый к ломберному столу, она взглянула на сидевшего напротив молодого мужчину. Немного помедлив, с невозмутимым видом проговорила:

— Мистер Филдинг, я хочу уладить этот вопрос и поговорить с вами без свидетелей, с глазу на глаз, хочу поговорить сейчас, пока мистер Бледсо не вызвал вас на дуэль. Вы ведь понимаете, что дуэль — не лучший выход?

Джед молча кивнул. Его рубаша была порвана в нескольких местах, ладони покрыты волдырями, а костяшки пальцев ободраны до крови. Под глазами же залегли темные круги. Однако он был абсолютно спокоен и, судя по всему, подготовился к неприятному разговору.

Миссис Ли молчала в ожидании ответа, и Джед проговорил:

— Надеюсь, что он не станет этого делать, мэм. Мистер Бледсо — прекрасный человек, и мне очень не хотелось бы его убивать.

Миссис Ли побелела. Джед произнес эти слова таким тоном, с таким бесстрастным выражением на лице, что она поняла: такой человек действительно может убить Уильяма Бледсо. Более того, Нэнси вполне допускала, что ее собеседнику уже не раз случалось убивать. В конце концов, что она знала о нем? Знала лишь одно: он грубый мужлан и похотливая скотина. О, как такое могло случиться с ее милой невинной Элизабет?!

Взяв себя в руки, Нэнси окинула Джеда ледяным взглядом и проговорила:

— Полагаю, сэр, у вас нет выбора в нашем деле.

— Ошибаетесь, мэм. У меня всегда остается выбор. Глаза Нэнси вспыхнули. С дрожью в голосе она воскликнула:

— Вы обесчестили достойнейшую леди, сэр! Элизабет не какая-нибудь из ваших потаскушек! Мисс Элизабет Коулмен с плантации Ларчмонт, непорочная, невинная девушка, в настоящий момент совершенно беспомощно лежащая в постели...

— Я не лежу беспомощная и не в постели, миссис Ли.

Джед повернул голову и увидел стоящую в дверях Элизабет. На ней было простенькое полотняное платье, которое ей одолжила хозяйка гостиницы. Платье оказалось велико, особенно в талии; подол же волочился по полу. Лицо Элизабет было бледно, под глазами, как и у Джеда, залегли темные круги, но плотно сжатые губы девушки свидетельствовали о том, что она полна решимости и никому не позволит говорить от ее имени.

Приподняв слишком длинную юбку, Элизабет пересекла комнату с той же грациозностью, с какой ходила по садам плантации. Приблизившись к Нэнси, она сказала:

— Вас это не касается, миссис Ли. То, что произошло между мной и мистером Филдингом, — наше дело.

Джед поднялся на ноги. Он хотел что-то сказать, но Нэнси, опередив его, снова заговорила:

— Ваше дело? Ни в коем случае! Тебя доверили моим заботам, и я должна довести

дело... до удовлетворительного конца. Хотя предпочла бы, чтобы этого мерзавца высекли кнутом и бросили в тюрьму!

Элизабет в изумлении посмотрела на Нэнси:

— Джеда в тюрьму? За что? Он не совершил преступления.

Миссис Ли, казалось, лишилась дара речи. Однако ей и на сей раз удалось взять себя в руки. Пристально глядя на девушку, она сказала:

— Нет, совершил. Он обесчестил тебя.

Элизабет смотрела на Нэнси с таким выражением в глазах, словно впервые в жизни ее увидела. Покосившись на Джеда, она проговорила:

— Но ведь мистер Филдинг спас мне жизнь... Вы предпочли бы, чтобы я умерла?

Нэнси вспыхнула; губы ее вытянулись в ниточку. С величайшим достоинством она ответила:

— Некоторые леди предпочли бы умереть.

Элизабет молча смотрела на миссис Ли. Ей вдруг пришло в голову, что их разговор начинает напоминать нелепый фарс: Нэнси рассуждала о репутации леди — а ведь она, Элизабет, совсем недавно была на волосок от смерти... Однако чудесным образом спаслась. Да, она чудом спаслась от смерти и сейчас, после такого ужаса, уже не могла относиться к жизни по-прежнему, не могла воспринимать ее так, как раньше. Именно поэтому все рассуждения Нэнси казались ей совершенно бессмысленными. Вскинув подбородок, Элизабет заявила:

— Миссис Ли, я не из тех, кто предпочел бы умереть. Нэнси в ужасе уставилась на девушку.

— Элизабет, как ты можешь такое говорить?! — воскликнула она. — Да ты просто не понимаешь...

— Я прекрасно понимаю, что говорю, — перебила Элизабет. — И была бы вам очень признательна, если бы вы позволили решать подобные вопросы тем... кого это касается.

Нэнси в гневе поджала губы. Поднявшись со стула, она процедила:

— Очень хорошо, мисс Коулмен. Никогда не думала, что доживу до этого дня. Что ж, я умываю руки.

Она направилась к двери. У порога обернулась и, взглянув на Джеда, проговорила:

— А вы, мистер Филдинг, подумайте о своем долге и о том, что вы скажете мистеру Бледсо. — В следующую секунду Нэнси вышла из комнаты.

Элизабет тяжело вздохнула. Она с грустью подумала о том, что у них с Нэнси теперь уже никогда не будет прежних отношений. А ведь она любила свою старшую подругу, любила, как мать, и была ей очень многим обязана.

Еще совсем недавно миссис Ли казалась ей идеалом, — возможно, единственным совершенным созданием в этом несовершенном мире. Но теперь... теперь все изменилось... Вернее, это она, Элизабет, изменилась. И уже никогда не станет прежней.

Она в нерешительности посмотрела на Джеда. Он ужасно устал — это сразу бросалось в глаза. К тому же руки его покрылись жуткими волдырями... Потому что именно они, эти сильные руки, вынесли ее из горящей каюты.

Он спас ей жизнь, рискуя своей собственной, а потом разделил с ней самое сокровенное таинство жизни. И она не стыдилась этого.

Миссис Ли уверяла, что благовоспитанная молодая леди должна предпочитать смерть тому, что произошло с ней, должна страдать от того, что ее обесчестили, от того, что ее

застали с таким мужчиной, как Джед Филдинг. Элизабет вдруг поняла: если бы все можно было повернуть вспять и пережить заново, она поступила бы точно так же.

Она снова посмотрела на Джеда. Его лицо было непроницаемым. Она не знала, о чем он думает. А он, наверное, не знал, о чем думала она.

— Если вы, мисс Коулмен, будете готовы, то я найду священника сегодня же днем, — проговорил он неожиданно.

У Элизабет перехватило дыхание.

— Вы... вы хотите этого? — пробормотала она. Лицо Джеда по-прежнему было бесстрастным.

— Это то, что нам следует сделать, — прозвучал его ответ. Элизабет почудилось, что сердце ее сковало льдом. Она попыталась улыбнуться, однако у нее ничего не получилось.

— В ваших устах, мистер Филдинг, это звучит как приговор к тюремному заключению.

Джед, похоже, смутился. Более того — растерялся. Он стоял в нескольких метрах от Элизабет, и ей в какой-то момент показалось, что он вот-вот приблизится к ней, возможно, обнимет. Но Джед этого не сделал. Когда же он вновь заговорил, Элизабет поняла: каждое слово дается ему с величайшим трудом.

— Это не то, чего я пожелал бы для вас, мисс Коулмен. На сей раз растерялась Элизабет. Она была полна надежд, но все оборачивалось не так — все было просто ужасно...

Она действительно надеялась, что первое предложение руки и сердца будет сделано ей совсем иначе. И конечно же, не думала, что Джед после проведенной вместе ночи поведет себя подобным образом.

— Но... После всего, что произошло между нами... — Судорожно сглотнув, она умолкла.

Лицо Джеда словно окаменело. Глядя на девушку совершенно пустыми глазами, он проговорил:

— То, что произошло между нами, — ужасная ошибка. У Элизабет возникло ощущение, будто ее из всех сил ударили в грудь. Внезапно ей стало трудно дышать. Но она не отводила глаз от Джеда, она смотрела на него с изумлением — его лицо казалось ей сейчас совершенно незнакомым.

— Как вы можете так говорить? Мы ведь любим друг друга...

В глазах Джеда промелькнуло беспокойство.

— Вам еще предстоит многое узнать об отношениях мужчин и женщин, мисс Коулмен. А то, что произошло между нами, не имеет ничего общего с любовью.

Джед заметил, как забилась жилка на шее Элизабет. И тотчас же пожалел отсвоих словах. Но он понимал: слова сказаны, и ничего уже нельзя изменить. К тому же это было правдой.

С той самой минуты, как Джед впервые увидел Элизабет, он желал ее. Прекрасная молодая леди в элегантном костюме для верховой езды, столь неожиданно ворвавшаяся в его жизнь, казалась ему символом всего, чем он хотел обладать и чего у него никогда не было. Джед желал ее самозабвенно, и это походило на помешательство, на одержимость — точно так же он раньше мечтал об особняке, похожем на дом Уильяма Бледсо. Конечно, он прекрасно понимал, что мисс Элизабет Коулмен не для него. И все же Джед страстно желал ее и ничего не мог с этим поделать.

Он добился своего, получил желаемое... и обесчестил прекрасную леди, заставил ее поверить в сказку со счастливым концом, заставил поверить в невозможное.

И теперь она смотрела на него с отчаянием в глазах, а он ничем не мог ее утешить.

Джед ненавидел себя за то, что сделал, и сейчас, глядя на Элизабет, он чувствовал, что эта ненависть к себе с каждым мгновением усиливается.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Наконец Элизабет, сделав над собой усилие, проговорила:

— Я не принуждаю вас жениться на мне, сэр.

Джед криво усмехнулся. Он понимал, что сам во всем виноват. Да, именно он навлек несчастье на них обоих, и ничто не могло снять тяжести с его души. Собственная беспомощность раздражала его, выводила из себя, и он, сам того не сознавая, довольно резко проговорил:

— Пора стать взрослой, мисс Коулмен. Как вы полагаете, кто на вас женится, если не я? Вы думаете, что вернетесь в Алабаму и найдете там мужа?

Голова Элизабет закружилась, и сердце болезненно сжалось, заныло... Значит, она ошибалась?! Значит, все произошедшее между ними ничего не изменило?! Неужели Джед Филдинг совсем не такой, каким казался? Неужели ее мечта о нем всего лишь бредни?

Стараясь не выдать своих чувств, Элизабет проговорила:

— И кого я должна в этом винить? Я доверяла вам, мистер Филдинг, а вы воспользовались моим доверием для удовлетворения своей животной страсти. Точно так же вы поступили бы с любой уличной девкой!

Элизабет увидела на щеках Джеда два красных пятна, однако не почувствовала удовлетворения от того, что ее слова, по всей вероятности, очень его задели, возможно, даже ранили. Но неужели он полагал, что с ней, с Элизабет, можно поступать подобным образом? Ведь если бы не он, между ними ничего бы не возникло...

Судорожно сжав кулаки, Элизабет продолжала:

— Но пусть вас не беспокоит моя судьба. Если брак таков, то я вообще никогда не выйду замуж.

Джед чувствовал себя так, будто его осыпали градом камней. Элизабет слишком наивна и совершенно ничего не знает о жизни — во всяком случае, ничего не знает о ее самых неприглядных и темных сторонах. Ему захотелось как-то утешить ее, сказать ей ласковые слова... но он вдруг выпалил:

— А что, если у вас будет ребенок?

Элизабет побледнела. Не в силах вымолвить ни слова, она в ужасе смотрела на Джеда. Неужели этот человек способен рассуждать о подобных вещах?.. Даже мужья и жены, заговаривая наедине на такие темы, проявляют деликатность. Как же он может рассуждать об этом с такой грубостью и прямоотой?

Элизабет с усилием проговорила:

— Вы были правы. Вы не джентльмен. Он промолчал.

Девушка невольно вздохнула. Оказывается, в их отношениях не было ничего прекрасного и романтического. И стоявший перед ней мужчина не был романтическим героем. Он употреблял вульгарные слова и как ни в чем не бывало рассуждал о возможных последствиях их соития. А то, что с ними произошло, было минутой слепой страсти, охватившей их в заброшенной лачуге на берегу океана. И эта минута навсегда погубила ее репутацию.

Элизабет молча смотрела на Джеда. Теперь она понимала, что он прав: ее действительно ждет безрадостное будущее.

Тут Джед шагнул к комоду и взял свою шляпу. Повернувшись к девушке, сказал:

— Не важно, хотим ли мы этого брака или нет. Просто он неизбежен. Я сделаю то, что следует сделать.

Не сказав больше ни слова, он направился к двери.

Элизабет еще долго стояла посреди комнаты. Она вдруг почувствовала, что ее охватила ужасная усталость, а в груди... словно образовалась какая-то пустота. Ей хотелось заплакать, но даже на слезы не хватало сил.

Да, конечно же, Джед прав. Она столкнулась с реальностью, и эта реальность не имела ничего общего с ее девичьими фантазиями. Было совершенно очевидно: у нее нет выбора.

Она так часто мечтала об этом, мечтала... о замужестве. Она представляла своего жениха высоким, сильным и красивым героем из прекрасной и далекой романтической страны. И вот к чему привели ее глупые фантазии. Не к великой любви, но к вызванному необходимостью замужеству, к браку, в который она вынуждена была вступить ради спасения своей чести. И ей предстояло выйти замуж не за прекрасного романтического героя, а за грубого человека с холодными глазами, за человека, который делал только то, что „следовало делать“.

Элизабет подошла к окну и прижалась щекой к раме. В уголках ее губ появилась грустная улыбка. Ведь Нэнси так часто предостерегала ее от необдуманных поступков и советовала ей проявлять осмотрительность.

Теперь она знала почему.

Элизабет вышла замуж в тот же день. Она была в сером платье, голубинового оттенка, в спешке купленном на складе промышленных товаров. Церемония совершалась в холле дома, где жил пресвитерианский священник с женой. Жена была тощая и, судя по всему, вечно чем-то недовольная. Священник же оказался небритым крупным мужчиной, в несвежей рубашке. Не играл орган, не было цветов и сияющих улыбками друзей и родственников. Не было даже обручального кольца. Просто были скороговоркой произнесены все положенные слова, и на этом церемония закончилась.

Уильям наконец нарушил затянувшееся неловкое молчание, воцарившееся после окончания церемонии. Он вышел вперед, поцеловав девушку в щеку, с ослепительной улыбкой проговорил:

— Примите мои поздравления.

Повернувшись к Джеду, Бледсо пожал ему руку, но его попытки создать иллюзию того, что эта скоропалительная свадьба — радостное событие, выглядели жалко и были тягостны для всех.

Однако Уильям был истым джентльменом и знал лишь один способ справиться с неприятностями — он делал вид, что не замечает их.

— Могу ли я предложить вам вернуться в гостиницу и выпить по стаканчику хереса? — продолжал мистер Бледсо. — Мы должны произнести тост за будущее.

Уильям и его спутницы занимали комнаты в „Отеле плантаторов“, и туда вела узкая дорожка из обломков бревен и досок. Возможно, в другое время Элизабет была бы очарована новым для нее зрелищем, потому что Галвестон действительно оказался довольно необычным городом — шумным, оживленным... и немного пугающим. Но миссис Ли, поморщившись, заметила: „Галвестон — совершенно дикое и нецивилизованное место“.

Вскоре они добрались до гостиницы. Уильям, купивший у хозяйки бутылку скверного хереса, наполнил стаканы и задумался. Было очевидно, что он не в состоянии придумать приличествующий случаю тост. Молчание затягивалось, и жужжание мухи, вившейся вокруг бутылки, казалось оглушительным.

Наконец Уильям улыбнулся и сказал:

— За процветание! — Он тут же прыгнул из своего стакана.

Элизабет почувствовала, что горло ее сжала спазма. Почувствовала, что не сможет проглотить ни капли. Она даже не могла поднять свой стакан. Покосившись на Джеда, девушка подошла к скамье у окна и присела.

Миссис Ли и Уильям обменялись многозначительными взглядами. Похоже, Нэнси считала, что выполнила свой христианский долг, добившись этого брака. Следовательно, с этой минуты инициатива переходила к Уильяму.

Бледсо откашлялся — и снова задумался. Наконец, заставив себя улыбнуться, проговорил:

— Итак, сэр, я прекрасно понимаю причину вашего нежелания вернуться в Мобил. Разумеется, именно там мы могли бы достойно отпраздновать свадьбу, однако при сложившихся обстоятельствах... — Бледсо густо покраснел, понимая, что чуть было не сказал лишнее. — И все же я надеюсь, что вы передумаете. Мы с миссис Ли возвращаемся обратно следующим пароходом. Едва ли нам удастся продолжить наше путешествие, как мы

рассчитывали. Ведь мы лишились вещей... и теперь уже не доверяем нашему гиду. Лорд Хартли недостойно вел себя во время карточной игры, и я пришел к выводу, что он не джентльмен. Конечно, вы понимаете, что я больше не склонен доверять ему... — Мистер Бледсо сделал паузу, затем продолжил: — Так вот, мы надеемся, что вы с Элизабет составите нам компанию. Мистер Коулмен наверняка пожелает, чтобы вы поселились у него. Я уверен, что он не откажется от вашей помощи. Вы могли бы вместе управлять его хозяйством и...

— Я не фермер, — перебил Джед. — У меня есть ранчо, и мои люди ждут моего возвращения. Я уже и так слишком долго отсутствую. Сегодня я отправляюсь домой.

Уильям не ожидал такого ответа. Впрочем, он не мог бы сказать, какой именно ответ ожидал услышать. Джед Филдинг казался ему весьма странным человеком, и он, будь его воля, держался бы от него подальше.

На лице Уильяма появилось озабоченное выражение. Он легонько прикоснулся к плечу Джеда и, понизив голос, проговорил:

— Вы, конечно, понимаете, сэр, что не следует везти столь юную леди, как Элизабет, на приграничную территорию? Разумно ли это? Она воспитана в роскоши и привыкла к совсем иному образу жизни, отличному от вашего. Вы лишите ее не только радости общения с родственниками и друзьями, но и привычного образа жизни. Я опасаясь, что здесь, в Техасе, ваши отношения сложатся не самым лучшим образом.

Несколько секунд Джед пристально смотрел в глаза Уильяма. Наконец сказал:

— Именно поэтому она поедет с вами.

Бледсо почувствовал некоторое облегчение. Он не знал, как воспримет решение Джеда миссис Ли, но, с его точки зрения, это было бы самым разумным решением вопроса. Впрочем, Уильям надеялся, что Нэнси не станет возражать. Отхлебнув из своего стакана, он сказал:

— Я рад, что вы так решили, сэр. Это действительно самый разумный выход из положения.

Джед посмотрел на Элизабет, по-прежнему сидевшую у окна. Он знал, что ее отъезд — единственный выход. Она, конечно же, будет этому рада. Но она не должна была думать, что он пытается избавиться от нее, отбросить, как грязную тряпку.

Прежде чем расстаться, он должен поговорить с ней.

Извинившись, Джед направился к Элизабет. Немного помедлив, опустился рядом с ней на скамью. Но она, словно не замечая его, смотрела в окно. „Что же ей сказать? — думал Джед. — Как начать разговор?“

— Элизабет... — Он осекся, туг же сообразив, что едва ли не впервые назвал ее просто по имени, без „мисс“. Что ж, ничего удивительного, ведь теперь она стала его женой — Элизабет Филдинг.

Осознание этого факта глубоко потрясло его, и он невольно опустил глаза. Какой мужчина не мечтает о такой жене? Красивая, изящная, грациозная... В ней было все, чего только может пожелать мужчина. Все то, о чем мужчина мог бы мечтать всю жизнь...

Наконец он пересилил себя и поднял на нее глаза. На мгновение их взгляды встретились, и она тотчас отвела глаза. Джед не мог ее осуждать, но почувствовал острую боль — будто в грудь ему вдруг всадили нож и повернули его. Он хотел бы, чтобы все сложилось иначе. Он хотел сказать ей, что сожалеет о случившемся, но понимал, что сейчас не время выражать сожаление. Он ведь не желал ей такой судьбы.

— Элизабет... — снова произнес Джед — и снова умолк. Наконец, собравшись с духом, проговорил: — Бледсо и миссис Ли отбывают обратно следующим кораблем. Вам следует уехать с ними. Вы моя жена, и все будут знать об этом. В этом нет ничего постыдного. А если у вас будет ребенок... Вы никогда не лишитесь того, что я могу предложить вам.

Нелепое обещание. Ведь у нее было все, а у него ничего.

Он мог сделать только одно — позволить ей уехать.

— В Алабаме вам будет лучше, — продолжал Джед. — Я ведь говорил вам, какая здесь жизнь. И отчасти вы уже увидели это собственными глазами.

Он снова опустил глаза и уставился на свои руки. Они были большими, коричневыми от загара, сильными... но беспомощными. Они не могли избавить Элизабет от боли, которую она испытывала. Он, Джед, действительно не мог ничего сделать для нее.

— Поймите, Элизабет, эта страна предназначена для мужчин, желающих добиться успеха в жизни, насколько это вообще возможно. И такие мужчины предпочитают держать своих женщин подальше отсюда, дома, в безопасности. И все знают об этом. Мы женаты, но живем здесь, в Техасе. Но вы... Элизабет, ваше место в Мобиле, с отцом.

Как просто и разумно это прозвучало, когда Джед облек свои чувства в слова. Элизабет вдруг отчаянно захотелось домой, к отцу, в прохладе просторных комнат. Там, на плантации Ларчмонт, уют. Там никогда ничего не менялось и ничто не угрожало жизни.

Но мог ли этот мир остаться для нее тем, чем был прежде?

Элизабет подняла глаза на Джеда и на этот раз посмотрела на него бестрепетно.

— Вы никогда не вернетесь в Алабаму, — сказала она. Джед промолчал.

Тут за окном послышались крики — началась очередная потасовка. Элизабет с минуту молчала, наблюдая за происходящим. Затем повернулась к Джеду и твердо проговорила:

— Вы мой муж, и я последую за вами всюду.

Джед ожидал услышать что угодно, но уж никак не это.

— Но, Элизабет...

— Вы можете отправить меня домой, — продолжала она, — но я вернусь. Вы можете меня бросить, но я последую за вами. Я ваша жена и должна находиться рядом с вами.

Джед помрачнел.

— Нет. Я не допущу этого, — заявил он решительно. — Вы не имеете представления о том, какую жизнь вам придется вести, если вы поедете со мной...

— Но зато я знаю, к какой жизни вы принуждаете меня вернуться, — холодно возразила Элизабет. — Отправить меня обратно — простейшее решение для вас, но в этом случае ничего не остается для меня. Я стану женой без мужа — ни вдовой, ни женой, ни свободной женщиной. Я вернусь туда, где меня будут ждать скандалы и сплетни. У меня не будет собственного дома, у меня не останется никаких надежд. Мое девичество окончилось, и в Алабаме ничто меня не ждет, кроме одинокой старости. А этого, сэр, — она вскинула подбородок, — я не допущу.

Джед в смущении потупился. Он никак не ожидал от Элизабет столь явного проявления твердой воли и характера.

Что он мог возразить на это? Она была права. Предлагая Элизабет отправиться в Алабаму, он думал только о легчайшем способе разрешить сложную ситуацию. И теперь стыдился своих слов. Она его жена, и выбора у него нет. Он должен нести полную ответственность за все случившееся.

Джед еще с минуту смотрел на нес. Потом молча поднялся на ноги и направился к

Бледсо.

— Моя жена отказывается расстаться со мной, — сообщил он, удивляясь тому, какое смятение произвела в нем эта простая фраза. „Моя жена“. На всю оставшуюся жизнь. Он совершенно этого не ожидал — не ожидал, что все произойдет... так.

Бледсо нахмурился. Нэнси в раздражении передернула плечами. Но Джед, не обращая на них внимания, повернулся к Элизабет:

— Будете вы готовы отправиться через несколько часов? Я хотел бы проделать хотя бы часть пути до темноты.

Элизабет поднялась со скамьи. Она не смотрела ни на мистера Бледсо, ни на миссис Ли — только на Джеда. В глазах ее была решимость.

— Да, — ответила она. — Мне только надо... написать несколько писем домой. А потом я буду в вашем распоряжении.

Было очевидно, что разговор окончен. Молча кивнув, Джед вышел из комнаты.

Какое-то время он провел на складе, закупая припасы — ведь закупленные в Мобиле сгорели во время пожара. Но при этом Джед постоянно думал о женщине, с которой только что расстался.

Он пытался как следует все продумать, чтобы оценить сложившуюся ситуацию. Правильно ли он поступил, согласившись взять Элизабет с собой? Пока еще Джед не мог ответить на этот вопрос. Он знал, как вести себя, когда угрожает опасность, но понятия не имел, как справиться с собственными чувствами. Ему не пришлось научиться этому.

Он хотел только одного — хотел, чтобы Элизабет было хорошо. И совершил в ту ночь на берегу непростительную и не подлежащую исправлению ошибку. Да, сейчас уже ничего нельзя было изменить, и сожаления и раскаяние ничего не могли исправить.

Вспоминая спокойную решимость в ее голосе и упрямо вскинутый подбородок, он вдруг почувствовал неожиданный прилив гордости, даже восхищения ею. Она была его женой и отказалась покинуть его. Джед понимал, что не следует брать Элизабет с собой, но ее выбор отчасти обрадовал его, ведь он все еще горел желанием обладать ею.

Джед купил повозку, нанял людей для доставки груза на пароход, отплывавший этим же вечером, отдал все необходимые распоряжения.

Конечно, без денег, выигранных у Хартли, ему не удалось бы так быстро восполнить потери, но Джед не особенно задумывался об этом. Если бы он не выиграл деньги, то заработал бы их, задержавшись на какое-то время в Галвестоне. Так что не было смысла гадать, как могли бы сложиться обстоятельства...

Джед ничуть не удивился, увидев в салуне лорда Хартли. Англичанин сидел за столиком в полном одиночестве и пил бренди, а за такой напиток в Техасе выкладывали немалые деньги. Лицо Хартли было в синяках и ссадинах, но одет он был превосходно — по-видимому, не терял времени даром.

Трудно было определить, какой по счету стакан стоял перед Хартли — Джед подозревал, что англичанин из тех, на ком количество выпитого не сказывается.

Хотя было только начало дня, салун не пустовал. В таком месте, как Галвестон, где постоянно скапливались прибывающие и отплывающие корабли, всегда находилось много дел, так что хозяин салуна не скучал. У стойки бара толпились мексиканцы в своих серапе, [2] за одним из столов уже началась игра в карты, а некоторые посетители сидели в одиночестве, как Хартли.

Хартли тотчас же заметил Джеда и, приглашая к своему столу, помахал рукой:

— О, да это счастливый новобрачный! Идите сюда, окажите мне честь. Я хочу выпить за ваше здоровье.

Джед невольно поморщился. Сегодня ему совсем не хотелось связываться с Хартли.

— Почему-то мне кажется, Хартли, что мое здоровье — не самое главное для вас.

Англичанин криво усмехнулся:

— Вы правы, мой друг. Но все равно присядьте. Джед подошел и уселся за его столик. Из-за свадебной церемонии он оказался в этот день без оружия, и это немного тревожило его.

— Вам вернули ваш замечательный нож? — спросил он, выразительно взглянув на Хартли.

Тот хмыкнул и помахал рукой, подзывая бармена.

— Да, вернули. Но можете не беспокоиться. Я не собираюсь убивать вас прилюдно.

— Очень приятно это слышать.

Бармен принес бутылку и, наполнив стаканы, удалился. Было очевидно, что Хартли пользовался в этом заведении абсолютным и непререкаемым авторитетом. Впрочем, так было повсюду, где бы ни появлялся этот человек.

— Итак... — проговорил Хартли, поднимая свой стакан. — Итак, вы, должно быть, очень довольны собой. За такое короткое время стали богаче на сто восемьдесят тысяч акров и на несколько сот долларов. К тому же заполучили богатую жену, наследницу огромного состояния. Весьма впечатляющие успехи...

Хартли поднял свой стакан и, с усмешкой взглянув на Джеда, произнес:

— За человека, знающего, как вести дела.

Джед не стал пить. Сейчас он уже не чувствовал особого удовлетворения от победы над Хартли. За последние часы произошло слишком много событий, и теперь, вспоминая о карточной игре и последовавшей за ней драке, он невольно хмурился — ведь они вели себя как мальчишки... Во всяком случае, ему не хотелось об этом вспоминать, не хотелось ворошить старое.

Джед молчал. Хартли между тем продолжал:

— Я сомневаюсь, что мой добрый друг Коулмен будет рад услышать о скоропалительном браке своей дочери. Я даже полагаю, что у него имелись на сей счет совсем другие планы. Поэтому не удивлюсь, если он пожелает привлечь вас к ответу.

Джед наконец-то пригубил из своего стакана и, пристально взглянув на Хартли, заметил:

— Полагаю, что это дело касается только меня и его. Внезапно Хартли ухмыльнулся:

— Неудивительно, что вас не заинтересовало мое предложение, сделанное на плантации Спринг-Хилл. У вас были далеко идущие планы.

— Ну... не такие честолубивые, как у вас. — Снова отхлебнув из своего стакана, Джед сказал: — Думаю, теперь вы направитесь обратно в Штаты. Здесь вам больше нечего делать.

Хартли вновь наполнил свой стакан.

— Ошибаетесь, друг мой. Я должен зарегистрировать в Техасе несколько тысяч акров. Ведь у меня еще остались купоны...

— Очень разумно, — кивнул Джед, — и поторопитесь, пока не лишились оставшихся купонов.

Хартли бросил на собеседника пронзительный взгляд, но лицо техасца казалось непроницаемым.

— Вы-то, конечно, свои акры уже зарегистрировали, не так ли, мистер Филдинг?

— Разумеется. В полном соответствии с законом. Я добавил их к тем, которыми уже владел, и теперь у меня недурной кусок земли в Техасе.

Джед был весьма практичным человеком и прекрасно понимал значение даже таких мелочей, как регистрация купонов на землю. Поэтому не поленился зайти в департамент земельных наделов и сделал там все, что следовало. К тому же ему хотелось поскорее избавиться от купонов. Конечно, для него они почти ничего не значили, но он знал, что Хартли готов был за них убить его. А ведь теперь у Джеда была жена, за которую он нес ответственность...

Хартли молча наблюдал за молодым тexasцем. Наконец проговорил:

— Я ошибался на ваш счет, мистер Филдинг, хотя редко допускаю подобные ошибки. Вы человек грубый, неотесанный, но говорят, что вы играете по правилам.

Джед пожал плечами:

— Техасцы свободные люди и устанавливают свои собственные правила.

Хартли молча кивнул и, казалось, о чем-то задумался. Потом отпил из своего стакана и сказал:

— Я постараюсь запомнить это, мистер Филдинг. Джед поднялся из-за стола:

— Благодарю за угощение, Хартли. Мои наилучшие пожелания вашим друзьям на востоке.

Он направился к выходу, но не прямо к двери, а огибая столики, чтобы все время держать англичанина в поле зрения. Даже выходя из салуна, Джед старался не поворачиваться к нему спиной. Он знал, что их счета с Хартли не закончены, но сейчас не хотел думать о неприятностях, хотя, конечно же, понимал: в будущем их не избежать. Джед твердо решил, что в следующий раз Хартли не застигнет его безоружным.

Он посмотрел на солнце и понял, что пора отправляться в путь. В Галвестоне, как и во всех прочих городах, ему становилось не по себе; казалось, он задыхался здесь — ему не хватало простора и воздуха, не хватало всего того, что он оставил дома, на своем ранчо.

И вдруг его будто молния поразила. Ведь он ехал домой не один! И теперь уже никогда не будет один. Эта мысль оказалась слишком неожиданной и странной — во всяком случае, Джед понял, что не может сразу к ней привыкнуть.

Возможно, он никогда к ней не привыкнет.

На углу улицы Джед увидел фургон коммивояжера. Он подошел к нему и принялся разглядывать товары. Большая часть из того, в чем он нуждался, уже была закуплена, но Джед прикупил еще несколько коробок иголок, заплатив за них пенни. И вдруг заметил какие-то книги.

— А вы интересуетесь книгами?! — воскликнул торговец, перехватив его взгляд. — Что вам по вкусу, сэр? Философия, право, поэзия... Уверен, вы здесь найдете все, что вас интересует.

Лежавшие в углу фургона книги были сложены стопкой и перетянуты кожаным ремнем.

— Сколько? — спросил Джед. Торговец колебался.

— А которую вы имеете в виду?

— Я не собираюсь их читать, — ответил Джед. — Я просто хочу их купить.

В конце концов торговец взял за всю связку три доллара. Джед не взглянул на заглавия; он знал, что Элизабет обрадуется покупке, и это было главное.

В конце дня они добрались до пристани и сели на пароход, чтобы подняться на нем вверх по реке. Пароходик был совсем небольшой, и условия на нем очень напоминали те, с которыми Элизабет уже пришлось столкнуться на судне капитана Чапмена. Правда, на сей раз у нее не было отдельной каюты; она делила единственную имевшуюся на пароходике каюту с пожилой дамой, вдовой, направлявшейся к сыну в Хьюстон. Джед вместе с остальными мужчинами спал на палубе.

Большую часть времени Элизабет проводила за шитьем, пытаясь компенсировать ущерб, нанесенный пожаром ее гардеробу. Изредка она все же поднималась на палубу... и всякий раз бывала разочарована. Ей хотелось увидеть нечто необычное. Однако на берегах реки Бразос Элизабет видела знакомые с детства картины: бескрайние хлопковые плантации, чернокожих рабов, грузивших на повозки огромные тюки, а также склады и баржи, груженные хлопком. Она даже слышала голоса, распевавшие знакомые мотивы спиричуэлз,^[3] и видела джентльменов, гарцевавших на прекрасных лошадях. А однажды заметила карету, подъехавшую к пристани. Из кареты выглядывали дети и их мать, хорошо одетая леди; и все они махали платками, приветствуя стоявших на палубе людей.

Иногда их пароходик, медленно плывший вверх по реке, садился на песчаную отмель. И тогда все мужчины, вооружившись канатами и блоками, покидали палубу; стоя по пояс в воде, мужчины сдвигали посудину с мертвой точки и лишь после этого поднимались на борт. Изредка они проплывали мимо незаселенных участков, мимо берегов, поросших густым лесом; здесь многие из деревьев были покрыты испанским мхом и вьющимися растениями, похожими на лианы. Время от времени Элизабет видела ветхие строения, сколоченные из обломков досок. Капитан со смехом сообщил, что это гостиницы, где путешественники могли остановиться на ночь. Возле „гостиниц“ стояли небритые мужчины, совершенно не внушавшие доверия, и Элизабет радовалась, что ей не придется проводить ночь в таком ужасном месте.

Джед казался отрешенным и далеким и, как ей казалось, делал все возможное, чтобы избежать ее общества. Он прилагал отчаянные усилия, чтобы устроить ее со всем возможным комфортом, однако они почти не общались. Джед проводил дни в обществе мужчин, а после ужина ненадолго заходил к Элизабет, чтобы пожелать ей спокойной ночи. И они ни разу не оставались наедине.

Глядя на него издали, когда он беседовал на палубе с кем-нибудь из мужчин, Элизабет любовалась его волосами, отливавшими золотом в лучах солнца, и чувствовала в эти мгновения стеснение в груди — ей вспоминался златокудрый герой, которого она встретила в лесу. Но казалось, что это было в иной жизни... Так что же в таком случае этот ее брак?

Вежливое соглашение между чужими людьми? Чего он ждал от нее? Молчания и покорности?

Она не могла ответить на эти вопросы. Не могла, потому что ничего не знала ни о браке, ни о мужчинах... ни о Джеде.

Они сошли с парохода на пристани Йеллоувуда. Этот прибрежный городок, окруженный густым лесом и непроходимыми зарослями кустарника, совершенно не походил на многолюдный и шумный Галвестон, и лишь сейчас Элизабет поняла, что имел в виду Джед, когда употреблял слово „фронтир“ — граница.

— Далеко нам ехать? — спросила Элизабет после часа тряски по ухабистой, покрытой рытвинами дороге.

Не глядя на жену, Джед ответил:

— Нам предстоит провести в пути два дня.

И снова воцарилось тягостное молчание. Элизабет казалось, что это ужасное молчание будет длиться бесконечно. Почему муж делает вид, что не замечает ее присутствия? Что случилось с человеком, пленившим ее своими рассказами, от поэтичности которых у нес захватывало дух? И как долго она сможет выносить это ничем не прерываемое молчание?

Тяжко вздохнув, Элизабет пробормотала:

— Два дня — это очень долго, если не разговаривать. Джед посмотрел на жену — и невольно залюбовался ею.

Она была в зеленом шуршащем платье, купленном в Галвестоне, и в безупречно белых перчатках. Ее шляпку украшал цветок, ленты шляпки были завязаны пышным белым бантом, а носочки крохотных кожаных башмачков сверкали на солнце. Даже некоторая неполнота гардероба не могла повредить ее красоте. И выглядела она так, будто путешествовала в карете с бархатными занавесками на окнах, а не в повозке, катившейся по пыльной техасской дороге.

На пароходе он мог забыть о правде — по крайней мере мог не думать о ней, но здесь, вдали от цивилизации, он наконец-то в полной мере осознал, сколь велика его ответственность. Ведь Элизабет... Она здесь словно фарфоровая куколка, вдруг оказавшаяся на арене, где должен произойти бой быков. В Техасе ей не место — это совершенно очевидно. Напрасно он привез ее сюда.

Но что же теперь делать?

Джед пожал плечами и проворчал:

— О чем вы желаете поговорить?

Элизабет осмотрелась. Указав на заросли кустарника, воскликнула:

— Да хоть об этом! Я хочу знать, где мы, куда едем, хочу... Ведь есть множество тем для беседы. Можно говорить обо всем, что мы видим.

Джед чуть потянул за вожжи, стараясь объехать кучи камней. Покосившись на жену, сказал:

— Все это я вижу каждый день. Ничего особенного. Элизабет покачала головой:

— Возможно, для вас, сэр, ничего особенного. Но я вижу это впервые в жизни.

— В таком случае вы не много видели. — Джед снова уставился на дорогу. Немного помолчав, сказал: — Потерпите еще час, и вам уже не захочется задавать вопросы. Дорога и здесь скверная, дальше станет еще хуже. К концу дня ваши чудесные белые перчатки испачкаются, платье будет заляпано глиной, а ленты шляпки помнутся.

Джед снова умолк. Объехав пригорок, продолжал:

— Сами вы будете пыльной и мокрой от пота и единственное, что будет вас занимать, — это как поскорее выбраться из этой повозки. И тогда это путешествие... утратит для вас прелесть романтики.

Элизабет нахмурилась:

— Почему вы так упорно стараетесь казаться грубым и разговариваете со мной... так пренебрежительно?

Джед снова пожал плечами.

— Простоя говорю правду, Элизабет. И вам пора познакомиться с ней поближе. Это

совсем не похоже на какую-нибудь из ваших увеселительных прогулок. Вам предстоит долгое и трудное путешествие, и я не хочу, чтобы вы воображали, что оно будет похожим на пикник воскресной школы.

Элизабет поморщилась:

— Пока что самое неприятное в моем путешествии — мой спутник.

Джед усмехнулся:

— Но теперь вам придется мириться с этой неприятностью, верно?

Элизабет нечего было ответить. Джед тоже ничего не говорил, и в повозке вновь воцарилось молчание.

Элизабет смотрела по сторонам и невольно удивлялась. Вокруг не было ни малейших следов цивилизации, ничто не указывало на присутствие в этих местах человека.

Временами дорога становилась столь узкой, что ехать по ней было невозможно, и Джеду приходилось останавливаться и расчищать дорогу, вырубая кусты, или отбрасывая с дороги ствол упавшего дерева, или разбирая завал, образованный камнями. Иногда Джед с силой натягивал вожжи, заставляя лошадей вброд переходить мелкий ручей, и тогда Элизабет хваталась за сиденье, чтобы не упасть. Когда же они в очередной раз стали подниматься по крутому склону, Элизабет вдруг сказала:

— Может, я вам помогу?

Джед посмотрел на нее с удивлением.

— Конечно, нет.

— Но мой вес...

Джед хлестнул вожжами лошадей, и повозка рванулась вверх по склону с такой скоростью, что Элизабет едва удержалась на сиденье. Минуту спустя, покосившись на мужа, она в раздражении проговорила:

— Я умею управляться с лошадьми. Я не такая уж беспомощная.

Джед снова хлестнул лошадей.

— А я и не говорил, что вы беспомощны. Но думаю, что наша повозка совсем не похожа на привычный вам кабриолет. Да и дорога здесь похуже, чем у вас на плантации.

— Я могу пойти и пешком, — сказала Элизабет. — Когда это понадобится, вполне могу. Неужели вы полагаете...

— В этом нет необходимости, — перебил Джед. Элизабет вспыхнула.

— Нет никакой нужды обращаться со мной, как с балластом, как с ненужной вещью! — выпалила она, не удержавшись.

Джед промолчал, но Элизабет уже не в силах была сдерживаться. Взглянув на мужа, она заявила:

— Хочу довести до вашего сведения, что я начала ездить верхом с шести лет, а управлять кабриолетом — с двенадцати. Я вела домохозяйство. Все заботы легли на мои плечи, когда четыре года назад заболела моя мать. Я управлялась с рабами... с бухгалтерскими книгами. И у меня все прекрасно получалось! — Элизабет перевела дух и продолжала: — Я умею читать по-латыни, говорить по-французски и могу производить самые сложные вычисления. И думаю, — она выразительно взглянула на Джеда, — вы теперь поймете, что я кое-что умею!

Элизабет увидела, что руки Джеда судорожно сжали вожжи, а потом мгновенно расслабились, но больше никаких проявлений эмоций она не заметила. Когда же он заговорил, вид у него был совершенно невозмутимый.

— Ну... это прекрасно, замечательно... На востоке, я думаю, очень важно, чтобы женщина умела говорить по-французски и отдавать распоряжения рабам. И очень важно, чтобы она производила приятное впечатление на гостей мужа. Но здесь мужчине нужна другая жена. Здесь жена не только должна уметь готовить. Она должна раздобыть мясо, освежевать дичь и отогнать животных, которые могут посягнуть на эту дичь.

Элизабет снова покраснела. Было очевидно, что слова мужа оскорбили ее. Поэтому Джед и не стал говорить о том, что в Техасе мужчине нужна жена, способная заменить его, если он болен или ранен, способная позаботиться не только о себе. Но и о муже, когда это потребуется.

— Здесь вам будет нелегко, — продолжал он, не глядя на Элизабет. — Если вас не сведут с ума жара и бури, то могут свести с ума тишина и одиночество. А когда наступит время родов, рядом с вами не будет доктора и не будет женщины, способной оказать помощь. Вам придется пройти через все это одной, и может случиться так, что ребенок родится мертвым, и тогда горе состарит вас раньше времени...

Он покосился на Элизабет и увидел, что она смотрит на него с ужасом в глазах.

— Так скажите же мне, каким образом французский язык поможет вам в той жизни, которую вам предстоит здесь вести?

Элизабет едва не задохнулась от гнева. Сверкнув глазами, она воскликнула:

— Не желаю вас слушать! Я и так прекрасно знаю, каким бременем стала для вас!

С минуту Джед молча смотрел на нее. Затем отвернулся и пробормотал:

— Вы же сами хотели поговорить.

Элизабет нечего было возразить. Этот человек... Он был просто невыносим.

Наконец Джед отважился взглянуть на жену, и на него вдруг накатило ужасное чувство безысходности; ему стало ясно: Элизабет совершенно его не понимает.

Ведь она действительно может умереть. Или он может умереть от беспокойства за нее. Потому что Техас — суровая страна, не делающая исключений ни для кого — ни для мужчин, ни для женщин. Техас еще предстояло... приручить, и об этом следовало помнить.

Джед, как и все мужчины на Западе, прекрасно знали, что в любой момент может расстаться с жизнью, и поэтому смерть его не страшила. Но умереть и оставить беспомощную женщину одну — это совсем другое...

В Техасе женщина нуждалась в мужчине, способном защитить ее. Он мог бы, если бы ему повезло, защитить Элизабет, если бы ей угрожала смертельная опасность. Но как он защитит ее от жизни, которую ей предстояло разделить с ним?

Джед мысленно выругался и натянул вожжи. Он не желал такой ответственности и не мог ей радоваться. Но что сделано, то сделано, и теперь уже нет пути назад.

В полдень они остановились под тополем, и Джед быстро приготовил обед — у них были бобы, кофе и бисквиты, купленные в Йеллоувуде.

И снова Элизабет почувствовала себя посторонней и лишней.

Ей было известно, что женщине полагается готовить для своего мужа, но она не знала, где что лежит, не умела быстро развести костер и, если уж говорить правду, не знала даже, как приготовить кофе на костре. Джед оказался прав, и теперь его слова подтвердились как нельзя более убедительно.

К тому же она ужасно устала. Ее лицо и руки были грязными, и это очень раздражало. И еще хотелось спать, и нестерпимо ныла и болела спина...

Бобы оказались совершенно безвкусными, бисквиты — сухими, а кофе был слишком

крепким. Заметив, что Элизабет почти не притронулась к еде, Джед проворчал:

— Я понимаю, что вы не привыкли к такой пище, но некоторое время придется с этим мириться. Лучше поешьте.

Элизабет поднялась, оставив на земле свою миску.

— Я не голодна, — сказала она, направляясь к повозке. Проходя мимо Джеда, Элизабет заметила, что шея его покраснела, а брови сошлись над переносицей. Но она не знала, что вызвало его гнев. Возможно, он досадовал на себя самого. Впрочем, сейчас это не имело особого значения.

Конец дня Элизабет провела в упорном молчании. Несмотря на тряску, она старалась сидеть прямо, и это вызывало мучительную боль в спине.

Какое-то время повозка катила сквозь кустарники, рвавшие платье Элизабет, цеплявшиеся ветками и шипами за ее шляпку. Когда же они пересекали мелководные ручьи, на юбку ее брызгала грязная вода. И ни разу она не видела человеческого жилья. Не видела и дорожных столбов с надписями. И уж конечно, здесь смешно было бы даже мечтать о гостинице — даже о такой убогой, как на берегах реки Бразос.

К вечеру на горизонте стали собираться пушистые облака, а воздух стал влажным и душливым. Ленивые черные мухи с жужжанием вились над повозкой, и Элизабет приходилось то и дело отгонять их от лица носовым платком. Сейчас они ехали по открытой равнине и лишь время от времени проезжали мимо небольших рощиц — это были в основном pekanовые деревья и тополя. Теперь Элизабет наконец-то поняла, что имел в виду Джед, когда говорил о бескрайних просторах Техаса, о его необъятности. Эта огромная страна казалась совершенно необитаемой, и здесь, на тexasских просторах, Элизабет чувствовала себя ужасно одинокой.

Иногда она тайком бросала взгляд на Джеда — хотя бы для того, чтобы убедиться в присутствии сильного и уверенного в себе человека. Он не расставался с пистолетом, купленным в Галвестоне, — кобура висела на ремне, у бедра. Прежде Элизабет не замечала, чтобы Джед носил оружие. Пистолет казался огромным и тяжелым, и один его вид внушал страх.

Облака на горизонте потемнели, и подул слабый ветерок. Элизабет была ему рада, так как избавилась от жары и от мух.

Но тучи таили угрозу, и Элизабет спрашивала себя: „Что мы будем делать, если разразится гроза? Неужели нам придется ночевать под открытым небом?“ Это были не очень-то приятные мысли, и Элизабет то и дело хмурилась. Однако не решалась поделиться с мужем своими опасениями.

А потом ей в голову пришла совсем другая мысль... „Будем ли мы близки нынешней ночью?“ — подумала Элизабет, покосившись на Джеда. Эта мысль оказалась совершенно неожиданной, и Элизабет тотчас же почувствовала, как к ее щекам прилила кровь, а в груди появилось... какое-то странное ощущение.

Она снова взглянула на Джеда и снова поразились его мощи и мужественной красоте. И от одного его вида у нее перехватило дыхание. Она не могла отвести глаз от его загорелых рук, столь искусно, причем без видимых усилий, управлявших лошадьми. Потом залюбовалась его могучей шеей и золотистыми волосами, кудрявившимися над воротом.

А потом Элизабет вдруг поняла, что взгляд ее, будто магнитом, притягивает к коленям Джеда и к его бедрам...

Ее окатила горячая волна стыда — ей вспомнилась их ночь в рыбацкой хижине.

Элизабет отвела глаза, но тотчас же сообразила, что не смотреть на Джеда — еще хуже. Потому что она слишком хорошо помнила прикосновения его рук к ее обнаженному телу, слишком хорошо помнила все его ласки и свои ощущения, от которых, казалось, огонь разливался по жилам...

И тут вдруг Элизабет поняла, что ей нечего стыдиться, ведь Джед теперь ее муж, и она должна позаботиться о его доме и родить ему детей, должна делать все, чего бы он от нее ни потребовал. Ее жизнь изменилась — изменилась навсегда, и теперь она уже не наивная мечтательница, а жена сидящего с ней рядом мужчины.

Сегодня вечером они останутся одни — в первый раз после того, как обвенчались, и, конечно же, они будут близки...

Внезапно повозка остановилась, остановилась слишком неожиданно. Элизабет повернулась к мужу и увидела, что он с чрезвычайным вниманием смотрит на ближайшую рощицу. Элизабет проследила за его взглядом — и сердце ее на мгновение остановилось.

Жуткий монстр (иначе это животное нельзя было назвать) поднял свою уродливую голову и уставился на Элизабет. Возможно, он чем-то напоминал домашнюю корову, но слишком уж ужасной была эта „корова“. Перед ними стояло длинноногое и свирепое животное с причудливо изогнутыми рогами, настолько острыми, что, казалось, эти рога могли бы пробить их повозку насквозь, могли бы проткнуть их лошадей, могли бы поднять повозку на воздух со всем грузом...

И это чудовище смотрело на нее, на Элизабет!

А чуть поодаль, среди невысоких кустарников, бродили точно такие же длиннорогие гиганты. Их крапчатые шкуры были покрыты грязью и шрамами. Они нещадно ломали ветви и взрывали рогами землю, будто что-то искали.

Элизабет судорожно вцепилась в руку Джеда и бессознательно придвинулась к нему поближе.

— Что... что это такое?

— Дикие быки, — ответил Джед с совершенно невозмутимым видом. — Их здесь довольно много. Они повсюду бродят.

Элизабет сжала руку мужа еще сильнее, ей казалось, что животные приближаются к повозке.

Лошади начали проявлять беспокойство, и Джеду приходилось сдерживать их, чтобы они не понесли. Быки же действительно приближались. Животное, подошедшее к ним, помотало головой и принялось разрывать рогами землю прямо перед их повозкой.

Элизабет крепко прижалась к Джеду.

— Они... нападут на нас? — прошептала она, в ужасе глядя на стоявшее перед ними чудовище.

Покосившись на жену, Джед сказал:

— Не беспокойтесь. Ведь это всего лишь коровы.

— Но они... такие большие! Джед усмехнулся.

— Чем крупнее бык, тем крупнее бифштекс... и тем дороже он стоит.

Элизабет с удивлением взглянула на мужа. Тот, кивнув в сторону животных, заметил:

— Сейчас они ищут место, где можно укрыться от бури. Думаю, и нам надо поискать убежище.

Он натянул вожжи, и только тут Элизабет поняла, как крепко вцепилась в его руку — вцепилась с такой силой, что пальцы онемели. Она отодвинулась от мужа и заняла свое

прежнее место.

Ловко управляя лошадьми, Джед объехал быков. Оглянувшись, постарался как следует запомнить, где именно встретил стадо. Было очевидно, что животные нашли где-то поблизости хорошее пастбище, так что не стоило особого труда их переловить.

Джед с беспокойством поглядывал на небо. Буря набирала силу даже быстрее, чем он ожидал, и стало ясно: они уже не успеют добраться до лагеря, где можно было бы расположиться на ночлег.

Когда они достигли раскидистого дуба, ветер уже налетал мощными порывами, сотрясая ветви деревьев. Небо же еще больше потемнело и теперь приобретало зловещий оттенок. Решив, что разумнее всего переждать грозу под дубом, Джед выпрыгнул из повозки и принялся распрягать лошадей. Повернувшись к Элизабет, он прокричал:

— Я отведу лошадей на водопой! Оставайтесь в повозке!

Элизабет закуталась в шаль и с тревогой посмотрела на небо.

— А что, если пойдет дождь?! — закричала она вслед мужу и тотчас же поняла, что задала глупейший вопрос.

Джед покосился на жену. Порывы ветра загибали поля его шляпы.

— Спрячетесь под тент, — ответил он.

Взяв из повозки ружье, Джед повел лошадей к водопою. Оглянувшись, он прокричал:

— Я ненадолго! Только привяжу их и вернусь!

Небо темнело на глазах, и казалось, что Джед, сделав лишь несколько шагов, исчез во мраке. Элизабет ужасно нервничала. Она поглядывала то на темное небо, то на раскачивавшиеся под порывами ветра ветви деревьев и пыталась представить, что же ожидает ее в ближайшие часы. День и без того выдался трудным, а теперь еще и гроза...

Она снова вспомнила ту девушку, которой была еще совсем недавно. Она страстно мечтала о приключениях, но ей даже в голову не приходило, что приключения связаны с некоторыми неудобствами, такими, например, как пыль и жара, утомительная поездка в тряской повозке и ливень, который может промочить до нитки. И конечно же, упустила из виду такие мелочи, как холод, грязь и сырость. Выходит, в приключениях нет ничего привлекательного, никакой романтики...

Она почувствовала, как первая капля дождя упала на поля ее шляпки. А в следующее мгновение очередной порыв ветра едва не сорвал шляпку с головы. И почти тотчас же загрохотал гром.

Элизабет вглядывалась во мрак, пытаясь отыскать Джеда. Она ужасно волновалась, но пыталась скрыть это даже от самой себя. Джед знал, что делает. Он ведь совсем недалеко от нее и должен вернуться через минуту-другую.

Упала еще одна капля дождя, и Элизабет посмотрела на небо. Теперь оно было темно-пурпурным, почти черным, а молния, опередившая удар грома, пронеслась по небу ярким зигзагом. И тотчас же все вокруг окрасилось в какой-то странный лиловато-желтый цвет, и теперь все казалось нечетким и размытым.

Элизабет попыталась отстегнуть тент, чтобы прикрыть им припасы. Ветер трепал юбку и наконец накинул ей ее на голову. А нижние юбки шуршали и трепетали. Элизабет резко выпрямилась, чтобы оправить юбку, но еще более сильный порыв ветра чуть не сбил ее с ног, и она наконец-то поняла, что ей не удастся удержать юбку в повиновении. Впрочем, какой в этом смысл? Ведь ее никто не мог увидеть... Никто, кроме Джеда. Но где же он?

Почувствовав, что замерзла, Элизабет вытащила из-под тента одеяло и накинула его на

плечи.

А дождь все усиливался, теперь это был настоящий ливень.

Тут снова раздался удар грома и тотчас же сверкнула ослепительная молния. Элизабет вздрогнула и невольно вцепилась в бортик повозки. Она в отчаянии озиралась, высматривая Джеда, но было слишком темно.

Куда же он мог уйти?

Она вылезла из повозки. Осмотрелась. А вдруг с Джедом что-то случилось? Может, он ранен или заблудился? А может, на него напал какой-нибудь зверь или индеец? Сердце ее подскочило, ей показалось, что оно забилось где-то у самого горла...

Элизабет по-прежнему озиралась, по-прежнему всматривалась во тьму.

Она понятия не имела о том, где они находятся, и, конечно же, не знала, какие опасности таились в зарослях, за ближайшими кустами.

Но где же Джек? Если он действительно ранен, она должна помочь ему. Ведь он может рассчитывать только на нее.

Но если Джек... не вернется, что случится с ней? Элизабет замерла, ошеломленная этой мыслью. Только сейчас она в полной мере осознала, какой поступок совершила, решив последовать за мужем. Джек может... умереть, и тогда она останется совсем одна. На мили вокруг — ни души. Только дикие животные и кровожадные индейцы.

Она одна — и совершенно беспомощна. А Джек... Конечно же, он где-то рядом и нуждается в ее помощи.

Снова загрохотал гром, и небо озарил ослепительный зигзаг молнии — на сей раз совсем близко, прямо над повозкой.

Элизабет наконец решилась.

— Джек! — крикнула она и, придерживая юбки, бросилась в ту сторону, куда, как ей показалось, ушел муж.

Джек разглядывал следы быков, стараясь определить, куда двигалось стадо. И вдруг до него донесся крик, слабый и заглушаемый ветром. Разумеется, ветер мог сыграть с ним шутку. Он привязал лошадей неподалеку от небольшой пещеры, и это отняло у него гораздо больше времени, чем он ожидал, — надо было успокоить испуганных животных, прежде чем оставить их. Потом он набрел на эти следы... насторожился, потому что следы были свежими.

Он знал, что Элизабет в безопасности в их повозке, и намеревался переправить ее в пещеру до того, как дождь совсем разбушует. Но почему же он сейчас слышал ее голос?

Джек напряженно прислушивался. И вдруг снова слышал ее голос. Но он доносился... не со стороны повозки.

Его охватила паника, и он лишь усилием воли заставил себя устоять на месте, чтобы точно определить, откуда доносится голос.

Где же она? Она где-то здесь, поблизости, а рядом бродит стадо диких животных. Быки напуганы бурей и могут в страхе броситься в любую сторону... А Элизабет... заблудившаяся и беззащитная... Джек почувствовал стеснение в груди.

Тут он опять слышал ее голос. Она была где-то совсем рядом. Джек в отчаянии бросился к ближайшим кустам. И в следующее мгновение увидел смутную тень... Элизабет! В два прыжка он прорвался сквозь кустарник и, схватив ее за руку, развернул лицом к себе.

На лице Элизабет появилось выражение безмерного облегчения. Она воскликнула:

— Джек, я так беспокоилась! Я думала, вы ранены, или... Он в ярости закричал:

— Какого черта?! Что вы здесь делаете? Я же велел вам оставаться в повозке!

Элизабет отшатнулась от него. Глаза ее сверкнули.

— Не кричите на меня! Я...

— Черт возьми, я буду кричать на вас, если мне вздумается. Вы что, спятили?

Элизабет резко высвободила свою руку.

— Как вы смеете?! Вы не имеете права так разговаривать со мной! Оставьте меня в покое. Вы...

— Я ведь сказал вам, чтобы вы оставались на месте! Несмотря на шум ветра, голос Джеда прозвучал как рев разъяренного зверя. Дождь хлестал их по лицам, но они, казалось, не замечали этого. Джеду хотелось схватить жену за плечи и встряхнуть посильнее. Неужели она ничего не поняла? Ведь она видела стадо быков собственными глазами... А впрочем... Он же сам ей сказал, что быки не представляют опасности.

Джед понял, что отчасти сам виноват, и теперь уже злился на самого себя. Ни слова не говоря, он обнял жену за плечи. Потом взял за руку и повел в укрытие. Она пыталась высвободиться, но он не отпускал ее и все крепче сжимал ее руку.

Они продирались сквозь колючие кустарники и тонули в размокшей глине, и это не улучшило настроения Элизабет. Мокрые ветки хлестали ее по лицу, ветер рвал юбки, а кусты шиповника цеплялись за щиколотки. Она спотыкалась о стволы поваленных деревьев и то и дело оступалась, но Джед безжалостно тащил ее к пещере. Она задыхалась, у нее разболелся бок, и слезы гнева застилали глаза.

Наконец Джед подвел жену к пещере. Вход в нее был прикрыт стеблями ежевики, а пол выстлан мхом. Потолок же нависал так низко, что даже Элизабет едва могла стоять в ней в полный рост.

Джед тотчас же отвернулся и опустил на колени, чтобы набрать сухой коры и листьев и развести костер.

Элизабет все еще не могла успокоиться. Она прекрасно знала, что вспышки гнева совсем не украшают благовоспитанную молодую даму, прежде никто не мог довести ее до такого состояния, чтобы она забыла о том, как должна вести себя настоящая леди. Но сейчас она ужасно устала, нервы ее были напряжены до предела. А то, что она кричала на Джеда, как баньши,^[4] только усугубило ее дурное настроение.

Он не имел права орать на нее. Она не сделала ничего дурного. Почему он так грубо обращается с ней? Она не могла, просто не могла простить ему это и смолчать.

Одеяло соскользнуло с ее плеч, и руки непроизвольно сжались в кулаки. Она с яростью набросилась на мужа:

— Не смейте со мной обращаться, сэр, как с непослушным ребенком! Не смейте на меня кричать и бранить меня! Я не позволю, чтобы меня дергали за веревочку, как марионетку! Как вы смеете унижать меня?! Что я сделала, чтобы заслужить ваш гнев?

Джед, казалось, не обращал на жену внимания. Он чиркнул спичкой, и вскоре у входа в пещеру разгорелся небольшой костер.

Наконец Джед поднял голову и взглянул на Элизабет. На него вдруг накатила волна раскаяния. Ведь она не знала, как он волновался за нее... Она не знала, что он почувствовал. Беспокойство за нее и всевозможные страхи грызли его весь день — и вот вдруг все это вырвалось наружу. Да-да, конечно же, она не понимала, что он пережил из-за нее.

Разумеется, он сам виноват. Потому что солгал ей насчет диких быков, сказав, что они совершенно безопасны. И потому, что солгал, когда сказал, что буря им ничем не грозит.

Он просто хотел успокоить ее. И это непростительная ошибка. Сколько же еще ошибок ему предстоит совершить?

Повернувшись к Элизабет, Джек пристально посмотрел ей в лицо. И что-то в его взгляде погасило ее гнев, заставило забыть об обиде. Она в смущении потупилась. Он потянулся к ней и, взяв за руку, усадил у огня. Затем принялся подкладывать в костер сухие веточки. Наконец заговорил:

— В лесу повсюду следы диких животных, Элизабет. Среди них есть очень злобные. Если они испугаются, их ничто не остановит. Они могут наброситься даже на волка, на медведя-гризли, на пуму... Могут убить лошадь и напасть на человека. Вот почему я хотел, чтобы вы оставались в повозке. Я не знал, где эти быки и в каком они настроении.

Элизабет почувствовала, как к горлу ее подкатил комок. Глядя на Джека широко раскрытыми глазами, она пробормотала:

— Вам следовало сказать мне об этом...

Джек опустил голову. Немного помолчав, ответил:

— Да, должен был.

Элизабет поежилась, и Джек накинул ей на плечи одеяло. Однако она дрожала не от холода — ее била нервная дрожь. Теперь Техас казался ей ужасной страной, где человека на каждом шагу подстерегали смертельные опасности. И одна из этих опасностей — дикие быки... Поэтому Джек и волновался за нее. Но ведь быки могли напасть и на него...

Подкинув в костер несколько веток, Джек проговорил:

— Буря продлится недолго, но я думаю, что надо принести сюда кое-что из наших припасов и устроить лагерь на ночь. Здесь часто останавливаются путники. А кто здесь ночует, всегда оставляет трут для того, чтобы можно было развести костер в следующий раз...

Джек уже знал: лучший способ успокоить Элизабет — это поговорить с ней, поэтому и рассказывал сейчас о пещере. С удивлением глядя на мужа, Элизабет пробормотала:

— Но вы ведь... Разве вы не хотели вернуть этих диких быков в сторону ранчо, чтобы потом продать их?

Джек кивнул:

— Да, некоторых. Большая часть скота, который мы разводим, — смешанных пород. Это потомки диких животных, оставшихся еще от испанцев, скрещенные с некоторыми домашними американскими породами. Такие гораздо спокойнее, и управляться с ними гораздо легче.

— Но это... не опасно?

Джек хотел солгать — вернее, приуменьшить опасность, — чтобы успокоить жену, но он уже получил хороший урок, и это его остановило.

— Иногда опасно, — признал он. — Мне случалось видеть, как быки поднимали людей на рога или затапывали их. Я видел людей, которые потеряли пальцы рук, когда пытались заарканить животное слишком поспешно. Но если не умеешь это делать, то не стоит и браться.

— Но почему?.. Почему вы этим занимаетесь? Джек едва заметно улыбнулся.

— Так я зарабатываю себе на жизнь.

Элизабет промолчала, но Джек, заметив, что она заинтересовалась, продолжал:

— В Техасе сотни тысяч голов скота. Мы гоним животных на пастбища, чтобы они там нагуляли жиру за лето и попаслись вволю. А потом собираем их всех и клеймим...

— А что это значит? — спросила Элизабет, с любопытством глядя на мужа.

Джед снова улыбнулся. Он вдруг почувствовал, что ему нравится сидеть с женой у костра и беседовать.

— Клеймо — это такой рисунок, который выжигается на шкуре коровы каленым железом, чтобы люди знали, кому принадлежит животное.

Упомянув про „каленное железо“, Джед с беспокойством посмотрел на Элизабет — ему подумалось, что столь чувствительная леди, как она, придет в ужас от такого варварства. Но Элизабет, судя по всему, нисколько не смутилась, — напротив, проявила живейший интерес к рассказу.

Джед взял веточку и начертил на земле рисунок — листок клевера с цифрой „три“ посередине.

— Это мое клеймо. „Клевер три“. „Тройка“ — от названия ранчо. Оно называется „Три холма“.

— „Три холма“?

— И дом, и три коралла окружены тремя холмами. Получается как бы крепость, созданная самой природой. Я могу видеть издали, кто приближается к ранчо. К тому же холмы защищают от ветра. Это очень красивое место. По-настоящему красивое.

Рассказывая, Джед все больше воодушевлялся, и, глядя на него, Элизабет невольно улыбалась; ей вспоминался их разговор в саду мистера Бледсо — тогда Джед рассказывал о Техасе с таким же воодушевлением. И сейчас Элизабет чувствовала, что страхи, терзавшие ее в последние часы, чудесным образом развеялись. Ведь Джед говорил с ней, он улыбался ей...

— Расскажите о вашем ранчо, — попросила она.

Джед подбросил в костер еще несколько веток. Элизабет подобрала под себя ноги и, снова взглянув на мужа, спросила:

— Оно очень большое?

— Для скотовода размеры ранчо не так уж важны. Животные могут бродить, где им вздумается, если их заклеямили. Главное, чтобы было место, где это сделать.

Джед смотрел на жену и любовался ею. Элизабет сидела, подобрав под себя ноги, и, освещенная пламенем костра, казалась женственной и прекрасной. Тут она вопросительно взглянула на него, и Джед понял, что жена ждет продолжения.

Он отвел глаза и пробормотал:

— Теперь оно стало больше, потому что я выиграл в карты несколько акров у лорда Хартли.

Он не собирался рассказывать ей об этом. Не должен был рассказывать. Поэтому тотчас же пожалел о своих словах. Ведь Хартли — друг ее отца. Впрочем, дело не только в этом. Она в любом случае ничего бы не поняла. Потому что женщинам не полагается понимать то, что происходит между мужчинами.

Элизабет оживилась:

— Так вот почему вы подрались той ночью! А я не знала, что и думать...

Глядя на огонь, Джед пробурчал:

— Нет, не совсем так. Дело в том, что он мошенничал в карточной игре.

Глаза ее расширились.

— Лорд Хартли? Но... ведь он джентльмен! Такого быть не может! Просто невозможно поверить.

Криво усмехнувшись, Джед продолжал:

— Потом он бросился на меня с ножом, и я его разоружил. Но Хартли на этом не успокоился.

У Элизабет голова шла кругом. Рассказ мужа казался невероятным... но ведь Джед не мог солгать.

— Но почему? — пробормотала она.

Джед понимал, что зашел уже слишком далеко и утаивать что-либо не имело смысла. Как бы то ни было, он решил сказать жене правду — всю правду. К тому же рано или поздно она все равно узнала бы об этом. Правда всегда выплывает наружу.

— Я тоже играл нечестно, — сказал Джед. — И побил его. Он обыграл нечестным путем нескольких парней, а они не могли, просто не могли позволить себе такой проигрыш. И я подумал, что будет справедливо, если они получают деньги обратно. И тогда я обыграл Хартли, а он не мог этого стерпеть. Он ведь не из тех, кто прощает обиду.

Элизабет молчала, и Джед уже жалел, что рассказал обо всем. Что она скажет? Возмутился, станет защищать друга своего отца? Может, возненавидит его, Джеда? Да, конечно же, он сглупил. Он должен был молчать, оставить все как есть. Ему не следовало, ни в коем случае не следовало рассказывать об этом.

— А знаете, — пробормотала Элизабет, — лорд Хартли мне никогда не нравился. Он всегда был вежлив, любезен, и, конечно, мне нечего поставить ему в вину, но в его присутствии мне всегда было не по себе. Думаю, и папе иногда тоже. Но я никогда бы не догадалась, что он может совершить нечто подобное, — добавила она, нахмурившись. — Не думала, что лорд Хартли способен на такое. Ведь он всегда старался казаться настоящим джентльменом. Джед вздохнул с облегчением.

— Джентльмены бывают разные, — заметил он. — Никогда нельзя судить о человеке по внешности.

— Да, конечно, — кивнула Элизабет. — Думаю, вы правы.

Так она избавилась еще от одной иллюзии. Неужели все, что она знала о жизни, — все неправда? Неужели нельзя доверять даже собственному жизненному опыту?

Джед придвинулся поближе к жене. И теперь ему казалось, что будет вполне естественно, если он обнимет ее талию — так, чтобы она положила голову ему на плечо. И она действительно положила головку ему на плечо. Причем все произошло как бы само собой, словно она сделала это машинально. И сердце Джеда тотчас же забилось быстро-быстро...

Какое-то время они сидели молча, сидели, слушая шум дождя и потрескивание костра. Элизабет было уютно и покойно, когда рука Джеда обнимала ее. Она чувствовала себя в безопасности и нисколько не смущалась. От Джеда пахло оленьими шкурами, и казалось, этот запах принадлежал только ему — это был его запах, и он вызывал у Элизабет какое-то странное ощущение... необыкновенно приятное.

Джед заглянул ей в глаза и спросил:

— Вы не голодны?

Не отстраняясь от его плеча, Элизабет легонько покачала головой:

— Нет, только немного устала.

На самом деле она ужасно устала, но поняла это лишь сейчас, когда почувствовала себя под надежной защитой Джеда. Боль в спине немного утихла, но все мышцы словно одеревенели, а голова будто налилась свинцом.

Джед посмотрел на жену и улыбнулся. Было необыкновенно приятно сидеть с ней

рядом, обнимать ее и чувствовать на плече ее голову. На усталом личике Элизабет играли блики и тени, и отблески пламени освещали локон, выбившийся из-под шляпки. Джед чувствовал, что ему хочется взять ее за плечи, повернуть к себе лицом и поцеловать, и от этой мысли кровь заиграла у него в жилах. Ему захотелось поднять руку и прикоснуться к ее лицу, он хотел увидеть, как засияют ее чудесные глаза, хотел целовать ее долго и страстно, а потом...

После ночи, проведенной в рыбацкой хижине, он пытался похоронить эти мысли, пытался забыть обо всем, что с ними в ту ночь произошло, и теперь думать об этом было мучительно... Он причинил ей боль, он опозорил ее.

А теперь она прижималась к нему, такая доверчивая, нежная и беззащитная, как ребенок. Но если сейчас прикоснуться к ней, если дать ей понять, что он желает ее, то, может быть, эти глаза наполнятся слезами? Ведь она тотчас же вспомнит о том, что произошло в хижине на берегу океана.

И все же Джед чувствовал, что его влечет к ней неудержимо, он желал ее так страстно, что это уже походило на безумие. Он прекрасно понимал, что сейчас не следует к ней прикасаться, но ничего не мог с собой поделать — не мог избавиться от все возрастающего желания. Что же делать? Наступит ли когда-нибудь этому конец?

Он держал ее в объятиях и слышал ее ровное дыхание, и ничто не могло избавить его от возрастающей тяжести в чреслах. Жар костра был очень слабым, но Джед чувствовал жар собственного тела, чувствовал, как сердце его бьется все быстрее. Он хотел, чтобы она была рядом. Он желал держать ее в объятиях и открывать в ней новое... но он не хотел, чтобы она возненавидела его.

„Элизабет, — думал он, глядя на нее, — позволь мне поцеловать тебя“...

Джед потянулся к ее лицу — и тотчас же опустил руку. Глаза Элизабет были закрыты. Она крепко спала.

Помедлив с минуту, он снял с нее шляпку. Затем осторожно уложил ее на мох и, прикрыв одеялом, подложил ей под голову вместо подушки сложенную шляпку. После чего отошел ко входу в пещеру и долго стоял там, глядя на омытую дождем зелень.

Вскоре дождь прекратился, и Джед пошел к повозке, чтобы взять еще одно одеяло.

Его жена спокойно проспала всю ночь.

На следующий день, перед заходом солнца Джед осадил лошадей.

— Ну вот, — сказал он с улыбкой. — Это самый маленький из трех холмов. А вот и дом. — Джед указал на тоненькую струйку дыма. — Мы приехали.

Был чудесный летний день, и место показалось Элизабет очень красивым.

Склон холма переливался всеми оттенками зелени от темно-оливкового до бирюзового, и это было необыкновенное и захватывающее зрелище. На самой вершине холма желтели маргаритки; воздух же был напоен ароматом цветущей жимолости.

Напротив возвышался еще один холм, более высокий и величественный. У его подножия начиналась дорожка, по обеим сторонам которой синели колокольчики. А чуть в стороне, справа, высился третий холм, и подъем на него был обозначен длинной и узкой тропкой.

Элизабет поворачивалась то в одну сторону, то в другую; ей хотелось разом охватить всю раскинувшуюся перед ней красоту. Она заметила серебристый блеск воды далеко внизу — там, по-видимому, протекал ручей. У воды стояла грациозная лань, жевавшая какие-то ягоды. Неподалеку виднелся небольшой пруд, освещенный косыми лучами заходящего солнца. В долине зеленели дубы, травы и кустарники, а яркая синева неба являла ослепительный контраст этой зелени.

Элизабет уже во время путешествия случалось видеть пейзажи, поражавшие ее своей красотой, но ничего более красивого, чем это место, она еще не видела. Джед ничего не преувеличивал, когда рассказывал о своем ранчо. Элизабет казалось, что если бы она объехала весь свет, то, по всей вероятности, тоже выбрала бы для своего дома именно это место.

Дом... Четыре стены, ванна, постель и пища, приготовленная не на походном костре, а на плите. Она так устала от этого путешествия, так истосковалась по обычной жизни... Одна лишь мысль о том, что тряска в повозке наконец-то закончилась, была для нее настоящим бальзамом. Они дома — и теперь все тяготы пути казались несущественными.

— О, Джед, как здесь красиво! — воскликнула Элизабет. Джед встал в повозке во весь рост и закричал:

— Эй, приветствую всех!

Его крик далеко разнесся в чистом воздухе — раскатился по холмам и отозвался эхом. Когда же отголоски эха замерли, на приветствие Джеда ответили — и вновь над холмами прокатилось эхо.

Джед говорил, что на ранчо живут и другие люди, но никогда никого не называл по имени. Взглянув на мужа, Элизабет улыбнулась; ей было приятно, что на ранчо их ждали. Джед тоже улыбнулся и уселся на свое место. Немного помолчав, проговорил:

— Это для того, чтобы они случайно не выстрелили в нас. Джед направил повозку вниз по склону холма. Повозка то и дело подпрыгивала на ухабистой дороге. Вскоре луга сменились пространством, где трава была вытоптана множеством копыт, и Элизабет увидела кораль из грубо обтесанных бревен. А сразу за коралем находился дом — невысокое строение с покатой крышей и кривоватой каменной печной трубой.

Перед домом пылал костер, над которым висел на треножнике огромный черный котел. А вокруг костра расположились трое весьма неприглядных субъектов — таких Элизабет еще не приходилось видеть.

Мужчины с опаской поднялись на ноги, когда повозка подъехала к дому. Они с непритворным изумлением таращились на Элизабет, и она, взглянув на Джеда, заметила, что он смущен. Мужчины же смотрели на нее так, будто впервые в жизни увидели женщину. Под этими пристальными взглядами Элизабет тоже смутилась.

Мужчины были небритые и в грязных рубашках. И у каждого из них на бедре висел такой же пистолет, как у Джеда. Вид у всех был весьма устрашающий, но самым жутким казался великан с засаленными волосами, в выгоревшей и покрытой пятнами рубашке. У него были густые кустистые брови и пронзительные глаза — Элизабет хотелось съежиться под его взглядом.

Рядом с великаном стоял тощий светловолосый парень с кривым ножом за голенищем сапога. Третьим же был смуглый черноглазый мексиканец, вероятно, одного возраста с Джедом. И у каждого из троих красовался на шее грязный платок величиной с салфетку.

Элизабет почувствовала, как напряглись мускулы на руке мужа, когда он помогал ей выбраться из повозки. После этого Джед повернулся к мужчинам и сказал:

— Элизабет, это Рио. — При этих словах мексиканец кивнул ей. — И Дасти...

Блондин пробормотал:

— Мэ-эм... — И тотчас же отвел глаза.

И только сейчас Элизабет поняла, что светловолосый — почти мальчик, не старше ее. Впрочем, о юности его свидетельствовал лишь едва заметный пушок на обожженных солнцем щеках. В остальном же он ничем не отличался от мексиканца и великана в грязной рубашке.

— А вот Скунс, — продолжал Джед.

Элизабет почувствовала, что краснеет; это имя — возможно, прозвище — показалось ей ужасно вульгарным.

Великан выпустил изо рта струю табачного сока, и этот плевок приземлился в опасной близости от юбок Элизабет.

— Вот, парни, это моя жена, — заявил Джед.

Если „парней“ и удивила это сообщение, они не подали виду, — во всяком случае, ни один из них ничего не сказал. Минутой позже Дасти начал распрягать лошадей, а двое других принялись разгружать повозку. Джед присоединился к ним. Элизабет же — на нее никто уже не обращал внимания — направилась к дому и, немного помедлив, вошла.

Домик оказался совсем крохотным — всего одна комната. Причем без окон. Так что свет в жилище проникал лишь через открытую дверь. Но даже и при этом тусклом свете Элизабет удалось разглядеть вполне достаточно, чтобы почувствовать себя больной.

Напротив двери находился глиняный очаг. Рядом с ним стояли грубо сколоченные стулья и стол. Кровать же была прикреплена к бревенчатой стене одной стороной, а другой опиралась на два бревна, служившие ножками. На кровати была распалена, как показалось Элизабет, коровья шкура, приколоченная к раме по четырем углам, а в ногах валялось скомканное одеяло.

Глиняный пол был завален бочонками и полупустыми мешками. На стенах висели свернутые кольцом веревки и ремни из коровьих шкур. Кухонные принадлежности и инструменты были разбросаны всюду, куда им случилось упасть.

Элизабет осторожно дотронулась до края стола, и ее палец, обтянутый перчаткой, тотчас же покрылся застарелым жиром и пылью. Она судорожно сглотнула и снова окинула взглядом комнату. Конечно, Джед говорил, что живет в бревенчатой хижине, но такого она

представить не могла... Даже рабы у них на плантации жили в лучших условиях.

Тут мужчины начали заносить в хижину бочонки, коробки и мешки, и Элизабет посторонилась, чтобы не мешать им. Однако оказалось, что она напрасно беспокоилась. Эти мужчины были не из тех, кто сделает лишнее движение. Они сваливали свой груз прямо у двери, оставив лишь узкий проход, чтобы можно было войти и выйти. И ни один из них даже не взглянул на нее. Словно ее и не было в хижине.

Когда вошел Джед с огромным мешком муки на плече, она спросила:

— Может, помочь... уложить вещи?

Джед посмотрел на нее так, что Элизабет тотчас же поняла: она сказала глупость. Действительно, куда здесь уложить вещи? Пожалуй, только на пол.

Джед сбросил свой мешок и ответил:

— Нет, не надо. Посидите-ка лучше на солнышке. Мы сами управимся.

Элизабет сняла шляпку и перчатки и осмотрелась в поисках подходящего для них места. Единственным таким местом оказалось сооружение, которое следовало считать кроватью.

Пока мужчины разгружали повозку, она слышала их голоса.

— Я думал, ты отправился на восток за полотном и мукой. Не думал, что ты прикупишь там кобылку. — Судя по голосу, низкому и грубому, говорил человек по прозвищу Скунс.

Джед ответил:

— Я и сам не предполагал.

— Что-то очень тощая. — Это, должно быть, заговорил Дасти. — Но красotka. Настоящая красotka.

— Что касается меня, — хмыкнул Рио, — то я предпочел бы сеньориту, у которой есть за что подержаться. Мужчине нужна женщина, умеющая согреть его ночью, как добрая пуховая перина.

— А когда ты в последний раз спал с пуховой периной, а, мексиканец? — Скунс снова сплюнул свою жвачку.

Элизабет залилась краской. Она старалась занять себя чем-нибудь, чтобы не подслушивать разговор мужчин. Потом снова раздался голос Джеда:

— Она моя жена, не распускайте языки на ее счет. Давайте-ка не будем об этом.

Элизабет отвернулась, когда мужчины вошли в хижину, — сделала вид, что проверяет состояние фитиля в фонаре. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь заметил, что она уязвлена. Однако никто не взглянул на нее. Даже Джед.

Мужчины снова вышли из хижины, и она услышала шарканье ног и звон посуды. Минутой позже в дверях появился Рио. В одной руке он держал оловянную миску с каким-то варевом, похожим на рагу, а в другой — щербатую кружку. Мексиканец улыбнулся ей и сделал странное движение головой, напоминавшее поклон. И это было первое приветствие, которого Элизабет удостоилась с минуты прибытия.

— Еда, сеньора. Ее немного, но она хороша.

Элизабет ответила улыбкой, хотя ей это и стоило некоторого труда. Шагнув к мексиканцу, она взяла миску и кружку у него из рук. Потом снова улыбнулась и пробормотала.

— Благодарю вас.

Рио тотчас же удалился и присоединился к мужчинам у костра. Элизабет, немного помедлив, подошла к двери. Помощники Джеда сидели прямо на земле. Они ели, макая хлеб в рагу и переговариваясь. Джед же сидел на пне, склонившись над своей миской. Он сделал

вид, что не заметил жену. Элизабет стояла в дверях; она не знала, стоит ли ей присоединиться к мужчинам.

Но никто из них не пригласил ее, а навязываться ей не хотелось. Еще никогда в жизни она не чувствовала себя такой одинокой... ненужной.

Ее муж, казалось, совершенно забыл о ней. Да и почему должно быть по-другому? Ведь это ранчо — его дом, и он давно здесь не был. К тому же у него на уме более важные вещи, чем она, робкая и застенчивая жена, которая не может найти здесь себе место.

По-прежнему стоя в дверях, Элизабет слушала разговор мужчин.

— Вчера мы потеряли телку. Рыжую, — сообщил Скунс.

Джед даже не поднял голову от миски.

— Волки? — спросил он несколько секунд спустя.

— Пума. Разодрала ей глотку и оставила труп сарычам.

— В конце концов нам удалось заарканить пятнистого, — сказал Дасти. — Он меня чуть не растерзал. Но мы его загнали к остальным.

— Отлично, — кивнул Джед, набирая полную ложку рагу. — Он лидер. Поаккуратнее с ним. Есть у нас скот на продажу?

— Есть. Несколько сотен голов. А если считать с годовалыми, то наберется и вдвое больше.

Элизабет зачерпнула деревянной ложкой варева из своей миски и осторожно попробовала. Это была говядина в очень густой похлебке или подливке, приправленная луком и картофелем, а также какими-то неизвестными ей травами. Однако блюдо оказалось на вкус очень недурным, и, если бы не усталость, Элизабет получила бы от еды истинное удовольствие.

— Мы можем удвоить это число до осени, — сказал Джед. — Надо хорошо откормить их и отправить в Новый Орлеан. Пятилеток теперь можно продать по двадцать пять долларов за голову.

— Si, — с усмешкой кивнул Рио. — Хорошенькие леди любят хорошенькие вещицы. Поэтому теперь тебе понадобятся деньги.

Элизабет повернулась и ушла в хижину.

— Нам придется работать от рассвета до заката, чтобы собрать столько скота для продажи, — услышала Элизабет ворчание Скунса.

— Мы и прежде так работали. Но мы сможем их откормить?

— Вон за тем оврагом возле Рок-Спринг. Там много травы и воды. Хорошее место для пастбища.

Элизабет поставила миску на стол и сделала глубокий вдох. Она старалась взять себя в руки, старалась не поддаваться отчаянию.

Все было хуже, гораздо хуже, чем она ожидала. Но ведь Джед предупреждал ее — только она не желала его слушать. Была уверена, что справится, и не предполагала, что ей придется жить... вот так.

И Джед привез ее сюда, выгрузил, точно ящик или мешок, — и тотчас же забыл о ней. Недолгая близость, возникшая было между ними в ту ночь, которую они провели в пещере, теперь исчезла без следа.

А была ли та ночь на самом деле?.. Или ей только показалось? Возможно, эта ночь — ее фантазия. Тогда ей в какой-то момент показалось, что она видит, нежность в глазах Джеда, что слышит в его голосе истинное чувство. Но, должно быть, он только жалел ее. И теперь ей

придется терпеть не только его раздражение, но и жалость.

Через некоторое время мужчины умолкли, и Элизабет снова слышала шарканье ног. Должно быть, мужчины разошлись, чтобы заняться своими обычными делами.

Солнце еще не село, но в хижине уже стало темно. Элизабет осмотрелась в поисках спичек. Повсюду громоздились ящики, мешки и бочонки, выгруженные из повозки. И вдруг она заметила стопку книг, перетянутую кожаным ремнем. Встав на колени прямо на грязном полу, Элизабет распустила ремень. Среди книг оказались том Шекспира, сборник стихов, философские произведения Джона Локка и Руссо, „Приключенческие рассказы“ неизвестного ей автора и — о счастье! — два ее любимых романа — „Путешествие пилигрима“ Джона Беньяна и „Гордость и предубеждение“ Джейн Остин. Каждый раз, когда она прикасалась к обложкам, с души ее будто спадала тяжесть и на сердце становилось легче. Знакомые ощущения, возникавшие в столь чуждом ей и даже враждебном мире, казалось, связывали ее с покинутым домом и с привычным комфортом — ощущения, целительные для ее измученной души.

— Я подумал, что они вам понравятся, — неожиданно раздался голос Джеда. — Я знаю, какое удовольствие вам доставляет чтение.

Она повернулась к мужу. Лицо ее осветилось улыбкой, но улыбка тотчас же угасла — Элизабет вспомнила, что мужчины говорили о женщинах; глядя сейчас на Джеда, она не могла не вспомнить этот разговор.

— Да, вы правы, — ответила она, отводя глаза. — Я надеюсь, что эти книги доставят мне большое удовольствие.

Джед подошел к фонарю и чиркнул спичкой. Сначала фитиль вспыхнул ярко, но он тут же убавил пламя, и комната осветилась ровным неярким светом — фонарь явно нуждался в чистке.

Элизабет слышала мужские голоса, доносившиеся из-за приоткрытой двери. Звякнуло ведро, очевидно, задетое чьим-то сапогом. Негромко заржала лошадь.

Джед по-прежнему стоял у стола. Всклопоченный, без шляпы, он пристально смотрел на нее, и Элизабет, встретив его взгляд, сразу же поняла, что произойдет дальше. Сердце ее тревожно забилося...

Но ведь он ее муж. И они с ним — дома. Дверь можно закрыть, свет погасить, и тогда они останутся наедине.

Тут он взял ее за руку и подвел к кровати. Это была их первая брачная ночь — ее первая ночь в новом доме.

Безумие, охватившее их в рыбацкой хижине на берегу океана, казалось теперь чем-то бесконечно далеким и нереальным, казалось полузабытым сновидением. Внезапная вспышка страсти словно лишила их разума. И это стало причиной того, что она оказалась... здесь и была теперь женой совершенно чужого человека, незнакомца...

Да, она стала женой этого человека и прекрасно понимала, чего он от нее ожидает.

Джед смотрел на нее и ждал, когда в нем снова вспыхнет желание, терзавшее его прошлой ночью. Но сейчас, глядя на Элизабет, он видел лишь ее усталое лицо, ее неестественно расправленные плечи и глаза, полные ужаса. И не чувствовал при этом ничего, кроме вины перед ней и раскаяния.

Муж приблизился, и сердце ее сжалось. Он остановился в нескольких шагах от нее и окинул взглядом грязную, захламленную комнату. Когда же он снова посмотрел на жену, в его взгляде была печаль, — казалось, он просил у нее прощения. И было в его взгляде что-то

еще, что-то непонятное...

— Элизабет... — Джед внезапно умолк, словно был не в силах говорить. Он протянул к ней руку, но тотчас же опустил ее. — Элизабет, сегодня я не буду ночевать в хижине.

Он взял свое одеяло и вышел, плотно притворив за собой дверь.

Элизабет еще долго стояла посреди комнаты. Глаза ее наполнились слезами, и все окружавшие ее предметы были словно в тумане. Ей вспоминался погруженный в сумерки сад, она отчаянно цеплялась за это воспоминание, старалась удержать его перед глазами. Как же она решилась покинуть Спринг-Хилл? Как могло случиться, что все в ее жизни сложилось так ужасно?

Нет, не следует задавать себе подобные вопросы. С самого начала она навязывалась Джеду. И по доброй воле последовала за ним в Техас.

А теперь случилось так, что она стала его женой и он тяготился этим.

Вчера, когда они, укрываясь от дождя, расположились в пещере, между ними на какое-то время возникло чувство близости — как в самом начале их знакомства. Джед улыбался и говорил с ней, и казалось, что у него нет от нее никаких секретов. Ей стало так тепло и уютно с ним рядом... И она уплыла в сон в его объятиях, заснула под шум дождя. А сегодня Джед опять стал чужим, стал незнакомцем с холодным взглядом. И он еще раз напомнил ей об обстоятельствах, которые привели ее сюда. И выходит, что в их браке нет ничего прекрасного и романтического.

Элизабет подошла к кровати и начала раздеваться. Снаружи доносилось стрекотание сверчков, и было слышно, как мужчины встряхивают и расправляют свои одеяла. Она надела ночную рубашку и осторожно улеглась на жесткую коровью шкуру. Затем укрылась пыльным одеялом и прикрутила фитиль фонаря. И лишь после этого, свернувшись клубочком, наконец-то дала волю слезам.

Она слышала треск пламени. И видела огненные языки, лизавшие дверь и вползавшие в комнату. Дым разъедал глаза, и дышать становилось все труднее, она задыхалась. Она хотела закричать, но не могла. А бежать — слишком поздно.

Пламя подползало все ближе, теперь оно было повсюду, а рядом — никого, никто не мог ей помочь, никто не мог спасти ее. Она обречена на смерть...

Элизабет закричала и, резко приподнявшись на постели, обвела комнату безумным взглядом. Ей по-прежнему казалось, что она задыхается, видит языки пламени и чувствует запах дыма. Она снова закричала... и вдруг поняла, что находится на ранчо Джеда, в бревенчатой хижине, и запах дыма — дым костра, на котором мужчины готовили ужин.

Сделав глубокий вдох, Элизабет улеглась, однако заснуть ей не удалось. Она стала осматриваться и вскоре заметила, что сквозь щели в бревенчатой стене в комнату проникают, первые лучики яркого утреннего солнца. Воздух же в комнате казался тяжелым и затхлым; было очевидно, что здесь давно не убрали. Заметив под потолком паутину, Элизабет невольно вздрогнула — теперь это жилище казалось ей еще более отвратительным, чем накануне.

Грязь была повсюду. Даже ее ночная рубашка стала серой от пыли, потому что она провела ночь в этой жуткой комнате. А запах... казалось, он въедался в кожу. В доме ее отца даже конюшни содержались в лучшем состоянии. Неужели Джек мог здесь жить?! Ведь жить так — это оскорбительно!

Но отныне и ей придется здесь жить. Потому что теперь уже ничего нельзя изменить. Ей остается только одно: сделать все возможное, чтобы привести свое жилище в порядок.

Элизабет осторожно взялась за уголок изъеденного молью одеяла и откинула его. Затем спустила ноги на пол — и с криком отшатнулась. Из-под ее ног выскочила ящерица, которая тотчас же исчезла в щели между бревен.

Наконец, собравшись с духом, Элизабет встала с постели и поспешно оделась. Затем открыла дверь и вышла из хижины.

Рио, сидевший на корточках у костра, тут же поднялся.

— Buenos días, senora,^[5] — приветствовал он ее по-испански.

Элизабет заставила себя улыбнуться и вытерла ладони. Здесь не было даже таза, чтобы умыться утром.

— Доброе утро, Рио.

— Завтрак готов, — сказал мексиканец.

Он принялся накладывать в миску варево из горшка, висевшего над огнем. Элизабет попыталась скрыть отвращение, когда заметила, что это были остатки вчерашнего рагу.

— Благодарю вас, — сказала она, взяв в руки миску. Осмотревшись, спросила: — А где мой муж?

— Сегодня они собираются рубить деревья. Завтра начнем строить хижину. А послезавтра или дня через три снова будем сгонять скот для продажи.

Мексиканец налил в кружку черного кофе. Передав кружку Элизабет, проговорил:

— Работы много, но и времени для нее достаточно. Элизабет молча кивнула.

Рио с улыбкой продолжал:

— Что касается меня, то я спешить не люблю. А сегодня я останусь с senora, чтобы

приглядеть за ней, si? Это намного лучше, чем валить деревья или загонять скот.

Элизабет смутилась. Значит, она заняла место мужчин. И теперь из-за нее им придется строить хижину, где они могли бы ночевать. Элизабет знала, что должна испытывать чувство вины... но не испытывала его, как ни силилась.

Она подошла к пню, на котором накануне вечером сидел Джед. Тщательно оправив юбки, присела. Рио снова опустился на корточки и принялся подбрасывать в огонь сухие ветки. Но Элизабет чувствовала, что он украдкой наблюдает за ней. Она отпила из своей кружки — и поморщилась. Кофе оказался безумно крепким.

Поставив кружку на землю, Элизабет взялась за ложку.

— Вы давно знаете моего мужа? — спросила она, взглянув на мексиканца.

— Si, давно.

Похоже было, что Рио в отличие от других мужчин не испытывает затруднений, общаясь с ней. И, судя по всему, он был не прочь поболтать с кем-нибудь.

— До войны я работал у одного благородного дона и его прекрасной senora, — сказал мексиканец. — Он был очень влиятельным человеком, а его ранчо считалось одним из самых больших во всей Мексике. А senora... — На лице Рио появилось мечтательное выражение. — Она была красивая... Ну... такая, как вы. — Рио в смущении потупился. Немного помолчав, вновь заговорил: — А потом началась война. Думаю, я был неплохим солдатом, но меня взял в плен один полковник с желтыми волосами. Я уже думал, что погиб, но senor Филдинг решил, что я слишком хороший солдат, чтобы умирать, и я стал его пленником. Потом война кончилась, и я стал его другом.

Элизабет слушала эту историю как зачарованная. Что же за человек Джед, если он сумел превратить врага в преданного друга? Вероятно, она слишком плохо знала своего мужа. В сущности, совсем ничего о нем не знала.

Мексиканец опять занялся костром. Элизабет же заставила себя снова взяться за ложку, потому что ей не хотелось обижать Рио. Однако рагу оказалось таким же вкусным, как и накануне. К тому же Элизабет чувствовала, что мексиканец бросил на нее тревожный взгляд, и она улыбнулась ему:

— Очень вкусно, Рио. Вы готовите здесь все?

— Si. Только я один умею готовить, поэтому... — Он пожал плечами. — Поэтому я один и делаю это.

Элизабет огляделась.

— А где ваш сад?

Рио посмотрел на нее с удивлением.

— Нет сада, senora.

— Но где же вы... — Элизабет зачерпнула еще одну ложку рагу. — А чем же вы приправляете свою стряпню? Где берете овощи и приправы?

— Мы используем то, что можно найти в лесу, — лук, дикую капусту и разные другие полезные растения. Иногда находим картофель и прочие овощи, которые выращивают индейцы.

Глаза Элизабет округлились.

— Индейцы?! — воскликнула она в ужасе. Мексиканец пожал плечами:

— Si. Они не возражают.

Элизабет решила, что не стоит продолжать беседу на эту тему. Интересно, какие еще сюрпризы ожидают ее?

Эти люди добывали в лесу пропитание. Они ели на завтрак остатки вчерашнего ужина. Они жили в лачуге, непригодной даже для собаки. Как прав, как ужасающе прав был Джед...

Элизабет Коулмен была воспитана для другой жизни, совсем непохожей на эту. Она знала, какой жизнь должна быть, но никогда ничего не делала сама. Она умела отдавать распоряжения. Она знала рецепты блюд, но не умела готовить. Она умела вышивать, но не умела чинить одежду. Она умела писать пейзажи, но никогда не пробовала скрести и мыть полы... Но сейчас самое подходящее время научиться всему. И похоже, что выбора у нее нет.

Элизабет отставила миску и в смущении посмотрела на мексиканца.

— Знаете, Рио, — проговорила она, — я должна сказать вам правду. Я хочу быть Джеду хорошей женой, но не уверена, что знаю, как это сделать. Я не умею готовить так же хорошо, как вы, и ничего не знаю о том, как собирать травы в лесу и выкапывать картофель... — Она беспомощно развела руками. — Я не знаю, как сделать его дом уютным и удобным. Вы мне поможете?

Какое-то время мексиканец смотрел на нее так, словно не понимал, о чем речь. Потом вдруг улыбнулся, и улыбка сделала его лицо почти приятным.

Рио понял, что эта женщина хочет сделать приятное его другу. Что ж, она проявила мудрость, обратившись именно к нему. Потому что он тот самый человек, к которому и следовало обратиться.

Энергично закивав, Рио ответил:

— Si, senora, я помогу. Я с удовольствием. Элизабет с облегчением вздохнула:

— Благодарю вас, Рио. Возможно, я буду наблюдать, как вы готовите, и учиться у вас. А завтра... — Она посмотрела на свою миску, стоявшую на земле. — Может быть, завтра можно приготовить на завтрак яйца?

Рио уставился на нее в изумлении.

— Но у нас нет кур...

Элизабет ненадолго задумалась.

— Ну... в таком случае нам следует завести хотя бы одну. Разве вам не хочется съесть на завтрак яйцо?

Рио хмыкнул, очевидно, приняв ее слова как шутку. Ему было известно, что ближайшее место, где водились куры, — Новый Орлеан.

— Si, senora. Это было бы хорошо.

— И еще нам нужна ветчина, — продолжала Элизабет. Рио покачал головой:

— В Техасе нет свиней.

— Но такого не может быть, — запротестовала Элизабет. — Я совершенно точно помню: капитан нашего парохода говорил, что на востоке Техаса множество свиней.

Рио промолчал. Но он прекрасно понял, о чем говорил капитан. „Свиньи“, о которых шла речь, были дикими кабанами. Эти животные могли убить лошадь и преследовать пуму, и многим охотникам случалось проводить ночь на дереве, куда они забирались, спасаясь от разъяренного кабана.

К тому же Рио знал: никто и никогда даже не пытался съесть хотя бы одного дикого кабана.

Элизабет сочла его молчание знаком согласия и, поднявшись на ноги, проговорила:

— А меню мы обсудим позже. Сейчас у нас есть другие дела. — Отстегнув свои манжеты, она кивнула в сторону хижины и заявила: — Мне надо очень много горячей воды. А также щелочное мыло и метла. Нельзя терять ни минуты.

Элизабет закатала рукава и, подоткнув юбки, направилась к хижине. Рио улыбнулся и бросился выполнять ее просьбу.

По лесной тропинке навстречу друг другу ехали двое всадников. Один из них был на неподкованном крепком пони без седла, в красной шерстяной накидке и с ружьем, украшенным лисьими хвостами; другой же — в надвинутой на лоб широкополой шляпе и высоком седле.

Остановившись, всадники какое-то время молча смотрели друг на друга. Лица их казались непроницаемыми.

Наконец Красный Волк заговорил:

— Тебя долго не было в этих местах.

Джед сунул руку в седельную сумку и извлек кисет с табаком.

— Для великого вождя.

Чероки принял подарок, не говоря ни слова. Джед преподнес ему также пакетик иголок.

— А это для жены великого вождя. Вождь спрятал подарки под накидку.

— Я привез с собой женщину, — продолжал Джед. Красный Волк чуть наклонил голову.

— Это хорошо. Мужчина не должен умереть, не родив сыновей.

— Она городская женщина.

— Она научится всему.

Лошади склонили головы, чтобы пощипать травы. Мужчины же надолго умолкли, однако по-прежнему пристально смотрели друг на друга.

— Какие новости о прибрежных деревнях? — спросил наконец Красный Волк.

— Ворон отправляется посоветоваться с друзьями чероки. Он вернется, прежде чем сменятся листья.

Сэм Хьюстон, принятый индейцами в свое племя под именем Ворона, теперь перебрался из Алабамы в Теннесси, где собирался встретиться с Эндрю Джексон^[6] и другими влиятельными лицами, чтобы заручиться их поддержкой и добиться присоединения Техаса к Штатам.

— Скверные времена наступают для чероки, — сказал Красный Волк. — Новый вождь Ламар хочет отнять у нашего народа земли, отданные Вороном. В Накотдочесе люди беспокойны.

Джед не был политиком и не имел ни малейшего желания стать им. Ему было гораздо спокойнее, когда он не знал о положении государственных дел. Но Джед был техасцем и не мог не думать о том, что происходило на техасской земле.

Президент Ламар, пришедший к власти благодаря Сэму Хьюстону, решил теперь уничтожить все то, что удалось построить Сэму. Ламар создал свою армию и печатал не имевшие никакой цены техасские деньги. И все обещания, которые Сэм давал своим друзьям чероки, Ламар планомерно и упорно нарушал.

Джед сказал:

— Красный Волк — великий воин, и у него много отважных людей.

Индеец понимал, о чем говорил Джед, и в глазах его была глубокая печаль.

— Мы поговорим, — ответил он. — Потом начнем воевать, и многие погибнут. Удел нашего народа — искать мира и встретить войну.

Слово „война“ редко звучало в устах чероки, и Джед знал, что Красный Волк не станет

бросаться им. Какое-то время чероки мирно жили в Техасе рядом с белым человеком, но теперь все должно было измениться. Все должно было измениться именно сейчас, когда у Джеда появилась женщина, судьба которой зависела от него.

Джед никогда не боялся опасностей, никогда не боялся смерти.

Но теперь у него была Элизабет.

Джед бросил взгляд в сторону своего ранчо, и Красный Волк понял, о чем он думает.

— Ты мой брат, — сказал индеец. — Когда начнется война, чье ружье будет в твоих руках?

Джед пристально посмотрел в глаза индейца.

— Ты мой брат, — ответил он. — Но мое ружье — только мое. Я буду делать то, что должен делать.

Вождь одобрительно кивнул:

— Ты хорошо усвоил законы жизни, Желтый Ястреб. И теперь научи свою женщину. — Красный Волк повернул свою лошадь, собираясь удалиться. Обернувшись, сказал: — Когда придет время, мы выступим. Я не запятнаю кровью порога друга.

Вождь почти тотчас же исчез за деревьями, но Джед еще долго сидел в седле, прислушиваясь к затихавшему цокоту копыт. Наконец, тронув поводья, направил лошадь в сторону ранчо.

Мужчины вернулись, когда стемнело. Вернулись усталые, потные и не в лучшем расположении духа. Весь день они валили деревья, оттаскивали в сторону бревна и складывали их штабелями. Это был адский труд, наградой за который являлось только сознание выполненного долга. А завтра их ждала такая же изнурительная работа — предстояло перетаскать бревна в лагерь и построить вторую хижину.

В мрачном молчании они расседлали лошадей и растерли холки животных пучками сухой травы. Рио вышел помочь им. На вопрос Джеда о жене ответил:

— О, señor, она прекрасная леди.

Усталые мужчины, не заметив ухмылки мексиканца, направились к хижине. В нескольких метрах от двери они остановились будто громом пораженные.

Перед ними стояла Элизабет Филдинг, прекрасная, как майское утро. Она была в хрустящем от чистоты голубом полотняном платье и в белом переднике, в руке же держала деревянную поварешку. Из ее идеальной прически не выбивался ни один волосок, а от улыбки любой мужчина мог окаменеть на месте.

— Таз для мытья и полотенца — возле корыта с водой, джентльмены, — сказала она с приветливой улыбкой. — А я сейчас накрою на стол.

Элизабет повернулась и исчезла в хижине. Рио улыбнулся и ткнул локтем в бок изумленного Дасти.

Джед подошел к стоявшему у двери тазу. Вымыл руки и ополоснул лицо. Немного подумав, снял рубашку и принялся мылить грудь и руки до плеч.

Помывшись, Джед оставил своих друзей и зашел в хижину. Переступив порог, замер, ошеломленный. Он не узнавал свое жилище.

К стенам были прибиты полки для ящиков и коробок, и теперь все их припасы были аккуратно разложены. Кастрюли и сковороды висели на гвоздях над очагом. Тарелки, миски и ложки были вычищены и отполированы до блеска. Стол вымыт щелочным мылом и отчищен песком до слепящей белизны. Пол был тщательнейшим образом выметен, и на нем не оставалось ни пылинки, а корпус фонаря отполирован до такой степени, что он освещал

все углы комнаты. И теперь на кровати лежал матрас, набитый свежим сеном и обтянутый белым муслином.

В воздухе витали чудесные ароматы свежезажаренных бифштексов и кукурузных лепешек. Элизабет же в этот момент ставила на стол горшок с тушеной зеленью.

Тут вошли остальные мужчины — и тоже замерли в изумлении (впрочем, Рио только сделал вид, что изумлен). Разумеется, они не ожидали, что миссис Филдинг будет заниматься хозяйством и обслуживать их.

Элизабет поставила на стол тарелку с тортильями и, отступив на шаг, сняла передник.

— Не сесть ли нам за стол? — сказала она с улыбкой. Дасти тотчас же сорвал с головы шляпу. Скунс, чуть помедлив, последовал его примеру. Джек же снял шляпу еще раньше — когда умывался.

Элизабет села за один конец стола, а Джек — за другой, напротив. В комнате было только два стула, и потому остальные трое шаркали ногами. Наконец расположились на бочонках, которые Элизабет поставила вокруг стола для каждого.

Скунс схватил вилку и насадил на нее сразу два бифштекса. Но тотчас же в ужасе замер, потому что Элизабет сказала:

— Джек, не прочтешь ли ты благодарственную молитву? Джек не читал молитву за столом с тех пор, как умерла его мать и он покинул дом, а это было десять лет назад. Но сейчас все взгляды были обращены на него, и он понял, что должен попытаться.

Скунс водворил бифштексы на место и положил на стол вилку. Все смотрели на Джека. Тот, собравшись с духом, закрыл глаза и забубнил что-то неразборчивое.

Минуту спустя Элизабет нежным голоском произнесла:

— Аминь.

Но никто из мужчин, казалось, не знал, что делать дальше.

В конце концов Скунс снова потянулся к блюду с бифштексами, и снова Элизабет остановила его — на сей раз деликатным покашливанием. Скунс нахмурился и вопросительно взглянул на Джека. Тот кивнул на жену.

Элизабет взяла свою салфетку (рядом с каждой тарелкой лежал аккуратно сложенный лоскут чистого полотна), развернула ее и положила себе на колени. Мужчины тут же последовали ее примеру, — все, кроме Скунса. Он схватил свою салфетку и принялся заталкивать ее себе за ворот. Но, получив от Дасти чувствительный толчок в бок, выдернул салфетку из-за ворота. Все еще хмурясь, Скунс расстелил полотно у себя на коленях. Потом опасливо покосился на Элизабет.

Рио, чуть приподнявшись, передал общее блюдо Элизабет. Она поблагодарила его улыбкой и положила одну порцию себе на тарелку. Затем передала блюдо сидевшему рядом с ней Дасти.

Джек и много лет спустя частенько вспоминал эту трапезу. И каждый раз при этом усмехался и с восхищением поглядывал на жену. То действительно был памятный вечер — на ранчо „Три холма“ пришла цивилизация.

Ужин длился недолго, и за столом все молчали — мужчины, даже несмотря на свои новообретенные хорошие манеры, считали еду весьма серьезным делом. К тому же трое из них ужасно устали и проголодались. Элизабет это понимала и не пыталась завести светскую беседу. Изящными движениями она отправляла в рот маленькие кусочки мяса и постоянно подносила к губам салфетку, делая вид, что не замечает недоуменных взглядов.

Отодвинув тарелки, мужчины быстро расправились с кофе — каждый свою кружку

выпил залпом. Первым поднялся из-за стола Дасти. Взяв свою шляпу, он откашлялся и проговорил:

— Весьма впечатляющий ужин, мэм. Элизабет улыбнулась ему:

— Благодарю вас, Дасти. Но, как вы, наверное, догадываетесь, ужин приготовил Рио, а не я.

Дасти покраснел до корней волос.

— Да, мэм, конечно... Но все равно было очень вкусно. Скунс, встав из-за стола, принялся нахлобучивать свою шляпу. Потом вдруг снял ее и, взглянув на Элизабет, пробормотал:

— Приятно было снова посидеть за столом, мэм. — Кивнув Джеду, повернулся и направился к двери.

Рио, шагнув к Элизабет, проговорил:

— О, *señora*, сегодня вечером... — На губах его появилась едва заметная улыбка, даже не улыбка, а скорее намек на нее. — Сегодня я припомнил все вечера в прекрасной *hacienda* дона и его доброй *señora*. Это было очень-очень много лет назад, — добавил мексиканец. Поклонившись Элизабет, он вышел из хижины и осторожно прикрыл за собой дверь.

Джед по-прежнему сидел за столом. Сидел, осматривая свое преобразившееся жилище и время от времени поглядывая на жену. Пламя фонаря отбрасывало блики на ее безупречно причесанные волосы и накладывало мягкие тени на изящные складки ее платья. Она сидела в непринужденной позе, точно в гостиной в доме своего отца, и маленькими глоточками пила кофе с цикорием из издавшей виды оловянной кружки — пила с таким видом, будто это был лучший и ароматнейший напиток, налитый в чашку из тончайшего фарфора. На лице ее застыло выражение умиротворения, и один взгляд на нее, сидящую в его доме и так близко от него, вызвал мучительное томление в сердце.

Он не хотел впускать эту женщину в свой мир. Он никогда не хотел этого. Все, что окружало ее, все, что она делала, было здесь неуместно, не нужно... И вызывало какое-то смутное беспокойство...

Однако она сидела за столом напротив него и преспокойно пила кофе. Джед чувствовал, что желание терзает его все сильнее.

Да что же он за человек, если мог одновременно досадовать на женщину и желать ее?

Она смотрела на него своими прекрасными изумрудными глазами — смотрела так, будто для нее было самым обычным делом проводить вечера в его обществе, будто она не желала ничего другого, будто она была здесь всегда.

Ему безумно хотелось прикоснуться к ней и почувствовать тепло ее тела, хотелось убедиться, что она действительно существует и сидит за столом в его хижине, сидит напротив него.

Он пытался представить, как она моет и скребет бревенчатые стены, как подметает полы и двигает ящики и бочки, выполняя ту работу, которую обычно в ее доме, в Алабаме, делали рабы и которую она должна была презирать. Элизабет Коулмен, по всей вероятности, не привыкла даже застегивать свое платье без помощи двух горничных — сегодня она работала здесь, как черная рабыня. Но почему? Ради кого?

Ради нескольких мужчин? Ради тех, кто больше привык к обществу коров, чем к общению с женщинами? На что она надеялась? Попытка преобразить его жилище и превратить эту хижину в настоящий дом не принесет ей ничего, кроме морщин, мозолей на руках, боли в спине от непривычной работы и горечи в глазах. Неужели она не понимает?..

Взглянув на жену, Джед произнес:

— Вам не следовало этого делать.

Элизабет вздрогнула, и в ее глазах появились отчуждение и холод. Поставив на стол кружку, она проговорила:

— Я сделала это не для вас, а для себя. Потому что не хочу жить, как животное. Даже если вынуждена жить с животным...

Элизабет похолодела, едва лишь произнесла эти слова. Она не могла поверить, что способна сказать такое... Но ведь она ужасно устала — весь день трудилась по колено в грязи и выполняла такую работу, к которой совершенно не привыкла. Еще совсем недавно она упала бы в обморок от одной мысли, что ей придется этим заниматься.

Она не рассчитывала на похвалу и не испытывала особой гордости или даже удовлетворения. Просто поняла, что это надо сделать, — и принялась за работу. Но она никак не ожидала, что это вызовет гнев Джеда, — а он разгневан. Когда же он заговорил с ней таким тоном, что-то внутри у нее взорвалось и она не сдержалась...

Но почему он недоволен? Ведь она не сделала ничего дурного... Почему ей приходится выслушивать несправедливые упреки?

Элизабет заметила смятение в глазах Джеда. Но он тотчас же взял себя в руки, и лицо его сделалось непроницаемым. Она уже хотела извиниться за свою вспышку, но тут он вдруг встал из-за стола и направился к двери. У порога обернулся и сказал:

— Завтра мне надо встать с рассветом.

— Нет! — выпалила она. — Нет, сэр, вы не уйдете, не поговорив со мной. Вы не смеете обращаться со мной так, будто я не существую. Мы супруги, и хотя я понимаю, что для вас это не было свободным выбором...

— Совершенно верно, не было, — перебил Джед. Элизабет вспыхнула. Гнев исказил ее черты. Сжав кулаки, она закричала ему в лицо:

— Неужто вы полагаете, что я именно так представляла восторги и блаженство супружеской жизни?! — Элизабет перевела дух, она задыхалась от ярости. — Неужели вы полагаете, что я хотела именно так провести всю свою жизнь?! Ваше ранчо не похоже на дворец у моря, сэр, а вы — на Прекрасного принца!

Джед пристально взглянул на жену.

— Все это ваши выдумки. И вам пора выбросить из головы подобный вздор.

Сейчас уже Джед не скрывал своих чувств — глаза его метали молнии.

— Посмотрите хорошенько вокруг! — продолжал он, повысив голос. — Вы жили в сказочном мире у себя в Алабаме, здесь — настоящая жизнь!

— Я это чувствую!

— У вас есть возможность вернуться обратно!

— Возможно, я так и сделаю!

— Еще не поздно!

Он шагнул к Элизабет и, сжав кулаки, прокричал:

— Черт возьми, завтра же я отвезу вас обратно! Нет, не завтра, сегодня! И вы сможете завтракать в постели и лить слезы на плече у своего папочки до тех пор, пока не сядет солнце и не наступит новый, счастливый день.

Элизабет почувствовала, что вот-вот задохнется... Еще одно оскорбление!

— Это то, чего вы хотите?! — закричала она.

Джед первый отвел взгляд. Он машинально провел ладонью по волосам и проворчал:

— Я сам не знаю, чего хочу. А впрочем... — он обвел взглядом комнату. — Вот этого я наверняка не хочу.

Элизабет обошла стол и подошла к мужу почти вплотную. Сердце ее билось все быстрее... и болезненно сжималось от отчаяния и безнадежности.

— Почему вы все время сердитесь на меня? — спросила она. — Я не сделала ничего предосудительного. Чем я заслужила подобное обращение?! Чего вы хотите от меня?

Джед смотрел на жену, явно озадаченный ее словами. Он впервые встретил такую женщину. Такую откровенную, такую бесхитростную... и бесстрашную — ведь она не побоялась бросить ему вызов.

Но чего же он все-таки хотел? Хотел, чтобы ее здесь не было, чтобы она удалилась в свой безопасный мир, частью которого являлась? Разумеется, он хотел освободиться от чувства вины, от волнения, от беспомощности...

Но он не хотел вызвать ее гнев, не хотел гневаться сам... И не хотел обидеть или уязвить ее. Но как сказать ей об этом?

Джед с трудом подавил вздох и сказал, отводя глаза:

— Я не сержусь на вас, Элизабет. И никогда не сердился. Я зол на самого себя.

Жена смотрела на него недоверчиво. Было очевидно, что она его не понимает. Джед тяжело вздохнул:

— Черт возьми, Элизабет! Неужели вы не понимаете? — Он прошелся по комнате. — Все это моя вина! Все!.. Вам здесь не место. Вы не должны были выходить за меня замуж. Не должны были приезжать сюда. За одну минуту слепой страсти я исковеркал и вашу жизнь, и свою. Но я не хотел...

При этом напоминании о том, что было между ними, Элизабет вспыхнула и, охваченная гневом, закричала:

— Ваша вина?! Но ведь вы были не один! Нас было двое! Джед уставился на нее в изумлении.

— Двое?! Да вы же просто ребенок! А мне следовало вести себя разумнее... — добавил он с горечью в голосе.

— Я не ребенок! — Элизабет вскинула подбородок, в глазах ее снова полыхал огонь. — И не смейте называть меня ребенком! Я не хочу, чтобы вы обращались со мной, как с ребенком! Разве сегодня я не доказала, что способна на все, чего бы вы от меня ни потребовали? Что еще я должна сделать?

Джед молча смотрел на жену. Он должен был сказать ей многое, должен был объяснить ей все — хотя бы попытаться... Но, глядя в ее пылающие глаза, Джед терялся и не знал даже, с чего начать.

— Элизабет... — пробормотал он и тотчас же умолк. Окинув взглядом комнату, вновь заговорил: — Элизабет, вы не изменили мир, в котором живете. Только тем, что вы сделали здесь, невозможно...

— Я должна с чего-то начать, — перебила она.

Джед снова вздохнул. Он понимал, что спорить с женой бессмысленно. Упрямая, полная непоколебимой решимости, она смотрела прямо ему в глаза и казалась сейчас еще более прекрасной, чем прежде. Джед почувствовал, что желание с новой силой охватило его — и в то же время он еще острее ощущал собственную беспомощность. Эта женщина... Она была необыкновенно упрямой и совершенно непредсказуемой.

Он не мог ничего ей объяснить, не мог переубедить, не мог успокоить.

Что он мог поделать с такой женщиной?

Она стоит совсем рядом... Подбородок вздернут, в глазах решимость. Что можно поделать с ее упрямством, с тем, что она живет в мире своих фантазий?

— Черт возьми, Элизабет! Мы не на светском приеме! Вы не можете все переделать и изменить и воображать при этом, что все будет хорошо. Вы живете с шорами на глазах и ожидаете, что вокруг вас будут... розовые оборки и кружева и золотые закаты только потому, что вы так захотели! Ради всего святого, проснитесь!

Джед был в отчаянии и лишь поэтому снова повысил голос. Он кричал, потому что чувствовал свое бессилие, кричал, хотя вовсе не хотел кричать. Но что же с ним происходит?

Он схватил жену за плечи. Ему хотелось встряхнуть ее, вырвать из мира грез, хотелось заставить ее увидеть правду...

Но она смотрела на него широко раскрытыми глазами и, видимо, готовилась дать ему достойный ответ...

И Джед почувствовал, что не может встряхнуть ее. Вместо этого он привлек жену к себе... и поцеловал.

В следующее мгновение он понял причину своего гнева, понял, где источник его беспомощности и раздражительности, его бессилия и беспокойства. Сейчас, крепко прижимая к себе Элизабет, Джед вдруг осознал: оказывается, ему мало держать ее в объятиях, целовать ее и делить с ней ложе; он хотел обладать ею полностью, хотел заставить ее покориться и смотреть на мир его глазами. Ему казалось, что таким образом он сумеет оградить жену от всех возможных опасностей.

Сообразив, что с ним происходит, Джед испугался; собственные чувства и желания казались ему дикими, первобытными, — а ведь Элизабет привыкла к другому обществу, к другому обхождению.

Почувствовав, что готов опрокинуть ее и взять прямо на полу, как животное, — а ведь именно так она его назвала, — Джед резко отстранился от нее и отступил, тяжело дыша. Сейчас он особенно остро ощущал свое бессилие, свою беспомощность, и это приводило его в отчаяние. Непроизвольно сжимая и разжимая кулаки, Джед молча смотрел на жену. Наконец в смущении пробормотал:

— Теперь сами видите... Вы можете вычистить весь дом, можете заставить ковбоев есть за столом и из тарелок, а не из общего горшка, можете нарядиться и делать вид, что находитесь в большом и красивом доме своего папочки, но вы не сможете изменить меня, как не сможете изменить эти холмы и животных, там обитающих. Не сможете, Элизабет... — Джед умолк, переводя дух. Потом вновь заговорил: — Вот какого мужа вы получили и вот какой дом... Но вы же хотели совсем не этого и ожидали совсем другого. Да, вы мечтали о другой жизни, но так уж случилось... Мне очень жаль, Элизабет, но вы должны понять, что такая жизнь — не для вас.

Но Элизабет не собиралась сдаваться.

В том, как она подняла подбородок, была отвага, и, несмотря на то что ее голос слегка дрожал, когда она заговорила, несмотря на боль и обиду в ее глазах, она не собиралась сдаваться.

— Мы навсегда останемся мужем и женой, — заявила она решительно. — Я могу только постараться сделать все возможное, чтобы улучшить нашу жизнь, и очень жаль, что пока мне это не удастся. Но все же я делаю больше, чем вы. По крайней мере я пытаюсь стать хорошей женой.

Джед не хотел с ней расставаться, не хотел, чтобы она покидала его дом, но он понимал, что не сможет изменить эту женщину, не сможет ничего ей объяснить. Действительно, как заставить ее подчиниться требованиям суровой техасской жизни? Какие слова надо сказать ей, чтобы она поняла его? Он чувствовал, что после нынешней ссоры едва ли сумеет найти такие слова.

А эта ссора... Она еще больше отдалила их друг от друга.

Джед снова прошелся по комнате. Затем посмотрел на жену и увидел в ее глазах слезы. Конечно же, он оскорбил ее. И теперь должен был как-то загладить свою вину, сделать так, чтобы она забыла о ссоре. Ему не хотелось оставлять ее сейчас в таком состоянии, но все же он направился к двери и...

Элизабет смотрела ему вслед и чувствовала, что вот-вот расплчется. Она совершенно ничего не понимала — не понимала, что произошло между ними. Ей хотелось окликнуть его, но она не знала, что сказать ему. Знала только одно: она не хочет, чтобы он уходил.

Джед уже потянулся к ручке двери, но вдруг замер на несколько мгновений. Потом медленно обернулся, и их взгляды встретились.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

„Может, еще можно что-то изменить? — думал Джед. — По крайней мере можно попытаться...“

Собравшись с духом, он проговорил:

— Сегодня я хочу спать здесь, Элизабет.

Муж подошел к ней, и Элизабет увидела в его глазах непреклонную решимость. У нее перехватило дыхание; сердце ее тревожно забилося...

Перед ней стоял Джед, но такого Джеда она еще не видела.

Положив руки ей на плечи, он вполголоса проговорил:

— Быть женой, Элизабет, — это нечто большее, чем содержать дом мужа в порядке.

Она бесстрашно встретила его взгляд, но Джед почувствовал, как участилось ее дыхание, и увидел в ее глазах замешательство.

— Я знаю свои обязанности, сэр, — ответила она ровным голосом.

„Значит, он требует от меня исполнения супружеских обязанностей? — думала Элизабет. — Тогда почему же он...“

Джед пристально смотрел жене в глаза и чувствовал, что она по-прежнему остается для него загадкой. И в то же время она была такой реальной, такой близкой... Все это озадачивало его, обескураживало. Наверное, такой леди, как она, неприятна низменная сторона любви и брака, и с его стороны просто чудовищно принуждать ее. Но Элизабет — его жена, и с этим ничего не поделаешь.

Но он не хотел, чтобы она смотрела на него с такой жертвенной покорностью и принимала его внимание как неизбежную неприятность. Он опустил глаза, и Элизабет, увидев тени от ресниц на его щеках, вдруг испытала прежде неведомое ей волнение и почувствовала, что кровь быстрее заструилась у нее по жилам. Сейчас в нем было что-то... очень милое. Глядя на него, она вспомнила их первую встречу — тогда Джед показался ей неотразимо прекрасным.

Тут он снова посмотрел на нее, и она заметила печаль в его глазах — муж смотрел на нее так, будто просил у нее прощения.

— Элизабет... — произнес он внезапно охрипшим голосом и тотчас же умолк; казалось, ему трудно говорить. — Элизабет, я не джентльмен. Я знаю, что такая женщина, как вы, вправе ожидать, что все это будет выглядеть необыкновенно романтично. Но я не знаю тех слов, которые вы хотели бы от меня услышать. И не обладаю хорошими манерами. Я груб и прямолинеен. Иногда могу оскорбить ваши чувства, а потом, самое большее, сумею лишь сказать, что весьма сожалею. Вы хотели бы видеть меня прекрасным принцем, и я знаю, что вы разочарованы. Возможно, именно это меня и раздражает. И я злюсь на себя и на вас, потому что не знаю, как быть с этим.

Элизабет чувствовала, как страх ее исчезает и на смену ему приходит нежность и даже удивление. Теперь она понимала, что муж вовсе не хотел ее обидеть. И понимала, как трудно ему сейчас говорить. К тому же она не сомневалась: самые счастливые мгновения в ее жизни так или иначе были связаны с Джедом. Она ощущала себя счастливой, когда он разговаривал с ней легко и непринужденно, как с равной, когда рассказывал о себе и поверял ей важные для него мысли — мысли, которыми (Элизабет знала это) он ни с кем, кроме нее, не делился.

Она не знала, как реагировать на его покаянную речь. Поэтому с робкой улыбкой проговорила:

— Знаете, вы не всегда меня разочаровываете. Только в тех случаях, когда ведете себя, как животное.

Заметив на губах мужа улыбку, Элизабет почувствовала огромное облегчение.

— К сожалению, это случается довольно часто. — пробормотал он, потупившись.

— Не могу с вами не согласиться, — сказала она, по-прежнему улыбаясь.

Глядя в лицо мужа, Элизабет думала о том, что полюбила это лицо с первого взгляда...

Она любовалась его мягкими золотистыми волосами, выющимися на затылке и падавшими на лоб, когда он склонялся над ней, любовалась длинными густыми ресницами и губами... Нижняя была немного полнее верхней, и это придавало мягкость его суровым чертам и напоминало о том, какими нежными могли быть эти губы. Кожа его была чуть грубоватой, особенно на подбородке, заросшем щетиной. Но в целом его загоревшее под техасским солнцем лицо казалось довольно гладким... и необыкновенно привлекательным.

Прикасалась ли она когда-нибудь к его лицу? Элизабет не могла этого вспомнить.

— Вы очень красивый, — сказала она неожиданно, сама не понимая, почему произнесла эти слова; вероятно, они, как и многие другие правдивые слова, не могли оставаться несказанными.

Джес в изумлении уставился на жену. Ему казалось, он ослышался.

— Я... какой?

Элизабет едва не рассмеялась — очень уж смешным был Джес в эти мгновения. Но теперь она уже не нервничала и не испытывала неловкости при общении с ним.

— Вы очень красивый, — повторила Элизабет. — Неужели вам раньше не говорили об этом? — Пристально глядя ему в глаза, она продолжала: — Вы, наверное, слышали это от знакомых женщин.

Джес покраснел. Ему никогда не приходило в голову, что он весьма привлекательный мужчина. В Галвестоне он не раз замечал кокетливый или вопросительный взгляд какой-нибудь девицы, однако не придавал этому значения. Во всяком случае, он не думал, что такая леди, как Элизабет, может интересоваться внешностью????ны.

„Значит, она считает меня красивым?“ — думал Джес. Как ни странно, ему было приятно это слышать.

Пожав плечами, он ответил:

— У меня нет друзей среди дам.

— У вас есть я. — Она еще несколько мгновений колебалась. Наконец медленно подняла руку и легонько провела ладонью по его щеке.

Джес смотрел в ее изумрудные глаза и чувствовал, что кровь все быстрее бежит у него по жилам — от прикосновения нежной руки Элизабет пламя желания вспыхнуло с новой силой.

Что за чудо эта женщина — женщина, постоянно изумлявшая его, постоянно ставившая в тупик! И как он жаждал ее! Она вызывала его гнев, озадачивала, повергала в отчаяние — и заставляла желать ее. Одним лишь своим нежным прикосновением она зажгла в нем страсть и заставила его отказаться от прежних представлений о себе, о ней и о них обоих. А ее чудесные глаза... они словно завораживали его, и он видел в них свои отражения — двойников.

Тут ладонь ее — легкая, словно перышко, — опустилась ему на плечо, и он, склонившись к ней, прикоснулся губами к ее губам — прикоснулся лишь на мгновение, потому что хотел быть нежным с ней. Затем рука его обвила ее талию, и он привлек ее к себе.

Теперь Джес с жадностью целовал жену, целовал долго и страстно, и она не

противилась, напротив, прижималась к нему всем телом, отвечая на его поцелуи. Его бросило в жар; сердце бешено колотилось... Элизабет... Она — само волшебство, она — тайна. Она обладала полной, абсолютной властью над ним.

В какой-то момент он почувствовал, как кончики ее пальцев осторожно касаются его шеи, и от этих прикосновений во всем теле возникала слабость, а к бедрам мощным потоком прилиwała кровь — ощущение сладостное и мучительное. Ее груди прижимались к его груди, и Джек чувствовал, что с каждой секундой ему все труднее себя сдерживать.

Он желал ее много дней, желал постоянно. И остался в комнате потому, что намеревался овладеть ею. Лишь сейчас он осознал, насколько сильным было это желание и какую власть оно имело над ним.

Чуть отстранившись, Джек положил ладони ей на груди и, ощутив мягкие и нежные округлости, с трудом перевел дух — ему казалось, он вот-вот задохнется. Снова поцеловав ее, он коснулся ее волос, из них посыпались шпильки, и тотчас же блестящие локоны упали на его руки. Наклонившись, Джек зарылся лицом в эти локоны, чтобы насладиться их ароматом. Он держал Элизабет в объятиях и вдыхал пьянящее благоухание, теряя разум от этих острых и захватывающих ощущений. Это был запах роз. Даже здесь, на тexasском ранчо, она ухитрялась благоухать, как роза.

Охваченная лихорадочным волнением, Элизабет все крепче прижималась к мужу. Она забыла, совсем забыла, какое действие оказывают на нее его поцелуи. словно ребенок, ни в чем не знающий меры, она жаждала его поцелуев, она желала вновь и вновь испытывать головокружительную и сладостную слабость, охватившую все ее тело.

Она желала наслаждения, которое ей приносили объятия Джека, желала бесконечно долго испытывать эти необыкновенные ощущения. В его объятиях она лишалась способности думать, волноваться, беспокоиться. В ней не оставалось ни гнева, ни страха, ни стыда. Был только Джек, и она хотела, чтобы он целовал ее снова и снова. Повинуясь инстинкту, она по-прежнему прижималась к нему и этим все больше его распяляла. Поцелуи его становились все более страстными, и от них по телу ее словно пробегали электрические разряды.

Потом он вдруг чуть отстранился и пристально посмотрел ей в глаза. Дыхание его сделалось прерывистым, лицо покраснелось, лоб покрылся испариной, а его глаза... Прежде она не замечала, какие огромные у него зрачки. И сейчас Джек смотрел на нее так, что, казалось, обжигал своим взглядом.

— Элизабет, идем в постель, — проговорил он охрипшим голосом.

На щеках Элизабет вспыхнул румянец, в глазах промелькнула тревога, и Джек подумал, что должен сделать так, чтобы причинить ей как можно меньше неприятных ощущений. Напор его плоти становился все сильнее, и это было слишком очевидно. А ее непонимание вновь напомнило ему о том, что она совершенно не знакома с этой стороной жизни. Элизабет смотрела на него так, будто не знала, что делать дальше, и Джек проклинал себя за то, что не мог рассказать ей обо всем, не испытывая смущения.

Если бы она находилась сейчас дома, в Алабаме, то могла бы с достоинством удалиться в свою гардеробную и вернуться закутанной в шелка. А потом забралась бы в огромную постель, подпираемую четырьмя столбами, и ждала бы, когда он, ее муж, наденет ночную рубашку и халат и выйдет из своей гардеробной. Все было бы очень просто и благопристойно, так, как бывает в жизни людей, пользующихся благами цивилизации.

Но в это время и в таком месте не было возможности избежать неловкости при

переходе на узкую и неудобную кровать, которую им приходилось теперь делить. Не было возможности смягчить для нее эту неловкость.

Однако что он мог поделаться? Не станет же он овладевать ею прямо на полу, в порыве безудержной страсти, как это случилось в рыбацкой хижине на берегу океана. Теперь Элизабет его жена, и ему следовало помнить, что она заслуживает достойного обращения. По крайней мере следовало позаботиться о том, чтобы это происходило на супружеской кровати, пусть даже грубо сколоченной. И он будет с ней терпелив и нежен.

Джед с трудом отвел от жены взгляд и проговорил:

— Я уменьшу огонь в лампах.

Элизабет кивнула, и щеки ее снова вспыхнули. Она отвернулась и принялась отстегивать манжеты.

Шагнув к фонарю, Джед прикрутил фитиль — остался только очень слабый огонек, — и вся комната погрузилась в черно-желтый полумрак.

Теперь Джед стоял спиной к жене, так же, как и она к нему. Но возбуждение, казалось, душило его, и он никак не мог перевести дух; сердце же билось глухими тяжелыми толчками. Без труда улавливавший любые звуки леса, Джед и теперь слышал абсолютно все шорохи — услышал тихий шелест платья Элизабет, потом — шуршание нижних юбок, затем — снова шуршание, должно быть, белья.

Усевшись на стул, он принялся разуваться. Пальцы не повиновались ему, и Джеду, чтобы стащить сапоги, потребовалось вдвое больше времени, чем обычно. Когда же сапоги с глухим стуком упали на пол, он вздохнул с облегчением. И даже стук сапог, слышанный им множество раз, показался возбуждающим. Поднявшись со стула, чтобы расстегнуть бриджи, он услышал скрип китового уса — она сняла корсет. Затем послышался тихий шорох — Элизабет снимала сорочку. И снова шорох — надевала ночную рубашку. Потом Джед услышал легкие шаги и тотчас же — едва уловимый ухом шелест; вслед за сорочкой упали на пол панталончики. Наконец она сняла чулки, и босые ножки, легко ступая по полу, направились к кровати. Раздался скрип коровьей шкуры — и воцарилась тишина; Джед слышал лишь отчаянный стук своего сердца.

Спустив бриджи, Джед переступил через них, и теперь на нем оставалась только рубашка, под складками которой вырисовывались очертания его восставшей плоти. Наконец он повернулся и шагнул к кровати.

Элизабет сидела на краю постели; она старалась не смотреть на мужа. Белая ночная рубашка, стянутая у горла тонким шнурком, была довольно просторной, но все же Джед сумел разглядеть очертания ее бедер. А затем, опустив глаза, увидел изящные пальчики, выглядывавшие из-под рубашки. Он попытался представить, какое наслаждение будет испытывать, прикасаясь к ножкам Элизабет, к ее бедрам, груди... При мысли об этом его обдало жаром, а мускулы на животе свело судорогой.

Она сидела неподвижно, будто окаменела, сидела, плотно сдвинув колени. Однако плечи ее были расправлены, голова высоко поднята, спина — прямая. Тут она на мгновение опустила глаза, увидела голые ноги мужа, и щеки ее снова вспыхнули.

Джед уселся с ней рядом, но не решался прикоснуться к ней, не решался даже заговорить.

— Элизабет... — Голос его прозвучал сдавленно, и он с усилием сглотнул комок, подкативший к горлу.

Повернув голову, она посмотрела на него своими огромными изумрудными глазами. „О

чем она сейчас думает?“ — промелькнуло у Джеда. Чтобы узнать это, он готов был отдать добрую половину жизни.

Наконец, собравшись с духом, он поднял руку и прикоснулся к ее плечу. Ее распущенные волосы рассыпались по спине и по плечам роскошным каскадом, и Джек почувствовал, какие они мягкие и шелковистые. Нет, эти волосы были нежнее и мягче шелка.

Джек отвел глаза. Сейчас ему хотелось лишь одного — хотелось изгнать замешательство и страх из ее глаз. А впрочем, страх ли это?

Взгляд его упал на матрас, и он сказал первое, что пришло в голову:

— А, матрас... Замечательно, я давно собирался это сделать, да все не находил времени.

Элизабет попыталась улыбнуться.

— Наверное, вам было неудобно спать без матраса.

— Чаше всего я сплю во дворе. — Джек усмехнулся. — Прямо на земле.

Он заметил, что Элизабет старается дышать ровно — прилагает отчаянные усилия. Но как успокоить ее? Что нужно для этого сделать? Джек боялся, что каким-нибудь образом может снова обидеть жену — ведь такое уже не раз случалось.

Наконец, перебрав все возможные варианты, Джек пришел к выводу: единственное, что он может сделать, — это поцеловать жену. Легонько, осторожно, стараясь не разжечь снова свою страсть, стараясь быть не слишком настойчивым.

Ее губы были теплыми и нежными, но тело будто застыло, и Джек тотчас же прервал поцелуй. Приподняв ее личико ладонью, он внимательно посмотрел ей в глаза — смотрел, пытаясь прочесть ее мысли, желая понять, о чем она думает и что чувствует. А ведь прежде у него никогда не появлялось подобного желания... Никогда мысли женщины не имели для него особого значения.

— Элизабет, — проговорил он наконец, — я не стану ни к чему принуждать вас. Если вы меня попросите оставить вас, я так и поступлю.

Джек не ожидал от себя таких слов, не мог поверить, что произнес их, но, как ни странно, он был искренен. Ради Элизабет он мог бы покинуть комнату. Потому что не хотел, чтобы она возненавидела его.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых застыл страх. Наконец прошептала:

— Я не понимаю, чего вы хотите от меня.

Ну как ей понять? Она ведь почти ничего не знала об этой стороне жизни, об отношениях между мужчиной и женщиной. Знала лишь то, чему он научил ее за несколько минут животной страсти в заброшенной хижине на берегу океана. Что же ей сказать? Как объяснить? Джек отчаянно пытался придумать что-нибудь, но в конце концов понял, что ему нечего сказать. К тому же он почти ничего не помнил о той ночи... Ничего не помнил о ночи, изменившей его жизнь. В памяти осталось лишь одно — сознание своей вины.

Должно быть, он причинил ей боль. Он ведь тогда не думал о том, что она девственница, — думал лишь о том, как овладеть ею, — хотя прекрасно знал, что для девушки это может быть весьма болезненно. Впрочем, до этого он не имел опыта общения с невинными, неопытными девушками, и ночь в заброшенной хижине была первым подобным случаем. Но как же обращаться с Элизабет теперь? Разумеется, это не должно быть торопливое и бурное соитие в темноте — ради того только, чтобы получить удовлетворение и избавиться от напряжения. Но иного в его жизни не бывало. Джек не представлял, что

однажды ему придется обучать женщину науке любви. И не думал, что ему самому захочется когда-нибудь учиться этому.

Он вздохнул и попытался расслабиться. Легонько провел ладонью по щеке Элизабет.

— Видишь ли, — проговорил он, — большинство женщин полагает, что мужчины все знают об... этом. О любви и постели. Думаю, они считают, что мы должны это знать. Но мы не знаем. По большей части мы делаем то, что нам хочется делать. Но я думаю, что в этом должно быть нечто большее.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Джед умолк на несколько секунд. Ему было ужасно трудно говорить с Элизабет о подобных вещах. Он обвел взглядом комнату и продолжал:

— Возможно, я даже не знаю, как следует это делать. Я хочу сказать... в браке. Ведь для людей, состоящих в браке, это, наверное, много значит.

Элизабет смотрела на него не мигая. Ему показалось, что она слушает с интересом. И теперь она уже не казалась такой скованной... Было очевидно, что она успокоилась.

— А в других случаях? Когда люди не в браке... это не так? Джед был озадачен. Ну как говорить с ней о подобных вещах? Но она действительно успокоилась. В глазах ее уже не было страха.

— Видишь ли... мужчина всегда находит в этом удовольствие, — пробормотал он наконец.

— Но не женщина? Джед пожал плечами:

— Не знаю.

Элизабет по-прежнему смотрела ему в лицо — оно уже не казалось непроницаемым. Она даже подумала о том, что научилась распознавать чувства и настроения Джеда.

Элизабет опустила глаза и, увидев голые ноги мужа, покрытые золотистым пушком, поспешно отвела от них взгляд. Никогда прежде она не видела мужских ног. И ей почему-то казалось, что даже интересоваться ими — неприлично.

Снова взглянув на мужа, она спросила:

— То, что мы делали прежде... было греховным, да? Джед заметил, что Элизабет покраснела. Положив руку ей на плечо, он ответил:

— Да. Но ведь теперь мы муж и жена.

Элизабет не могла понять, почему в первый раз это было грехом, а во второй — нет. Немного помолчав, она тихо сказала:

— Я хочу быть хорошей женой.

Джед мысленно улыбнулся. Ласково взглянув на нее, произнес:

— Знаю, что вы стараетесь.

Она вдруг почувствовала на щеке теплое дыхание Джеда. Он знал, что хочет быть хорошим мужем, но до этой минуты не сознавал, до какой степени хотел этого. Тут его пальцы скользнули под ворот ее ночной рубашки, и он внезапно охрипшим голосом проговорил:

— У меня никогда не было возможности побыть с женщиной наедине и никуда не спешить. Я не привык к этому и, вероятно, не знаю, что и как должен говорить и делать, но хочу попытаться, Элизабет... Я не хочу, чтобы вы возненавидели эту сторону брака. Мужчина нуждается в женщине, к которой он мог бы прийти, и ему неприятно думать, что она этого не желает.

Он провел пальцем по ее шее под ночной рубашкой — казалось бы, вполне невинная

ласка, — и Элизабет тотчас же почувствовала, что все тело ее словно вспыхнуло.

Она гадала, снимет ли муж с нее ночную рубашку или пожелает, чтобы жена сама это сделала. И снимет ли он свою рубашку?

Она подняла на него глаза, и ей вдруг показалось, что это мгновение — самое тяжелое в ее жизни. В тусклом свете фонаря были заметны светлые волоски в вырезе его рубашки, и, глядя на них, она думала: „Интересно, покрыто ли такими волосами все его тело?“ И от этой мысли горло ее вдруг так сдавило от волнения, что она не смогла бы вымолвить ни слова, даже если бы от этого зависело спасение ее жизни.

Джед вдруг отстранился и запустил пальцы в ее волосы. Потом снова к ней приблизился, и теперь лицо Джеда было так близко, что она чувствовала его горячее дыхание. В следующее мгновение его губы прикоснулись к ее губам, и Элизабет почувствовала, что ее словно огнем опалило. И тотчас же сердце гулко застучало, дыхание сделалось прерывистым, и вес сильнее кружилась голова...

Потом он взял ее за плечи, осторожно уложил на постель и склонился над ней, пристально глядя ей в лицо. Колено Джеда касалось ее бедра, и ей передавался жар его тела.

По-прежнему глядя ей в лицо, он тихо проговорил:

— У вас такая нежная кожа...

Он принялся развязывать пояс ее ночной рубашки, завязанный бантом. Развязав пояс и спустив рубашку ниже плеч, Джед обнажил ее груди. Элизабет, делая над собой отчаянные усилия, заставляла себя лежать тихо и не противиться. И тут Джед заглянул ей в глаза — и у нее перехватило дыхание... Взгляд каким-то непонятным образом встревожил и возбудил ее. Затем его горячие ладони легли ей на груди, и она судорожно выдохнула, но тут же снова затихла.

— Как они прекрасны, — прошептал он. — Как прекрасна ваша женственность... Какое наслаждение прикасаться к вам.

Джед принялся поглаживать и ласкать ее груди, Элизабет казалось, что от прикосновений его огрубевших от тяжелой работы ладоней по всему ее телу разливается жар. Тут он прикоснулся кончиком языка к одному из сосков, и Элизабет почувствовала, что сосок отвердел и поднялся, а тело... словно вспыхнуло, и ей пришлось крепко сжать зубы, чтобы не закричать. Голова ее кружилась, все тело пылало, и это было сладостное и мучительное ощущение.

Он принялся покрывать поцелуями ее плечи и груди, и поцелуи эти становились все более страстными, а прикосновения его рук... они казались восхитительными и вызвали восторг и головокружение. Жар пронизывал все тело Элизабет, и на нее волнами накатывали самые невероятные ощущения, прежде ей неведомые.

В какой-то момент Элизабет вдруг почувствовала, что Джед еще ниже спускает ее ночную рубашку, спускает к самым ногам... А в следующее мгновение по телу ее пробежала дрожь — она поняла, что он уже избавился от своей рубахи и теперь прижимается к ней обнаженный. Его грудь, горячая и мускулистая, прижималась к ее грудям, и это ощущение было столь острым и непривычным, столь непохожим на что-либо, известное ей прежде... Элизабет думала, что постигла всю науку страсти той ночью на берегу, но оказалось, что она не знала о ней ничего, совсем ничего. И теперь, почувствовав жар обнаженного мужского тела, Элизабет забыла обо всем на свете, она жила лишь ощущениями — чудесными, захватывающими, восхитительными...

Тут рука Джеда скользнула к ее бедру, затем пальцы его прикоснулись к ее лону, и

Элизабет тотчас же ощутила нестерпимый жар между ног. И это ощущение не проходило — оно казалось невероятно сладостным, пугающим... А Джек по-прежнему целовал ее, и она чувствовала его горячее дыхание, ощущала тяжесть его мускулистого тела... Не сознавая, что делает, Элизабет положила руки на плечи Джека. Затем провела ладонями по его спине — и замерла на мгновение, ошеломленная неведомыми ей прежде ощущениями. Поглаживать мускулистое тело Джека, крепко прижиматься к нему — это было так упоительно...

Отвечая на поцелуи Джека, Элизабет все крепче к нему прижималась и все острее ощущала томление внизу живота, томление, походившее на боль. Дыхание со свистом вырывалось из ее полураскрытых губ, и все тело, казалось, уносилось куда-то в безумном танце... Губы Элизабет припухли и болели, но она все никак не могла насытиться поцелуями Джека, не могла насытиться его близостью, его дыханием.

Внезапно она почувствовала, что Джек чуть приподнялся. По-прежнему осыпая ее лицо поцелуями, он провел ладонью по ее груди, по животу, по бедрам... Элизабет тихонько вскрикнула и, охваченная паникой, оглушаемая бешеным биением своего сердца, попыталась высвободиться — ей казалось, что она вот-вот задохнется, казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди.

Но Джек осторожно придавил ее к матрасу и, склонившись к ее уху, прошептал: — Не бойся, Элизабет. Я постараюсь не причинить боли. Скажи мне, если тебе станет неприятно.

В следующее мгновение он развел в стороны ее ноги, и Элизабет почувствовала, как отвердевшая мужская плоть упирается в ее лоно. Она закрыла глаза и, пытаясь успокоиться, приготовилась к боли — неизбежной, как ей казалось. И тут же руки Джека скользнули под ее спину, и она инстинктивно обняла его, прижимаясь к нему всем телом. Он снова поцеловал ее, стараясь успокоить, — и Элизабет вдруг почувствовала напор его плоти, вошедшей в нее, заполнившей ее... Но боли не было. Было лишь странное ощущение: ей казалось, что твердая и горячая плоть Джека всегда в ней находилась.

Тут он приподнялся и, заглянув ей в лицо, прошептал: — Элизабет... О, Элизабет... — И ей показалось, что Джек так же опьянен, как и она, и чувствует то же, что и она.

Он медленно приподнимался над ней и снова опускался, и его движения вызывали в ней такие ощущения, о существовании которых Элизабет даже не подозревала. Она инстинктивно начала двигаться в такт его движениям, повторяя их, и казалось, что так и должно быть, что иначе быть не может. Казалось, что в эти мгновения существуют только они с Джеком и чудо их слияния.

Элизабет слышала прерывистое дыхание Джека, ощущала его ускоряющиеся движения и, задыхаясь, раз за разом устремлялась ему навстречу. Она пыталась овладеть своими чувствами, но ничего не могла поделать и с каждым его мощным толчком все больше теряла контроль над собой. Наконец, в последний раз резко приподнявшись, она вскрикнула и, прижавшись к Джеку всем телом, ощутила необыкновенный прилив радости, будто внезапно оторвалась от земли и оказалась в ином мире, где не существовало ничего, кроме нее и Джека, и где они должны были соединиться навеки. Они вместе достигли вершин блаженства, и казалось, что Господь в своей бесконечной мудрости разделил их на время лишь затем, чтобы однажды они смогли найти друг друга и соединиться. И соединились не только их тела, но и их души, так что теперь разделить их было бы невозможно.

Вконец обессилив, Элизабет свернулась клубочком и положила голову на сгиб руки

Джеда. Сердце ее с каждым ударом наполнялось радостью от только что пережитых ощущений — таких непривычных и возбуждающих. Тихонько вздохнув, она положила руку на мускулистую грудь Джеда — ей хотелось прикоснуться к нему, хотелось поглаживать его и ласкать... И ужасно захотелось приподняться и взглянуть на его обнаженное тело. Но Элизабет усилием воли заставила себя лежать спокойно.

Интересно, будет ли он шокирован, если она скажет ему, какое наслаждение испытала? Ее бессознательный отклик на его ласки, ее движения ему навстречу, ее приглушенные крики — все это было бесстыдством и распушенностью? А может, он ничего этого не заметил?

Должна ли женщина получать наслаждение от близости? Ей хотелось рассказать Джеду о своих ощущениях, рассказать ему обо всем — о каждом пережитом ею мгновении их близости. Однако она не решалась заговорить и по-прежнему молча лежала рядом с мужем, лежала, окутанная тишиной и теплом.

Она любила его. Она полюбила его с того самого момента, когда впервые увидела в Мобиле. А потом полюбила как героя, рискнувшего ради нее собственной жизнью. Теперь же любила как красивого и сильного мужчину, как своего мужа.

Но ведь он ни разу не сказал, что любит ее. А больше всего ей хотелось, чтобы он сказал об этом.

Но, возможно, она хотела слишком многого.

Джед приподнялся и, накрыв жену и себя шерстяным одеялом, снова улегся. Затем осторожно обнял ее, будто защищая от какой-то опасности. Минуту спустя Элизабет услышала его ровное глубокое дыхание.

Она решила, что Джед уснул, и ей подумалось, что странно будет спать вот так — обнаженной в объятиях мужа. Странно, но чудесно.

Элизабет улыбнулась и закрыла глаза. Теперь она чувствовала себя замужней женщиной.

Когда Элизабет проснулась, мужчины, успевшие уже позавтракать, вернулись из леса с первой партией бревен для строительства нового жилья. Джед поднялся, даже не потревожив ее сна. Элизабет услышала голос мужа — мужчины укладывали бревна во дворе. Она оделась и вышла из хижины, но Джед уже снова ушел в лес.

„Возможно, это даже к лучшему“, — решила Элизабет. Она вспомнила о ночи, проведенной с Джедом, и ее бросило в жар. К тому же, проснувшись, она обнаружила, что спала обнаженной... Как же теперь взглянуть в глаза мужу? И как он посмотрит на нее?

Случилось так, что в это утро все мужчины были заняты. Поэтому у Элизабет было достаточно свободного времени, чтобы обо всем поразмыслить и тоже заняться делами. Но почему же она спала так долго? Решив наверстать упущенное, Элизабет поставила на огонь котел и развела в нем мыло для стирки. Затем замесила тесто для пышек и принялась натягивать между деревьями веревку, чтобы потом повесить выстиранное белье. И все это время она чувствовала на себе любопытные взгляды, за каждым ее движением следила не одна пара глаз. Когда Элизабет направилась к ручью за водой, к ней тотчас же подбежал Дасти, предложивший свои услуги. Едва лишь она попыталась поднять тяжеленный горшок с бобами — Рио оставил его на маленьком огне, — как рядом появился Скунс, выполнивший за нее эту работу. Рио же то и дело подбегал к котлу, в котором варился обед; казалось, в этот день он особенно старался.

Развешивая на веревке выстиранное белье, Элизабет почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернувшись, увидела Джеда. Он тотчас же повернулся к своей лошади и вскочил в седло, но Элизабет несколько не сомневалась: муж смотрел на нее. Провожая его взглядом, она чувствовала, что сердце ее бьется все быстрее...

Полуденная трапеза была, как всегда, торопливой и ничем не отличалась от обычной. Мужчины подошли к костру, положили себе по порции бобов, съели их стоя, а потом снова принялись за работу. Элизабет не стала делать им замечания — решила, что и так уже добилась значительных успехов. К тому же она была слишком занята; в этот день ей предстояло еще многое сделать.

Строительство нового дома для друзей Джеда началось с перестука молотков и приглушенной брани, каждый раз сопровождавшейся виноватым взглядом, брошенным в сторону хижины. Мужчины то и дело уходили за новой порцией бревен и каждый раз, проходя мимо веревки, на которой сушились дамские чулки и нижние юбки, краснели и отводили глаза. Элизабет тоже смущалась. Однако она решила, что им всем придется примириться с этим и приспособиться.

Вытащив из хижины стул, Элизабет отыскала местечко в тени и принялась подрубать простыни и салфетки. Когда же подняла голову, увидела Дасти, стоявшего прямо перед ней и неуверенно переминавшегося с ноги на ногу. Дасти держал в руке огромный букет маргариток.

— Я подумал, мэм, может, вам это понравится, — сказал он, протягивая ей букет и стараясь не смотреть на нее. — Чтобы украсить ваш стол, мэм.

Элизабет вскочила на ноги и поднесла маргаритки к лицу.

— О, Дасти, они прелестны! — воскликнула она.

— Моя мать любила, чтобы на столе стояли цветы, — в смущении пробормотал Дасти.

Элизабет улыбнулась:

— Наверное, она была женщиной со вкусом...

— Да, мэм. Она была... именно такой и очень походила на вас.

Элизабет снова улыбнулась. Она прекрасно понимала, что Дасти, сравнивая ее со своей матерью, хотел сделать ей комплимент.

— А где теперь ваша семья? Ваши родственники не волнуются за вас?

— Нет, мэм. — Дасти посмотрел куда-то в сторону, потом вновь заговорил: — Мы переселились на Запад. И как-то раз на нас напали команчи. Но меня дома не было. Я собирал в лесу сухие ветки, а когда вернулся, то увидел, что наш фургон подожжен, а семья оскальпирована. Но я ничего не слышал. Думаю, они не успели даже закричать.

Элизабет вздрогнула. Глядя на Дасти широко раскрытыми глазами, пробормотала:

— Как... как это ужасно. — Она с трудом подбирала слова. — И это было... недавно?

— Около восьми лет назад.

— Но... вы ведь... Вы были тогда почти ребенком! Дасти пожал плечами:

— Здесь быстро становишься взрослым.

Элизабет попыталась представить, как мальчик — ему тогда вряд ли было больше десяти лет — находит обезображенные тела своих родителей и остается один в дикой глуши, Как же он выжил? И что чувствовал? Как такое могло случаться?

Элизабет, конечно, слышала страшные истории об индейцах, но до сих пор они оставались для нее всего лишь „историями“.

Дасти потупившись, пробормотал:

— Пожалуй, мне лучше вернуться к работе.

— Благодарю вас за цветы, Дасти.

Элизабет улыбнулась ему, и парень залился краской.

— Не стоит благодарности, мэм.

Он уже собрался уходить, но Элизабет удержала его:

— Могу ли я спросить... Где вы их нашли? Дасти кивнул в сторону холма:

— Вон там. Примерно на середине склона.

Элизабет помнила эту лужайку — они с Джедом видели ее, когда въезжали на ранчо. Она взглянула на хижину. Там у нее не было никаких особых дел — во всяком случае, ничего срочного. Но она весь день ломала голову над тем, как украсить их убогое жилище, сделать его уютнее и привлекательнее, более похожим на настоящий дом. Теперь Элизабет поняла, что именно требуется, и ничто не могло остановить ее. Она хотела начать немедленно.

— Дасти, мне хотелось бы съездить туда. Немного помедлив, парень спросил:

— Вы хотите, чтобы я сопровождал вас? Элизабет с улыбкой ответила:

— Благодарю, но у вас ведь работа. Я просто подумала... Нет ли здесь где-нибудь седла, которым я могла бы воспользоваться?

— Вполне возможно, что есть, — раздался у нее за спиной чей-то голос.

Элизабет обернулась и увидела Скунса, стоявшего у стены хижины. Глядя на Элизабет, чуть прищурившись, он спросил:

— Что вы собираетесь сделать с этим седлом? Элизабет сверкнула улыбкой.

— Хочу оседлать лошадь. Вы не знаете, где найти подходящую лошадь?

Скунс взглянул в сторону короля.

— Которую?

Элизабет задумалась. У Джеда были прекрасные лошади — все крепкие, выносливые и

ухоженные, — и она не знала, какую выбрать.

— Я думаю, чалого жеребца, — проговорила наконец.

— Возьмите лучше гнедого, — посоветовал Дасти. Скунс сплюнул и проворчал:

— А босс как считает? Он не против, чтобы вы скакали на лошади?

Элизабет рассмеялась:

— Я уверена, что он не стал бы возражать. У меня должна быть собственная лошадь, раз я живу здесь. Разве не так?

Скунс, казалось, о чем-то задумался. Наконец подошел к Дасти и проговорил:

— Принимайся за работу, парень. Ты и так слишком долго отдыхаешь.

Поправив ремень с кобурой и сдвинув на затылок широкополую шляпу, Скунс вразвалочку зашагал к коралю. Не прошло и минуты, как он уже выводил гнедого.

Элизабет вошла в хижину, чтобы надеть перчатки и шляпку. Жаль, что она не догадалась купить в Галвестоне костюм для верховой езды или хотя бы сапоги. Что ж, придется довольствоваться тем, что есть.

Когда она вышла из хижины, Скунс придерживал уже оседланного гнедого. Пытаясь скрыть свой страх, Элизабет спросила:

— Это... и есть ваше седло? Скунс снова сплюнул.

— Оно и есть.

Человек, которому когда-то принадлежало это седло, был похоронен в могиле среди скал где-то к югу от Сьерра-Мадре, но Скунс не думал, что леди надо знать об этом. Он не думал также, что ей следует знать, кто уложил его в могилу.

— Забирайтесь в седло. Я придержу стремя. Элизабет в смущении откашлялась.

— Простите, мне кажется, вы меня не поняли. Мне нужно дамское седло.

Скунс прищурился.

— У нас седла только такие. Чем оно вам не нравится?

— Но видите ли... — Элизабет еще больше смутилась. — Для дам требуется специальное седло, боковое. Потому что леди сидят в седле не так, как мужчины.

Скунс в изумлении уставился на Элизабет. Наконец сплюнул и решительно заявил:

— Это самая величайшая глупость из всех, что мне довелось услышать. Так вы поедете или нет?

Элизабет попыталась улыбнуться:

— Что же, мистер... — Она замялась. — Простите, у вас есть другое имя? Я не могу называть вас Скунсом.

Скунс смотрел на Элизабет, явно озадаченный ее словами. Он уже почти забыл свое настоящее имя.

— Да, есть, — кивнул он наконец. — Хью Джессоп.

— Скажите, мистер Джессоп, — Элизабет снова улыбнулась, — у вас не было сестры или жены?

Скунс отвел глаза.

— У меня когда-то была жена. В Теннесси... Хорошая была девочка. Умерла от холеры.

Элизабет из деликатности немного помолчала, потом спросила:

— А ваша жена ездила верхом? Скунс нахмурился и буркнул:

— Черт бы... — Сообразив, что не следует выражаться в присутствии леди, он в смущении умолк. Затем вновь заговорил: — У нас никогда ничего не было, кроме старого мула. Мы использовали его как тягловую силу.

Элизабет кивнула:

— Ясно. — Взглянув на огромное седло западного образца, украшавшее спину гнедого, добавила: — Ну ладно, не важно. Думаю и это подойдет. Можете найти для меня ящик, чтобы я забралась в седло?

Скунс посмотрел на Элизабет так, словно не был уверен, что правильно понял ее. Потом повернулся и отправился выполнять просьбу. Он держал коня под уздцы, пока она влезала на ящик. Дасти же оставил работу и с любопытством наблюдал за происходящим.

Элизабет поставила в стремя ногу, потом уцепилась за луку обеими руками и с легкостью взлетела в седло.

Скунс, покачив головой, пробормотал:

— Так дело не пойдет, миссис Филдинг. Слезайте-ка лучше, пока не расшиблись насмерть.

Элизабет весело рассмеялась:

— Все будет хорошо, мистер Джессоп. Хотя в следующий раз я была бы вам признательна, если бы вы чуть-чуть укоротили правое стремя. Жеребец может нервничать, если оно будет висеть так, как теперь.

— Как же тогда конь узнает, чего вы хотите от него? — спросил Скунс, укорачивая стремя.

— Я буду управлять с помощью поводьев, — ответила Элизабет. — А вы как управляете лошадьми?

— Есть только один способ, — заявил Скунс. — С помощью моих...

Скунс хотел сказать „ног“, но осекся. Произнести в присутствии Элизабет слово „черт“ он бы мог, но не мог выговорить слово „ноги“.

Элизабет ослепительно улыбнулась и тронула поводья.

— Благодарю вас за помощь, мистер Джессоп. А также за седло. Я хочу подняться вверх по холму до плакучей ивы. Скоро вернусь.

Она не без изящества повернула коня и поскакала легкой рысцой — юбки ее развевались на ветру.

Дасти подошел к Скунсу, снял шляпу и утер пот со лба.

— В этом есть смысл, — пробормотал он, снова надевая шляпу.

Скунс подозрительно покосился на него.

— Похоже, ты тоже об этом думаешь, — продолжал Дасти. — Хотел бы ты жениться на женщине, которая сидела бы в седле по-другому?

Скунс почесал в затылке. Затем молча покачал головой и, надев шляпу, взялся за работу.

Джед бросил последнее бревно на повозку и взобрался на лошадь. Если бы у него был выбор, он занялся бы привычной работой — объезжал бы лошадей и охотился. Но его с детства приучали делать то, что следовало делать, и Джед любую работу выполнял на совесть. И все же его радовало то, что это бревно последнее.

Этим утром Джед ухитрился выскользнуть из постели, не разбудив Элизабет. Тихонько одевшись в темноте, он вышел из хижины, когда она еще спала. Во дворе его уже ждали мужчины. Джед не сомневался: они догадывались, что произошло в хижине этой ночью. Он старался делать вид, что не замечает их выразительных взглядов, но их усмешки чертовски его смущали.

Друзья спали так близко от хижины, что не могли не слышать, что происходило за дверью. Отчасти поэтому Джед так и торопился с постройкой нового жилья для мужчин.

Элизабет не пережила бы, если бы догадалась, насколько иллюзорным было их уединение.

Даже при ярком свете дня, даже во время тяжелой работы Джед не мог не думать о жене. Иногда ему казалось, что он чувствует ее присутствие, ощущает ее аромат... Он несколько раз возвращался домой только для того, чтобы увидеть ее, и тотчас же удалялся, прежде чем она успевала его заметить. Он не знал, что прочтет в ее глазах, когда она посмотрит на него в конце дня.

Как только будет готово жилище для его друзей, он сделает у себя в хижине перегородку, отделяющую постель от остальной части комнаты, так что у жены появится место, где она сможет спокойно одеваться и делать все, что положено делать женщине. Потом надо будет устроить где-нибудь туалет. Когда на ранчо жили четверо мужчин, в нем не было необходимости. Но теперь, когда среди них появилась женщина, многое следовало изменить.

И впервые Джед подумал о том, что все складывается не так уж плохо.

Прежде он никогда не спал в одной постели с женщиной. Он никогда прежде не раздевался донага в присутствии женщины и никогда не прижимался к женщине обнаженным телом. И никогда ни с кем не испытывал того, что испытал прошедшей ночью с Элизабет.

Однако он опасался, что был с ней слишком груб. Ведь она такая нежная и хрупкая, и ей так легко причинить боль... И все же Элизабет не плакала, как другие утонченные леди, — о слезах ему доводилось слышать. И не кричала, как, впрочем, и в первый раз.

Но в следующий раз он будет с ней нежнее — во всяком случае, попытается.

Мысль о „следующем разе“ так взволновала Джеда, что на лбу его выступила испарина. Лошади передалось волнение всадника, и Джеду пришлось ее успокоить.

Но как могло случиться, что эта женщина полностью завладела его мыслями? Что произошло с ним прошедшей ночью? Ведь подобного прежде не случалось...

Прежде бывало нечто... необходимое мужчине. А потом он забывал об этой женщине. Но с Элизабет не наступало пресыщения. И он постоянно думал о ней, не забывал о ней ни на минуту.

Джед въехал во двор и осмотрелся. Однако не увидел Элизабет.

Но где же она? Должно быть, в хижине. Краем глаза он заметил ее нижние юбки, сушившиеся на веревке, и тотчас же ощутил прилив крови к лицу и шее.

Джед подошел к друзьям и спросил:

— Где Элизабет?

Дасти опустил молоток и ответил:

— Она уехала.

— Это ни на что не похоже. Впервые видел такое, — пробормотал Скунс, забивая гвоздь.

Джед нахмурился:

— Куда уехала?

Дасти мотнул головой, указывая на восток:

— Туда, где плакучие ивы. Она сказала, что пробудет там недолго.

Джед выругался и резко повернулся в седле. В следующее мгновение он уже мчался к холму.

Воздух Техаса казался удивительно бодрящим. Июньское солнце заливало землю своим благодатным светом, в воздухе не чувствовалось влажности, к которой Элизабет привыкла в Алабаме. И не слышно было лая собак, не громыхали колеса. Лишь тихонько шелестели травы на лугу.

У подножия холма протекал ручей, прозрачная вода которого была пронизана солнцем до самого дна. Элизабет привязала коня к одной из ив, росших у берега ручья. Луг, заросший маргаритками, оказался именно таким, каким его запомнила Элизабет, — это были ослепительно желтые цветы с черными сердечками.

Положив шляпку и перчатки на траву возле дерева, Элизабет нашла палочку с заостренным концом и принялась копать ею землю. Оторвав несколько полос влажного мха, чтобы обернуть им корни цветов, она направилась к маргариткам.

Увлеченная своим занятием, Элизабет не услышала топота копыт и увидела всадника лишь после того, как сильная мужская рука схватила ее за плечо. Но, очевидно, чудесный солнечный день подействовал на нее столь умиротворяюще, что она даже не заметила, насколько муж разгневан.

— Джед! — воскликнула она. — Я только...

— Черт возьми, что вы здесь делаете?! — проревел он. Она отпрянула и с невозмутимым видом ответила:

— Я собираю цветы. Джед спешил.

— Вы в своем уме? Кто вам разрешил уехать? Элизабет пожала плечами:

— Я не знала, что мне требуется на это разрешение.

— Требуется! — рявкнул Джед. — Да что с вами? Разве вы не знаете, что здесь нельзя ездить верхом одной?

— Ради всего святого, Джед! Я же умею ездить верхом!

— Вы ухитрились заблудиться всего в миле от дороги на Мобил. А этих мест совершенно не знаете и...

— Я знала, куда еду. Я даже отсюда вижу хижину!

— Вы представления не имеете о том, что может с вами случиться...

Элизабет досадливо поморщилась и отвернулась, взмахнув широкими юбками.

— Если я услышу еще хоть одно слово о пумах, волках и медведях, я просто начну кричать!

Она снова опустилась на колени и принялась копать землю своей палочкой — на этот раз с такой яростью, что легко могла повредить нежные корни цветов.

Какое-то время Джед молчал и смотрел на нее. Наконец сказал:

— Поедем домой. — Нет.

— Черт возьми, Элизабет, у меня нет времени.

— В таком случае прошу вас: не будем тратить его зря, — проговорила она, не глядя на мужа.

Элизабет решила, что ни в коем случае не позволит Джеду испортить такой прекрасный день и ее сладостные воспоминания о прошедшей ночи.

— Вы можете возвратиться в хижину, если хотите, а у меня еще есть здесь работа, — добавила она.

Джед не решался оставить жену одну, но, поглядывая на нее, все больше хмурился. Он ужасно испугался, увидев привязанного к дереву коня, а на траве — шляпку и перчатки... Но страх почти тотчас же сменился яростью, когда он заметил Элизабет, выкапывающую маргаритки на залитом солнечным светом лугу.

Никто и никогда не мог вызвать в нем таких приступов ярости, как эта женщина. Но гнев бесплоден. Гнев туманит голову и убивает разум, и умный человек не должен приносить свой ум в жертву гневу. Однако Элизабет ухитрилась заставить его забыть все основные правила выживания, известные ему, и оставить наедине с его чувствами, с которыми он не мог совладать.

Она даже не подняла на него глаза. Солнечный свет играл на ее волосах, лицо ее было залито нежным румянцем, а кожа казалась совершенно прозрачной. Он смотрел, как двигались ее плечи, когда она копала землю, смотрел, как натягивалась и опадала ткань ее платья, ласкавшая скрытое под ней тело... Она была прекрасна — и она доводила его до бешенства. Джеду хотелось схватить ее и усадить на лошадь. Хотелось повалить ее на траву и задрать ее юбку. Ему стоило огромных усилий удержаться от этого.

— Что вы собираетесь делать с этими сорняками? — проворчал он.

— Собираюсь посадить их вокруг дома, — ответила она вполне миролюбиво.

— Но ведь их мгновенно вытопчут.

Элизабет вытащила из земли еще один кустик маргариток и тщательно обернула их корни мхом.

— Тот, кто попытается их вытоптать, будет иметь дело со мной.

Джед невольно улыбнулся и пробормотал:

— Да, догадываюсь, что так и будет.

Элизабет взглянула через плечо и увидела обтянутые сапогами ноги Джеда. „Неужели его ноги всегда так выглядели? — подумала она. — Неужели они всегда были такими длинными и сильными?“ Она вдруг вспомнила, что видела их обнаженными, покрытыми золотистым пушком. Эти ноги прикасались к ее ногам, и казалось, от них исходил нестерпимый жар.

Джед спросил:

— Сколько еще вы намерены здесь оставаться? Пытаясь сосредоточиться на своем занятии, Элизабет ответила:

— Не знаю. Некоторое время. Здесь так чудесно...

На лугу и в самом деле было чудесно. Не слишком жаркое солнце, ярчайшие краски, небо, уходящее в бесконечность... Джед любил такие техасские дни, а теперь к прелести летнего дня добавилось присутствие Элизабет — она была в центре всего. Но сегодня Джеда ждала работа, требовавшая втрое больше времени, чем обычно, а ведь он никогда не отлынивал от работы.

Джед немного постоял рядом с женой, потом повернулся и направился к ближайшей иве. Минуту спустя Элизабет подняла на него глаза и спросила:

— Что вы делаете?

— Ломаю ивовые прутья, — ответил Джед. — Они годятся для того, чтобы плести из них корзины. А чай, настоящий на ивовых ветках, хорош при лихорадке.

Элизабет вспомнился чай, которым он поил ее в день их знакомства. Джед показался ей тогда персонажем из увлекательнейшего романа. В нем все было необычным, непривычным, сказочным... А теперь она смотрела на него и не узнавала. Его прекрасные золотистые

волосы были прикрыты широкополой шляпой, рукава рубашки закатаны выше локтей, вместо мокасин на нем теперь были остроносые кожаные сапоги, а на бедрах красовался ремень, на котором висел огромный уродливый пистолет. И все это внезапно поразило ее.

Это был человек, приручивший и любивший волка, человек, которого выходили и вылечили индейцы. Он преодолевал горы и шагал через долины, заходил туда, где до него, вероятно, не ступала нога человека. И он стоял сейчас перед ней. Он ее муж. Неужели этот мужчина действительно ее муж?

Она не сознавала, что смотрит на Джеда во все глаза, смотрит с величайшим изумлением. Тут он направился к ней, и Элизабет вернулась к своему занятию, хотя давно уже потеряла интерес к маргариткам.

Через некоторое время, снова взглянув на мужа, она указала на его пистолет и спросила: — Почему вы это носите?

Он бросил прутья на траву и, усевшись рядом, спросил:

— Это? Что именно?

— Ну... пистолет, что у вас на поясе.

— Здесь нельзя ходить без пистолета.

Джед принялся перебирать лежавшие перед ним прутья.

— Почему нельзя? — допытывалась Элизабет. — Ведь у вас к седлу приторочена винтовка.

— Если лошадь понесет и я вылечу из седла, я окажусь без ружья, — пояснил Джед.

— И что тогда?

— Тогда может всякое произойти. Предположим, вы вылетели из седла. Ваша нога застряла в стремях, а лошадь тащит вас за собой. Это может окончиться вашей гибелью, если у вас не будет при себе пистолета, из которого можно пристрелить животное.

Элизабет молча смотрела на мужа. Взяв один из прутьев, Джед принялся счищать с него кору. Он даже не подозревал, какое впечатление на Элизабет произвели его слова. Снова вернувшись к своему занятию, она проговорила:

— Но сейчас-то вы не на лошади.

— Верно.

— Не могли бы вы... — Она взглянула на мужа. — Не могли бы вы не носить его в моем присутствии?

Он посмотрел на нее с удивлением:

— Почему?

— Это действует мне на нервы.

Джед колебался. Наконец, пожав плечами, снял ремень с пистолетом и положил его перед собой. Затем снова взялся за ивовый прут.

Элизабет выкопала куст маргариток, обернула их корни влажным мхом и села на траву. Ей не хотелось больше работать. Взглянув на свои руки, испачканные черной землей, она невольно улыбнулась. Миссис Нэнси пришла бы в ужас, если бы увидела ее сейчас. Но миссис Нэнси осталась в другой жизни.

Окинув взглядом открывавшийся перед ней вид, Элизабет снова улыбнулась — залитые солнечным светом холмы пленяли ее, и ей казалось, что ничего более прекрасного она никогда прежде не видела.

— Красиво, — сказала она тихо.

Джед внимательно посмотрел на нее. Элизабет сидела, чуть откинувшись назад и

упершись ладонями в землю. Грудь ее четко вырисовывалась под корсажем, и Джед, заметив это, отвел глаза.

— Да, красиво, — согласился он.

— Вы рассказывали мне об этих местах, но я не могла себе представить всей их прелести. — Немного помолчав, она добавила: — И здесь прекрасные условия для разведения хлопка.

— Да, наверное, — кивнул Джед. Элизабет взглянула на него вопросительно.

— Почему вы не выращиваете хлопок? Ведь все остальные выращивают.

— Не все.

Элизабет с воодушевлением продолжала:

— Вы могли бы нажить состояние, если бы стали выращивать здесь хлопок. Взгляните только на эту плодородную долину. К тому же здесь много воды. Мне кажется, лучших мест для хлопка не придумаешь.

Джед с удивлением посмотрел на жену. Неужели у нее имелось собственное мнение по любому поводу? Но ведь это одна из самых привлекательных ее черт. Именно это впервые и очаровало его... Она легко и непринужденно говорила обо всем на свете. И никогда ничего не утаивала. Джед по-прежнему удивлялся, слушая ее. До знакомства с Элизабет он не предполагал, что женщина может сказать что-нибудь представляющее интерес для него.

Ободрав кору с ивовой ветки, Джед принялся что-то из нее плести.

— Я не фермер, — пробормотал он.

— Но ведь вы им были.

— Возможно, именно поэтому не люблю вспоминать об этом. Труд фермера слишком тяжел.

Элизабет с недоверием взглянула на мужа:

— Неужели это тяжелее, чем гоняться... за ужасными дикими быками?

Джед усмехнулся. Эта женщина с удивительной легкостью, не прилагая совершенно никаких усилий, заставила его забыть о том, что он всего лишь пять минут назад был ужасно зол на нее.

— Хлопок и быки — разные вещи, — пожал он плечами. — Чтобы выращивать хлопок, нужны деньги... и рабы. А меня не интересует то, что я не могу делать собственными руками. Я не хочу пользоваться трудом других людей.

Джед прервал свое занятие и задумался, пытаясь найти более убедительные слова. Но как объяснить то, что он и сам не вполне понимал?

— Скакать целый день на лошади — действительно тяжелый труд, — проговорил он наконец. — Но это движение. Это поглощает все время и дает возможность видеть что-то новое. И не только следы, оставленные дикими быками, но и след земляной белки, и примятую траву, если кто-то проехал по тропе раньше тебя, и каждый камень, лежащий на твоём пути... Сидя в седле все время узнаешь что-то новое и видишь новое. И ты ни от кого не зависишь и ни на кого не надеешься. Я думаю, мне нравится это ощущение. К тому же я всегда знаю: день не прошел для меня даром, потому что я непременно узнал что-то новое и научился чему-то новому, то есть стал чуть умнее, чем накануне. А фермерство не дает такой возможности.

В устах Джеда это звучало прекрасно, и Элизабет была почти уверена, что правильно его поняла. Тут он снова принялся за свою ивовую ветку, и Элизабет, наблюдая за движениями его ловких пальцев, вспоминала их первую встречу. Только сейчас он был еще

привлекательнее.

Немного помолчав, она вновь заговорила:

— Хорошо, пусть так. Но почему бы вам не попробовать разводить хлопок? Возможно, вам бы понравилось. Вы могли бы добиться успеха. Нажили бы огромное состояние!

Джед пристально взглянул на жену. Что-то в ее словах или тоне напомнило ему о грандиозных планах Хартли. Неужели она тоже мечтает об империи? Впрочем, ничего удивительного. Ведь они с Хартли люди одного круга. И мыслили они одинаково.

Отвернувшись, Джед спросил:

— Неужели богатство — это так важно для вас? Почувствовав, что затронула слишком опасную тему, Элизабет медлила с ответом. Наконец проговорила:

— Конечно, я люблю красивые вещи. Все их любят. Но я имела в виду совсем не это. Я просто... — Она потупилась. Затем снова подняла глаза на Джеда. — Просто мне неприятно думать, что вы будете гоняться за этими ужасными быками и... будете носить на поясе этот ужасный пистолет на случай, если ваша лошадь понесет. А ведь можно обходиться без подобных опасностей.

„Значит, она за меня беспокоится“, — подумал Джед. И вдруг понял, что ему это приятно. Но все же, скрывая свои чувства, он проговорил:

— Моя жизнь — это моя жизнь, Элизабет.

Глядя на него с некоторым удивлением, она спросила:

— Так вы не хотите стать богатым?

Джед рассмеялся. Вопрос Элизабет почему-то развеселил его. Впрочем, он прекрасно ее понимал. Выросшая в роскоши, она, конечно же, не могла так быстро привыкнуть к новому образу жизни.

— Конечно, хочу, — ответил Джед. — И, возможно, мне это еще удастся.

— Занимаясь скотоводством? — проговорила Элизабет с сомнением в голосе.

Джед пожал плечами:

— А почему бы и нет?

Элизабет промолчала. Ей вдруг пришло в голову, что жене, возможно, не следует вести с мужем разговоры о делах и задавать вопросы в лоб, как сейчас она.

Джед отложил в сторону ивовую ветку и, пристально глядя на Элизабет, продолжал:

— Те, кто выращивает хлопок, думают, что уедут из Техаса с огромным состоянием. Возможно, кое-кому это удастся. Но далеко не всем. Потому что здесь не так уж много земель, пригодных для хлопка. Зато скот можно разводить где угодно. И когда подумаешь о том, как велик Техас, то становится ясно: бифштексов ему потребуется великое множество. — Джед усмехнулся. — И если человек неглуп, то он может собрать стадо, продать его, вернуться домой и собрать еще большее стадо. Таким образом можно нажить состояние. Во всяком случае, одно я знаю наверняка: Техас никогда не лишится своего скота и земель, на которых пасутся и тучнеют стада.

Элизабет снова промолчала. Ей было неприятно думать, что Джеду приходится иметь дело с ужасными длинноногими быками, и она действительно боялась за мужа. Но она была женщиной и не имела права вмешиваться в мужские дела.

Джед вдруг улыбнулся и указал рукой на тополя и сосны, видневшиеся в отдалении:

— Вот где я собираюсь построить дом, когда разбогатею. Вон там, рядом с тем тополем. Это здесь самое красивое место.

— О да, конечно! — оживилась Элизабет. — Огромный-преогромный дом со

множеством окон и с большими коринфскими колоннами.

Джед усмехнулся:

— Здесь? Дом с колоннами?

Элизабет энергично закивала. Ей казалось, она уже видит чудесный дом, стоящий у тополя.

— И с французскими окнами, Джед. Ну... такими, в которые можно заходить, точно в двери. Собственно, это и есть застекленные двери. И весь дом должна опоясывать веранда, где мы сможем сидеть летними вечерами или танцевать, когда у нас будут гости.

„Мы“. Возможно, именно это слово сыграло решающую роль.

Джед никогда и ни с кем не делился своей мечтой о доме. Но теперь, когда Элизабет с таким воодушевлением заговорила об этом, он решил, что непременно попытается построить для нее дом. Но дом с колоннами?.. Это немного смущало.

Взглянув на жену, Джед с сомнением в голосе проговорил:

— Похоже, что такой дом лучше смотрится в окружении хлопковых плантаций, чем на скотоводческом ранчо.

— Какое это имеет значение?! — воскликнула Элизабет. — Мы построим такой дом, какой нам захочется. Человек с положением должен иметь... соответствующее жилище.

Джед внимательно посмотрел на жену. Похоже, она несколько не сомневалась в том, что он разбогатеет и построит шикарный особняк с колоннами. Ему очень не хотелось огорчать Элизабет, но он понимал, что должен, пока не поздно, рассеять ее иллюзии. Опасно было укреплять ее веру в то, чему не суждено сбыться.

— Неужели с колоннами?! — воскликнул он с насмешливой улыбкой.

Элизабет посмотрела на мужа и тоже улыбнулась. Она вдруг вспомнила, каким его лицо было под ее пальцами, какой удивительно нежной оказалась его кожа. А волосы... Что, если снять сейчас с него шляпу и провести кончиками пальцев по его чудесным волосам?

Она неожиданно спросила:

— У вас ведь есть шрам на предплечье, почти у самого плеча?

Джед взглянул на нее с удивлением, и щеки его чуть порозовели.

— У меня много шрамов, — ответил он. — А почему вы спросили?

Теперь уже Элизабет покраснела. Она сама не понимала, почему ей вздумалось спросить про шрам. Возможно, лишь потому, что она постоянно об этом думала...

Потупившись, Элизабет пробормотала:

— Мне показалось, что ночью я заметила его.

Джед откашлялся и снова вернулся к своей работе. Кто бы мог ожидать, что она заговорит об этом? Немного помолчав, он сказал:

— Это след от стрелы команчей. Просто царапина. Стрела лишь слегка задела меня.

Но Джед думал сейчас не о команчах.

Он вспоминал прикосновения ее пальчиков, вспоминал о том, как пахла Элизабет, когда он зарывался лицом в ее волосы, вспоминал, как она лежала под ним, как вскрикивала, как стонала...

И еще он думал о том, что ему ужасно нравится просто разговаривать с ней, как сейчас. Думал о том, что минуты, проведенные с ней здесь, на склоне холма, запомнятся ему на всю жизнь. И конечно же, он думал о том, что желал ее постоянно, каждую минуту.

Но Джед никак не ожидал, что сможет заговорить на эту тему.

— Элизабет... — пробормотал он, — Элизабет, я ночью... Я не хотел быть грубым, не

хотел бы, чтобы вы думали, что я все время мечтаю только о постели и считаю это единственно важным в браке.

Ее щеки снова вспыхнули, и она в смущении проговорила:

— Но возможно... это одна из лучших сторон брака?

— Что?.. — Джед в изумлении уставился на жену.

— Мне нравится разговаривать с вами. — Она взглянула на него и снова опустила глаза. — И мне нравится... заниматься с вами любовью.

Теперь уже Джед смотрел на жену с восхищением. Он думал о том, что она, должно быть, никогда не перестанет удивлять его.

— Вы сказали, что у людей, состоящих в браке, это бывает иначе, — продолжала Элизабет. — Но разве... — Румянец на ее щеках разгорелся еще ярче, а глаза стали еще зеленее, чем прежде. — Разве не все жены чувствуют одно и то же?

— Нет, не все, — пробормотал Джед. — Во всяком случае, мне так кажется. — Он улыбнулся и добавил: — Иначе откуда взялось бы такое множество несчастных мужей?

Элизабет с облегчением вздохнула и, робко улыбнувшись, спросила:

— Я доставляю вам радость?

Джед вдруг почувствовал, что ему ужасно трудно заговорить — словно он лишился дара речи. Прикоснувшись ладонью к щеке Элизабет, он выдохнул:

— Да...

В следующее мгновение Джед взял жену за руку и надел на ее безымянный палец колечко, сплетенное им из ивовой коры.

— Вот, — сказал он с улыбкой. — Теперь вы выглядите, как замужняя женщина.

Элизабет посмотрела на свою руку, и глаза ее наполнились слезами. Она не могла отвести взгляда от колечка. Узор был довольно сложный, и кольцо, судя по всему, было сплетено прочно, надежно. Гладкая кора блестела, точно серебро, и Элизабет казалось, что она за всю жизнь не видела ничего прекраснее. И ведь Джед сделал кольцо для нее!

Заметив слезинку на ресницах жены, Джед осторожно смахнул ее пальцем. Затем, снова улыбнувшись, сказал:

— У вас будет золотое кольцо, когда я разбогатею. Элизабет взглянула на него, и ее изумрудные глаза вспыхнули.

— Нет! Я не хочу золотого! — воскликнула она и крепко сжала кулачок, словно боялась, что кольцо снимут с ее пальца. — Я хочу это и всегда буду носить его.

И тут — Джед совершенно этого не ожидал — Элизабет вскочила на ноги и обвила его шею той самой рукой, на которой теперь носила кольцо.

И Джед вдруг почувствовал себя по-настоящему счастливым. Он крепко обнял жену и, наклонившись к ней, нежно поцеловал ее. Он прижимал ее к себе — это была чистейшая, ослепительная и ничем не замутненная радость. В эти мгновения он действительно был счастлив, и ему ничего больше не хотелось — лишь держать Элизабет в объятиях.

— Я люблю тебя, Джед, — прошептала она.

Он осторожно приподнял ее подбородок и заглянул в сияющие зеленые глаза. Он безумно хотел обладать ею, и его желание с каждым мгновением усиливалось. Снова поцеловав жену, Джед опустил ее на траву. Его пальцы перебирали пряди волос, а поцелуи наполняли радостью и предвкушением блаженства.

Сердце Элизабет гулко билось, а день — яркий, как желтые маргаритки, — превратился в золотистое сияние, в котором она ясно различала лишь склонившееся над ней лицо Джеда.

Он покрывал ее шею поцелуями, и она едва удерживалась от стога.

Тут Джек крепко прижался к ней, и Элизабет, ощутив напор его плоти, тотчас же раздвинула ноги. В следующее мгновение она почувствовала, как руки Джека расстегивают крошечные пуговицы на ее корсаже. И вот груди ее оказались на свободе — открытые солнечному свету и ласкам мужа. Элизабет тихонько вздохнула. Какая радость любить и быть любимой. Какой прекрасной оказалась эта сторона брака! Всю свою прежнюю жизнь она прожила словно во мраке, не сознавая, что существование ее было лишено смысла. Быть с Джеком, любить его и сливаться с ним воедино — вот в чем заключается подлинный смысл жизни.

Джек принялся целовать и ласкать ее обнаженные груди, и Элизабет почувствовала, как кровь забурлила у нее в жилах. Затем рука мужа скользнула ей под юбки, и его горячие пальцы стали поглаживать ее бедра...

Минуту спустя, сбросив одежду, они отдались любви под ярким небом Техаса. Это было так прекрасно, так естественно... Полная восторга и удивления, Элизабет крепко прижималась к Джеку. „Мой муж, — думала она. — Мой любимый“. От сознания безмерного счастья на глаза ее навернулись слезы; она знала, что не могло быть большей близости и большего наслаждения. Это было чудо разделенной любви, потому что сейчас они стали единым целым. Потому что сегодня она узнала радость, которую испытываешь, отдавая...

Раз за разом они устремлялись навстречу друг другу, и тела их двигались в одном ритме. Наконец мир вокруг них словно разлетелся на куски, и они, вконец обессилив, затихли в объятиях друг друга, слитые воедино. И казалось, даже сердца их бились в одном ритме, даже дыхание у них было одно на двоих. Они чувствовали, как в их жилах струилось пламя, сулившее новую радость и новое наслаждение.

Глядя на мужа, Элизабет прикоснулась ладонью к его подбородку и прошептала:

— О, Джек, я так тебя люблю.

Он улыбнулся, и его темные ресницы затрепетали. Поцеловав жену в щеку, он чуть хрипловатым голосом проговорил:

— Пожалуй, нам лучше вернуться.

И тут Элизабет вдруг осознала, что Джек ничего не сказал ей. Ни слова. Ни разу.

И свет в ее душе начал меркнуть. Как она ни старалась удержать эту радость, чудесные минуты, только что пережитые, ускользали от нее. Она пыталась убедить себя, что все это не имеет значения, но на самом деле это было для нее важнее всего на свете.

Она любила его, — а он?..

Джек поднялся на ноги и оделся. Элизабет тоже быстро оделась, и он с улыбкой протянул ей руку. Она заставила себя ответить улыбкой, но на сердце у нее было тяжело.

Когда они возвращались в хижину, Элизабет думала о том, что этот день не такой радостный и яркий, каким казался поначалу.

Бык оказался в западне — в густой поросли кустарника. Вернее, он был зажат между скалой и этими зарослями. И выбраться мог лишь одним-единственным способом — тем, который избрал для него Джед, сидевший в седле.

Он громко закричал, и испуганный бык бросился вниз по склону. Джед, размахивая лассо, умело вел быка, мустанг, казалось, угадывал мысли всадника; конь кружил, не давая быку увернуться, не давая ему сделать внезапный рывок.

Они собрали уже тридцать голов из оставшейся сотни, что паслась на пастбищах у Рок-Спринг в то утро, и это была не такая уж сложная работа. Животные стали тучными и ленивыми после летнего откорма, и приходилось лишь слегка направлять их. Как известно, все они носили его клеймо, а в этом сезоне их вместе с телятами оказалось около семисот голов, — так что оставалось лишь выгнать стадо со дна оврага до начала осенних дождей. В сентябре они собирались перегнать часть стада в Новый Орлеан.

Был солнечный августовский день, довольно жаркий. И не менее жаркой была для Джеда ночь, проведенная в объятиях Элизабет. Впрочем, точно такой же оказывались и все предыдущие ночи.

А по утрам, глядя, как Элизабет застегивает пуговицы на блузке, он радовался, думая о том, что теперь она, его жена, чувствует себя с ним настолько свободно, что даже не замечает этих его взглядов. Глядя, как она расхаживает по хижине, или готовит тесто для лепешек, или же подметает пол, он невольно улыбался, чувствуя, как душу его наполняют умиротворение и покой. А вечерами, сидя при свете масляной лампы напротив жены, он то и дело поглядывал на ее головку, склонившуюся над шитьем или над книгой; сам же плел уздечку или чинил седло и почти не разговаривал с Элизабет, лишь думал о том, что быть женатым человеком — величайшее счастье.

Но Джед по-прежнему беспокоился за жену. Иногда она вела себя слишком легкомысленно и неразумно, и он частенько раздражался из-за этого и даже гневался — гневался чаще, чем ему хотелось бы. К счастью, теперь их ссоры были недолгими — они почти тотчас же заканчивались смехом, шутками и объятиями. Сам того не сознавая, Джед порой провоцировал ссоры, чтобы увидеть блеск в изумрудных глазах Элизабет.

Он по-прежнему восхищался своей женой — ведь она превратила его жизнь в сказку, в идиллию. И его по-прежнему влекло к ней. Он желал ее постоянно, потому что постоянно думал о ней. Думал и сейчас...

Джед пустил своего мустанга рысью и присоединился к Скунсу, собиравшему стадо.

— Сколько еще удалось собрать? — спросил он. Скунс кивком указал на склон.

— Дасти преследует двух телок, укрывшихся в кустарнике. А Рио удалось заарканить быка. Думаю, к концу дня удастся собрать все стадо.

Джед в задумчивости пробормотал:

— Думаешь, до ужина успеем? Мне бы не хотелось опаздывать.

Скунс ухмыльнулся и сплюнул себе под ноги.

— Мне тоже, босс. Не стоит опаздывать и дожидаться, когда кукурузные лепешки миссис Элизабет остынут.

Джед улыбнулся:

— Да, не стоит.

Повернув мустанга, Джед направился к Рио, чтобы помочь ему загнать быка. И он по-прежнему думал о жене...

Присутствие Элизабет чувствовалось этим летом во всем. Теперь вокруг хижины в изобилии росли цветы, которые роскошно распустились и цвели, потому что мужчины их щедро поливали. Даже Скунс, прежде ненавидевший любую работу, если ее приходилось выполнять не в седле, порой целый день проводил за колкой дров и мастерил стулья, чтобы можно было удобно сидеть за столом во время ужина. Кроме того, он взял за правило мыться в ручье с мылом не реже раза в неделю, а иногда даже брился. Дасти же раздобыл где-то курицу-несушку — никто не решался спросить, где именно, — и поместил ее в недоступную для ласок клетку, так что теперь у них дважды в неделю бывали к завтраку свежие яйца. И никто не мог забыть тот день, когда Рио вернулся на ранчо, притащив за собой на веревке дикого кабаненка. Кабаненок оказался на редкость злобным: он дважды ломал изгородь своего загона и как-то раз укусил Рио за руку, поэтому мексиканцу пришлось в конце концов пристрелить своего пленника.

Джед и Рио гнали быка вверх по склону, когда появился Дасти.

— Давайте загонять их в кораль! — закричал Джед, приподнимаясь в стременах.

Дасти и Скунс закивали и помахали в ответ шляпами. Джед снова опустил в седло. Сегодня он пребывал в прекрасном расположении духа, как, впрочем, и во все предыдущие дни. Летние хлопоты заканчивались, и это не могло не радовать. Джед задумался... Двадцать пять долларов за голову — получается... Если умножить на семьсот, получится приличная сумма. И можно будет купить что-нибудь для жены — например, стекло, чтобы вставить его в окно. Ведь Элизабет постоянно говорит ему об этом стекле... И, конечно же, надо купить книги. Она уже прочла те, что он купил для нее в Галвестоне, и теперь перечитывала их снова и снова. К тому же он и сам мог бы почитать что-нибудь в долгие зимние вечера...

Внезапно над его головой просвистела пуля, срезавшая ветку. Джед не ожидал нападения, однако среагировал мгновенно. Резко развернувшись в седле, он выхватил из чехла ружье и пустил свою лошадь в галоп, стараясь добраться до ближайшего укрытия.

И тотчас же снова загремели выстрелы, причем стреляли с разных сторон.

Джед не видел своих людей, но нисколько не сомневался в том, что они слышали выстрелы. Спешившись и укрывшись за стволом тополя, он принялся палить по склону холма, в ту сторону, откуда, как ему показалось, раздался первый выстрел. Быстро перезарядив ружье, Джед окинул взглядом склон холма. Обезумевшие от страха животные разбегались во все стороны с отчаянным ревом.

Джед медлил. Он пытался определить, откуда стреляют. Тут еще одна пуля просвистела над его головой и ударилась в скалу позади него. В следующее мгновение он увидел, что прямо на него несется обезумевший от страха бык. Глаза животного налились кровью, а вся морда была в пене. Джед направил на него дуло ружья и спустил курок. Бык рухнул в нескольких метрах от Джеда — из отверстия между глаз животного фонтаном забила кровь.

Джед снова осмотрелся. Было очевидно, что они каким-то образом угодили в засаду. Однако у него не было времени на раздумья — ведь Элизабет оставалась в хижине одна. Джед вскочил в седло и, стараясь укрыться за кустами, направил лошадь в сторону хижины. При других обстоятельствах он, конечно же, попытался бы выследить врагов и уничтожить их, но теперь у него была Элизабет, и Джед не мог оставить ее в опасности.

Оставив лошадь за кустами, он направился к хижине. Недалеко от двери остановился,

осмотрелся...

Во дворе царила тишина. Из трубы поднималась тонкая струйка дыма, а дверь хижины была открыта. Однако Джед не слышал ни звука, как ни напрягал слух.

Но ведь люди, напавшие на них, могли держать Элизабет как заложницу... Они могли связать ее и заткнуть ей рот кляпом. Могли изнасиловать. Возможно, они уже убили ее. Или держали на мушке, ожидая его, Джеда.

Держа ружье на изготовку, он стал медленно спускаться с холма и старался ступать абсолютно бесшумно. Через каждые несколько шагов останавливался и прислушивался. Услышав тревожное ржание своего мустанга, Джед понял, что к дому приближаются чужаки. Значит, враги за ним следили.

Прячась за кустами, Джед сделал круг и приблизился к хижине со стороны коралля. И тут из дома вышла Элизабет. Склонившись над своими цветами, она принялась поливать их.

Джед снова осмотрелся. И вдруг заметил блеск металла на солнце — кто-то за кустами вскинул ружье, чтобы прицелиться. Ни секунды не раздумывая, Джед бросился к хижине, схватил Элизабет за руку и рывком втащил ее в комнату. В следующее мгновение раздался выстрел, и в притолоку прямо над ними вонзилась пуля.

Элизабет вскрикнула от неожиданности и, не удержавшись на ногах, упала. Джед перекатился по полу, чтобы оказаться подальше от открытой двери, и закричал:

— Не поднимайся!

— Джед, но почему?.. — Элизабет попыталась подняться на ноги, и тотчас же раздался еще один выстрел.

Элизабет снова вскрикнула и взглянула на мужа.

— Черт возьми, оставайся на полу! — заорал Джед.

Он покосился на жену. Она стояла на коленях, зажимая ладонями уши. Ее искаженное ужасом лицо было белым как мел.

— Ложись на пол!

Схватив кочергу, Джед пробил в стене отверстие, сунул в него дуло своего ружья и сделал несколько выстрелов в направлении кустов.

Тут в притолоку снова вонзилась пуля. И еще одна ударила в крышу хижины. Вероятно, со стороны холмов палил не один человек. И эти люди приближались.

Джед снова взглянул на жену:

— Элизабет, умоляю, не поднимай голову от пола! Он отбросил ружье, выхватил пистолет и сделал еще несколько выстрелов. Пистолет в этой ситуации был не лучшим оружием, но у Джеда не оставалось времени на то, чтобы перезарядить ружье.

Опять загрохотали выстрелы, и Джед по их числу определил, что стреляли трое или четверо, хотя нападавших, конечно же, могло быть и больше. Сделав очередной выстрел, Джед принялся нашаривать патроны в патронташе на поясе. Следующая пуля ударила в земляной пол, еще одна — в каминную полку.

Джед взглянул на запасные ружья, лежавшие у камина. Потом посмотрел на жену.

— Элизабет... — Он сделал еще один выстрел из пистолета. — Передай мне ружья. Передавай по одному и не вставай. Толкай их ко мне по полу. Быстрее!

Элизабет в ужасе смотрела на мужа. В ее глазах стояли слезы.

Джед снова выстрелил и закричал:

— Элизабет, быстрее!

Она потянулась к ружьям и тут же отпрянула — еще одна пуля ударила в пол.

— Не надо! — закричала Элизабет. — Прекрати! Пожалуйста, Джед, прекрати!

Он в ярости отбросил пистолет и снова схватил ружье. Пока перезаряжал его, в комнату влетели еще две пули. Причем одна из них разбила лампу на столе.

Джед сделал выстрел из ружья. Потом поднял с пола пистолет, чтобы перезарядить его, и в спешке уронил патронташ.

— Черт возьми, Элизабет! Передай же мне ружья! — заорал он.

— Нет, Джед! Пожалуйста, не стреляй!

Она попыталась подняться с пола, чтобы подбежать к нему, и Джед понял, что выбора у него нет. Сделав очередной выстрел, он рванулся к жене. Пробегая мимо распахнутой двери, вдруг почувствовал, как что-то ужалило его между ребер. Джед упал на Элизабет и тотчас же услышал ее отчаянный крик. Оттолкнув жену в дальний угол комнаты, он схватил одно из ружей. Повернувшись к открытой двери, увидел синее пятно на зеленом фоне кустарников. Джед прицелился и выстрелил. И тут же над его ухом прожужжала пуля, ударившая в камин.

Несколько секунд спустя вновь загрели выстрелы, однако стреляли не в сторону хижины. Джед вздохнул с облегчением. Он понял, что подросли его люди и вступили в схватку.

В течение нескольких минут противники вели ожесточенную перестрелку. После этого какое-то время еще раздавались одиночные выстрелы. Потом послышался топот копыт, и несколько секунд спустя воцарилась тишина — Джед слышал лишь гулкие удары своего сердца.

Джед положил на пол ружье и шумно перевел дух — к счастью, все закончилось благополучно. Но он почувствовал облегчение не более чем на несколько секунд. Он был жив. Она была жива. А потом его вдруг охватила паника. „Ведь Элизабет могла умереть! — промелькнуло у него. — Черт возьми, она могла умереть!“

Джед взглянул на жену, по-прежнему стоявшую у стены. По щекам ее струились слезы, а глаза казались совершенно безумными. И все ее тело сотрясали рыдания. Она тихонько всхлипывала и, похоже, не видела мужа. Джед понял, что у жены истерический припадок. Подбежав к ней, он схватил ее за плечи и тряс до тех пор, пока на ее лице не появилось осмысленное выражение.

— Черт возьми, Элизабет!.. — заорал он. — Когда я говорю тебе, чтобы ты что-нибудь сделала, ты должна это делать! Меня могли убить! Неужели ты хотела бы этого? Черт возьми, ты ведь подвела меня! Ты, моя жена!..

В эти мгновения ему казалось, что Элизабет действительно подвела его. Он в ней нуждался, а она, парализованная страхом, не сумела ему помочь.

Элизабет смотрела на мужа широко раскрытыми глазами. И вдруг закричала:

— Но ведь ты стрелял в них! Почему ты стрелял?! Ты должен был прекратить, прекратить...

Она попыталась оттолкнуть Джеда, но он снова схватил ее за плечи.

— Элизабет, да ты в своем уме?! Я и должен был в них стрелять!

Внезапно он отступил от нее и сделал глубокий вдох. Затем отвернулся и принялся перезаряжать ружья.

Элизабет еще с минуту стояла у стены. Потом обвела взглядом комнату — из ее груди вырвался стон. Она наконец поняла, что произошло. Поняла, что кто-то стрелял в них. Кто-то на них напал, пытался убить... Кто-то посягнул на их жизнь.

Она снова оглядела комнату. Пол был усыпан осколками разбитой лампы и залит

ламповым маслом. В спинку одного из стульев, очевидно, угодила пуля. И в каминную полку тоже. На полу валялись патронташи Джеда. К тому же воняло пороховым дымом, и в ушах все еще звенело от выстрелов.

Но почему, почему на них напали? Чем могло быть вызвано это вероломное нападение? Элизабет повернулась к мужу.

— Почему, Джек?! Почему это произошло?! — воскликнула она. — Почему они это сделали? — На глаза ее снова навернулись слезы. Ей вдруг стало трудно дышать. — Джек, что ты... Почему... — Элизабет делала отчаянные усилия, пытаясь сдержать слезы.

Джек помрачнел. Сунув пистолет в кобуру, пробормотал:

— Это бандиты, промышляющие угоном скота. Они напугали и разогнали стадо. Я не знаю, кто они.

Элизабет приблизилась к мужу.

— Но тебе следовало бы послать за шерифом! Ты должен сообщить об этом, ты должен...

Джек криво усмехнулся:

— Здесь не действуют законы, Элизабет. Мы должны сами заботиться о себе.

Она молча смотрела на Джеда. До нее не сразу дошел смысл его слов. Неужели в Техасе нет законов? Неужели законы здесь недействительны? Но если так... Элизабет покачнулась; ей казалось, она вот-вот лишится чувств.

А ведь она так гордилась своими скромными достижениями. Так радовалась тому, что сумела наладить быт на ранчо мужа, сумела превратить его убогую хижину в подобие жилища. Она создала для себя маленький оазис посреди пустыни и думала, что это очень важно. Но оказалось, что здесь, в Техасе, от жены требуется совсем другое... Сегодня мужу потребовалась ее помощь, а она не сумела ему помочь. Хотя должна была стать его помощницей. Она оказалась бесполезной и неумелой. Джек все время твердил ей об этом, но она не понимала, о чем он говорил.

Здесь люди сами заботились о себе, и преступники разгуливали на свободе. Здесь каждый носил оружие и пользовался им к месту и не к месту, но никто ничего не мог с этим поделать. А она, Элизабет Коулмен Филдинг оказалась здесь беспомощной, как котенок. И такой же бесполезной. Джек взял ружье и шагнул к двери.

— Ты хочешь уйти? — спросила Элизабет. — Неужели ты собираешься преследовать их?

— Вынужден.

Он захватил пригоршню патронов и рассовал их по карманам. Вытащив руку из кармана, увидел, что она в крови. Выругавшись сквозь зубы, Джек взглянул на жену и увидел, что она смотрит на него с ужасом. Вцепившись в край стола, Элизабет смотрела на темное пятно, расползавшееся по рубашке мужа.

— Ты ранен, — прошептала она дрожащими губами. Лишь сейчас Элизабет поняла: мужа едва не убили — а она ничего не сделала, чтобы помочь ему! Джек поморщился:

— Ничего страшного.

Внезапно он бросился под прикрытие двери и в то же мгновение выхватил из кобуры пистолет.

— Эй, в хижине! Не стреляйте! — раздался голос Скунса. Джек спрятал пистолет в кобуру и перевел дух. Элизабет направилась к миске с водой, стоявшей на столе.

— Сядь! — сказала она, повернувшись к мужу.

Джед пододвинул к себе стул и сел. Но Элизабет понимала, что муж сел вовсе не потому, что она попросила его об этом. Было очевидно, что он ждал Скунса.

Обмакнув в воду тряпку, Элизабет выжала ее. Шагнув к Джеду, проговорила:

— Ты не сможешь их преследовать. Пожалуйста, останься. Если ты уйдешь, я не смогу этого вынести...

Джед тяжело вздохнул:

— Ты ничего не понимаешь, Элизабет.

И эти слова показались ей ужасно оскорбительными. Она ничего не понимала. Муж попросил ее о помощи, а она не двинулась с места. И его ранили. Теперь на его рубашке кровь. Но ведь она за него беспокоится. Поэтому и не хочет, чтобы он уходил. Почему он не может этого понять? Опустившись перед мужем на колени, она с дрожью в голосе проговорила:

— Сними рубашку.

Джед медленно выпростал рубашку из бриджей, и Элизабет заметила, как он вздрогнул, когда ткань коснулась раны. Осторожно вытирая кровь вокруг раны, она пробормотала:

— Ты прав, я ничего не понимаю. И никогда не пойму, почему ты хочешь так жить. Зачем нам такая жизнь? Люди не должны так жить. Мы не должны так жить. А сейчас... Если ты сейчас погонишься за ними, это только все осложнит. Они вернутся, и снова начнется стрельба. И конца этому не будет.

— Черт возьми, Элизабет! На нас напали! — в ярости заорал Джед. — Ведь мы должны защитить себя! Кто, черт возьми, за это возьмется, если не мы?

— Не знаю и не хочу знать! Меня это не интересует! — Запачканная кровью тряпка выпала из дрожащей руки Элизабет, и она поднялась на ноги, чтобы найти другую. — Да, не интересует! Я не просила этих людей стрелять в меня. Я не приглашала их сюда! Я хотела лишь одного: жить в мире и свить здесь свое гнездо. А ты хочешь решать все кулаками или стрельбой...

— Но стрельба — единственный способ все решить!

— Неправда! — воскликнула Элизабет. — Это безумие! Никто не носит оружия дома, в Алабаме. Люди там не стреляют друг в друга. Они не убивают друг друга, точно дикие звери.

Джед пожал плечами:

— Возможно, там тебе и следует находиться. Элизабет едва не задохнулась от гнева.

— Так ты этого хочешь?! — закричала она. — Я знаю, ты всегда этого хотел!

Лицо Джеда посерело и осунулось. Он со вздохом покачал головой:

— Нет, Элизабет, я не хочу этого. Просто есть некоторые дела, которыми должен заниматься мужчина. Сейчас — именно такое дело.

— А как же я? — Элизабет пристально посмотрела на мужа. — Если тебя убьют, что будет со мной? Тебе все равно?

Он взглянул на нее так, будто она ударила его. И Элизабет почувствовала его боль — эта боль словно ножом по сердцу полоснула. Ей хотелось взять свои упреки назад, но было слишком поздно. Их взгляды встретились, в этот момент между ними будто выросла стена, в которой не смогли бы пробить бреши никакие слова... В этот момент оба осознали, насколько хрупок оказался мир, который они создали для себя, мир, не основанный ни на чем, кроме желаний и иллюзий. Теперь между ними образовалась бездна разочарования и непонимания, и они не могли ее преодолеть, как бы ни старались.

Тут за порогом послышались шаги. В следующее мгновение в комнату вошел Скунс. За

ним следовали Дасти и Рио. Пока мужчины обменивались громкими репликами, ругались и топали ногами, Элизабет рылась в своих вещах в поисках чистой ткани для повязки.

— Вы их видели?

— Нет. Мы гнались за ними некоторое время, но потом подумали, что тебе, возможно, нужна помощь, и повернули обратно.

— Но мы видели кровь на траве. Подумали, что кого-то из них зацепило пулей.

— Они повернули к ручью, но их следы затерялись среди следов стада. Тебя серьезно ранили?

— Нет, всего лишь царапина.

Элизабет оторвала лоскут от своей нижней юбки, которую собиралась починить, и направилась к Джеду. Он прикрыл рану грязной рубашкой, и ей пришлось отстранить его руку. К счастью, рана кровоточила уже меньше — во всяком случае, Элизабет так показалось.

— Быков распугали, и они все разбежались, — проворчал Скунс.

— Хочешь, чтобы мы порыскали по округе и искали их? — спросил Дасти.

Джед выругался, когда жена неосторожно дотронулась до раны, и она отпрянула. Теперь Элизабет могла ее разглядеть — из нее все еще сочилась кровь, и вокруг образовалась синяя опухоль.

Сердце Элизабет болезненно сжалось. Неужели она теперь не сможет поглаживать и ласкать это тело? Оно было таким прекрасным и сильным, а сейчас...

Джед взглянул на Дасти:

— Нет, не надо. Я хочу, чтобы вы все оставались здесь, в хижине. Я знаю, куда направиться.

— Нет! — закричала Элизабет. Она подняла на мужа полные слез глаза. — Ты не можешь гнаться за ними! Пусть убираются. Дай им уйти. Они не вернутся. Обещай, что не будешь искать их. Пожалуйста, Джед! Обещай мне... — Положив руку на колено Джеда, она посмотрела на него со страхом и мольбой.

Мужчины молча переглядывались. Было очевидно, что они смущены и сочувствуют жене друга.

Немного помедлив, Джед со вздохом проговорил:

— Я не даю таких обещаний, Элизабет.

Она задохнулась от рыданий. Она не могла помочь мужу, не могла остановить его. А он не хотел остаться с ней...

Элизабет, пошатываясь, отошла от стола и вышла из хижины. Сделала еще несколько шагов и упала у стены, сотрясаясь от приступа рвоты.

Через несколько минут к ней подошел Дасти. Протянув ей кружку воды, проговорил:

— Идемте в дом, миссис Филдинг. Здесь небезопасно.

Теперь везде было небезопасно. Как она могла рассчитывать на безопасность в доме, где происходило такое?.. Какие-то люди напали на ее мужа и ранили его. Эти люди в них стреляли!

Элизабет не могла забыть гнева и укора в глазах Джеда. Он просил ее о помощи, а она оказалась бессильной и бесполезной. Но разве мог он ожидать, что она поведет себя иначе? Ведь она действительно ничего не понимала в такой жизни. Не понимала и не хотела понимать.

Руки Элизабет так дрожали, что она не могла поднести кружку к губам. Она чувствовала

себя совершенно обессиленной, — казалось, усталость сковала ее. Ей хотелось... уползти куда-нибудь подальше и спрятаться, чтобы никто не видел ее. А Джед... Почему он не вышел, почему не захотел успокоить ее, утешить, обнять?

Тут послышались шаги — кто-то выходил из хижины. Подняв голову, Элизабет увидела мужа, направлявшегося к коралю. Цепляясь за руку Дасти, она попыталась подняться.

— Вы должны остановить его, Дасти... Он не может...

— С ним все в порядке, мэм. Его рана всего лишь царапина. Скунс перевязал его.

Элизабет с мольбой в глазах взглянула на Дасти:

— Пожалуйста, не пускайте его! Пожалуйста, остановите его!

— Но я не могу этого сделать, мэм.

— Его же могут убить!

— Думаю, он знает, что могут. — По-видимому, сообразив, что это звучит не слишком утешительно, Дасти добавил: — Миссис Филдинг, ваш муж умеет позаботиться о себе. Он стреляет без промаха, и он прекрасный следопыт. К тому же очень осторожный человек. Так что успокойтесь.

Держа руку на кобуре, Джед подвел свою лошадь к хижине. Скунс подошел к нему, чтобы помочь поправить седло, и Элизабет услышала обрывки их разговора. Она снова попыталась подняться на ноги, и вся вода из ее кружки вылилась на землю.

— Но ведь он не поедет один? Дасти, вы ведь не отпустите его одного?

Парень пожал плечами. Взглянув на Джеда, проговорил:

— Думаю, он хочет ехать один. Я бы на его месте так и поступил. Видите ли, одному ехать безопаснее. Вам не надо заботиться ни о ком, кроме себя. И один человек может легко проскользнуть в такие места, куда не смогли бы проникнуть несколько. Не волнуйтесь. Он знает, что делает.

Элизабет была в отчаянии. Она считала, что знает своего мужа. Думала, что понимает его. Но оказалось, что она совершенно ничего не понимает. Не понимает жизни, которую вынуждена здесь вести. Эта жизнь чужда ей и непонятна...

Взглянув на Дасти, она пробормотала:

— Как вы можете?... Как вы можете так жить? Парень тяжело вздохнул. Он вспомнил о нападении индейцев, убивших всю его семью.

— Видите ли, мэм, здесь жизнь так устроена...

Джед взобрался на лошадь и сделал круг, объехав хижину. При этом он даже не взглянул на жену. Еще какое-то время она слышала затихающий вдали стук копыт.

Дасти наклонился к ней и взял ее за руку.

— Пойдемте, миссис Филдинг. И не волнуйтесь. Все будет хорошо.

Элизабет наконец-то поднялась на ноги и пошла в хижину. Она думала о том, что теперь ее жизнь уже никогда не станет прежней.

Джед отворил дверь хижины и вошел. В центре скудно освещенной дымной комнаты, за грубо сколоченным столом, сидел Красный Волк. Молча кивнув, Джед сел напротив индейца.

— Пятеро, — сказал Красный Волк после продолжительного молчания. — А проехали четверо. Один большой, со шрамом поперек лица. Один ехал на пятнистом пони. У одного, за поясом три пистолета, и все они вооружены ружьями. А один из них маленький, шляпа его украшена серебром. Их вождь, который не ехал верхом, одет в городское платье, и волосы у него желтые. Он носит нож с черной рукояткой, украшенной слоновой костью. Он ждет, сидит в полотняном вигваме. Ждет, когда вернутся его люди.

Джед нахмурился, однако промолчал.

Красный Волк, подавшись вперед, принялся водить пальцем по пыльному столу.

— Вот здесь, — сказал он. — В трех солнцах отсюда у них лагерь. Они не охотятся, не оставляют следов. Они ждут.

Они ждали, когда к ним приедет Джед со своими людьми. Они были наемными убийцами и знали свое дело. Джед поднялся на ноги:

— Мы должны надолго покинуть дом. Моя женщина останется одна.

— С твоей женщиной ничего не случится, пока мои воины объезжают холмы. Поезжай. Мы присмотрим за ней.

Джед кивнул и вышел из хижины.

Место, указанное Красным Волком, находилось милях в десяти от индейского поселения. И Джед тотчас же отправился в путь. Уже стемнело, когда он подъехал к лагерю.

Джед осмотрелся. Перед костром была разбита большая палатка. В кастрюльке над огнем шипел бекон. Неподалеку были привязаны лошади, и рядом с ними, на ветвях, висели седла.

Джед не заметил никаких признаков жизни. Но услышал, как за кустами щелкнул взводимый курок. Потом снова раздался щелчок.

Тронув поводья, Джед направил лошадь прямо к костру.

И тут же из палатки вышел лорд Хартли. На нем был вышитый жилет, надетый поверх белой рубашки.

— Рад видеть, — сказал он с улыбкой. — Добро пожаловать, мистер Филдинг. Выходите, джентльмены, и поздоровайтесь с гостем.

Один за другим они выходили из леса. Одного из них, со шрамом на лице, Джед знал. На дороге в Накогдочес он, сидя в седле, пристрелил троих — и никто не знал почему. Молодого человека с тремя пистолетами за поясом и тремя патронташами звали Кид Бейкер. Двое других были незнакомы Джеду, но по их виду он понял, кто они. Он знал таких людей. У одного из них на предплечье красовалась окровавленная повязка. И все они держали ружья наизготове. Хартли подошел к костру.

— Могу ли я предложить вам кружку кофе? Сегодня у нас все очень скромно. Как видите, готовим по-походному, на костре. Видите ли, мы не ждали вас так скоро.

Он протянул Джеду кружку, но тот не тронулся с места. Англичанин пожал плечами и налил кофе себе.

— Черт возьми, Хартли, что вы здесь делаете? — спросил наконец Джед.

Хартли с насмешливой улыбкой проговорил:

— Неужели не догадываетесь? — Он сделал глоток кофе и поморщился. — Мерзкое варево. Вы были правы, что отказались. — Пристально посмотрев в глаза Джеду, англичанин продолжал: — А вы разве не помните, что у меня еще оставались купоны на землю? Я их зарегистрировал. И оказалось, что мои земли граничат с вашими. Вон там, за тем ручьем. Так что сейчас вы мой гость.

Джед хранил молчание. Хартли сделал еще один глоток из кружки.

— И быки, которых вы пытались сегодня угнать с моей земли, принадлежат мне. Вы, техасцы, называете это угоном скота. А я называю преступлением.

Джед с невозмутимым видом проговорил:

— Здесь открытое пространство. И эти быки никому не принадлежали.

Хартли усмехнулся:

— Ошибаетесь, мистер Филдинг. Видите ли, я учусь играть по техасским правилам. И хочу взять то, что мне принадлежит.

— Вам здесь, Хартли, ничего не принадлежит.

— Вот как? Снова ошибаетесь. И знаете... Сегодня вы были отличной мишенью. Надеюсь, вы понимаете, что только благодаря моему благородству мы вновь встретились. Я вам кое-чем обязан. Однажды ночью на горящем корабле вы оказали мне услугу. Поэтому сегодня вам было только сделано предупреждение. Это, если хотите, было демонстрацией силы. Но впредь пощады не ждите. Однажды я пообещал вас уничтожить. И теперь выбираю место и время. Это вопрос чести. Неужели вы не понимаете, что для меня долг чести — святыня? Я никогда не забываю об этом.

Джед довольно долго молчал, пристально глядя на Хартли. Наконец ответил:

— Делайте что собираетесь. Но пусть это остается между нами. Если же вы снова приблизитесь к моей жене, если причините ей хоть малейшее беспокойство, — клянусь Господом, я убью вас.

Натянув поводья, он развернулся и поехал в сторону ранчо.

Въехав во двор, Джед увидел Рио — тот бодрствовал, напряженно вглядываясь во тьму. Мужчины молча кивнули друг другу; было очевидно, что вопросы следовало отложить до утра.

Расседлав лошадь, Джед быстро растер ей холку и направился к хижине. У костра сидел Скунс, обстругивавший сосновую веточку. Дасти же стоял на часах у самой двери. Услышав шаги Джеда, оба вздохнули с облегчением.

Джед вошел в хижину и взглянул на одеяло, отделявшее кровать от остальной части комнаты.

— Она спит? — прошептал он, покосившись на Дасти.

— Сомневаюсь, — так же шепотом ответил тот. — Слишком уж она нервничает.

Джед вышел из хижины и подошел к костру. Взял кофейник, стоявший на угольях, и налил себе кружку кофе. Скунс спросил:

— Ты нашел что-нибудь? Джед уставился в свою кружку.

— Кид Бейкер, Ньют Джонсон и еще двое, которых я не знаю.

Скунс присвистнул:

— О черт... И что эта банда делает здесь? Джед сделал глоток.

— Они прибыли сюда с моим старым другом. Дасти пожал плечами:

— Но ты ведь знаешь, как выбирать друзей... Скунс нахмурился:

— Кид Бейкер мог продырявить наши шкуры, когда стрелял в нас с яблони в штате Мэн.

А что, собственно, он делает здесь? Приехал поохотиться на индеек?

Джед кивнул:

— Да, что-то в этом роде. Думаю, он приехал ненадолго, но все же мы не должны рисковать. Теперь надо постоянно быть начеку.

Скунс поднялся на ноги.

— Черт возьми, я готов! Давненько у нас не было развлечений.

— Значит, Ньют Джонсон... — пробормотал Дасти. — Пора кому-нибудь вывести его из игры. И мне очень хотелось бы заняться им.

Джед пристально взглянул на друга. Все прекрасно знали, как опасно связываться с Ньютом.

— Мы пока ничего не должны предпринимать, — предупредил Джед. — Надо собрать стадо на продажу. Этим и займемся. — Он поставил на землю кружку с кофе. — Мне надо отдохнуть несколько часов. Мой бок еще немного беспокоит меня. Третью вахту беру на себя.

Дасти кивнул:

— Мы все сегодня будем спать во дворе. Разбужу тебя, когда луна зайдет.

Джед вернулся в хижину. Закрыв за собой дверь, прикрутил фитиль фонаря. Затем стащил сапоги. Сняв пропитанную кровью рубашку, невольно поморщился — рана все больше беспокоила.

Шагнув к кровати, Джед отдернул одеяло, отделявшее его от Элизабет. Она спала одетая — словно сон сморил ее внезапно. Причем спала беспокойно и что-то тихонько бормотала во сне. Джед тяжело вздохнул. Он прекрасно понимал, что пришлось пережить сегодня его жене. Конечно же, такая жизнь — не для нее. Но, черт возьми, он не мог ничего изменить.

Джед наклонился над женой и осторожно накрыл ее простыней. Ему ужасно хотелось лечь с ней рядом и вытянуться на кровати. Но, не решившись потревожить ее сон, он повернулся и вышел из хижины.

Элизабет открыла глаза. Она молча лежала в темноте и предавалась скорби. До сегодняшнего дня — нет, даже до этой минуты — она не сознавала, насколько зависит от мужа и как нуждается в нем. Но в тот момент, когда она больше всего нуждалась в Джеде, его не оказалось рядом. И не было для женщины более ужасного чувства. По его вине насилие пришло в ее дом, и это случилось из-за каких-то быков. В нее стреляли, и Джед не смог ничего сделать, чтобы предотвратить это. Прежде у нее не было случая усомниться в своем муже. Она и представить не могла, что у нее возникнут основания сомневаться в нем. Но теперь ее доверие к нему было подорвано. Она осталась одна — напуганная и еще более беспомощная, чем прежде.

Она просила его остаться. Умоляла не рисковать своей жизнью. У него был выбор — преследовать бандитов или остаться и защищать то, что принадлежало ему. Он предпочел покинуть ее. Муж сделал свой выбор, и она не понимала, что заставило его поступить именно так. Что она должна чувствовать теперь? Чего от нее ждали? Что теперь станет с ними? Как сможет она забыть то, что произошло сегодня?

Элизабет тихонько вздохнула и закрыла глаза. Она пыталась убедить себя, что все будет хорошо.

В эту ночь ей снова приснился пожар. Когда она проснулась, задыхаясь от рыданий,

рядом не было никого, кто обнял бы и утешил ее.

Через два дня приехал Дасти и сообщил, что Хартли свернул свой лагерь. Следы вели на юго-восток. Было похоже, что банда покинула эти места навсегда.

— Не уверен, что мне это нравится, — пробормотал Скунс, снимая шляпу и почесывая в затылке. — Сначала они разгоняют наше стадо, а потом уезжают — неужели для того, чтобы мы снова могли собрать его? В этом нет смысла.

— Человек, с которым мы имеем дело, и не должен следовать нашей логике и нашему здравому смыслу, — ответил Джед. Но и ему эта новость не понравилась.

Рио улыбнулся:

— А может, наше варево показалось им слишком острым, а? Умные люди в таком случае поворачиваются и уезжают.

Но никто из них не верил в это. И все пришли к выводу: отъезд банды — просто военная хитрость.

Но думать о будущих неприятностях — не самый лучший способ остаться в живых. Поэтому никто не стал особенно задумываться о причинах внезапного отступления противника.

Возможно, их враги заметили поблизости индейцев, наблюдавших за их хижинкой. Возможно, так предполагал Рио, бандиты поняли, что им не совладать с Джедом и его людьми, поэтому они отправились за подкреплением. Кроме того, можно было бы предположить, что Хартли смутило присутствие Элизабет — ведь ее отец считался другом англичанина, — однако в подобное благородство Джед не верил. Он, как и все его люди, полагал, что Хартли перенес свой лагерь в другое место, чтобы замести следы, и теперь выжидал.

Они вернулись к своей работе и снова принялись ловить быков; причем некоторых из них все-таки пришлось клеймить. Воины Красного Волка ежедневно наблюдали за их хижинкой, и благодаря этому Джед не чувствовал беспокойства за Элизабет, когда они оставляли ее одну. И все же они старались не удаляться слишком далеко от дома и возвращались на ранчо до наступления темноты. По ночам же по очереди несли вахту, а днем не расставались с ружьями. Джед не сказал Элизабет, что на них напал лорд Хартли. Он полагал, что у нее и так достаточно оснований для беспокойства, и считал, что ей лучше не знать, кто ее враг. В течение следующей недели жизнь на ранчо обрела видимость нормальной, но это была всего лишь видимость. Джед мог бы сравнить эту жизнь с румяным яблоком, изъеденным изнутри червями. Однако Элизабет выполняла всю домашнюю работу со своей обычной расторопностью и неутомимостью. Когда же Дасти сообщил ей, что их враги куда-то уехали, она еще больше приободрилась; ей казалось, что все теперь будет как прежде.

К сожалению, она ошиблась. Теперь Джед, утомленный работой и своими ночными бдениями, даже если и приходил к ней в постель, то почти сразу засыпал. К тому же они очень редко разговаривали. И даже не спорили. Когда же все-таки общались, то произносили самые обычные слова, совершенно бессмысленные. И старались скрывать свои чувства. Они предпочитали не выставлять напоказ глубокие шрамы, которые остались в их душах, и делали вид, что в их жизни ничего не изменилось. Но тот благословенный день на склоне холма, когда жизнь была такой прекрасной, — тот день тускнел в их памяти, и

воспоминания о нем уже не казались такими яркими.

Как-то раз они сидели в хижине за ужином. Элизабет поставила на стол горшок с рагу и повернулась, чтобы взять поджаренные ломти кукурузного хлеба.

— Пахнет отлично, мэм, — тотчас же прокомментировал Дасти.

Рио усмехнулся:

— Она быстро учится. Верно? Скоро вам не потребуется такой опытный повар, как я.

Скунс загоготал:

— Опытный повар? Неужели это ты про себя? Вытянув под столом ноги, Джед смотрел на Элизабет, склонившуюся над очагом. От жара щеки ее покраснелись, а выбившиеся из прически пряди делали ее еще более женственной. Однако ему казалось, что жена похудела. Может, только казалось? Джед пытался убедить себя в том, что Элизабет вполне здорова.

— На этой неделе, наверное, закончим клеймить скот. — пробормотал он, окинув взглядом друзей. — Думаю, что когда мы отделим молодняк от более взрослых...

Они все услышали топот копыт. Джед первым вскочил на ноги. Схватив ружье, он бросился к закрытой двери. Его жена в ужасе вскрикнула и уронила на пол тарелку, которую собиралась поставить на стол. Скунс, Дасти и Рио выскочили из-за стола и, подбежав к Элизабет, закрыли ее. У всех троих в руках появились пистолеты.

Из-за двери послышался хрипловатый голос:

— Дружище, положи эту гнусную штуку, пока она не выстрелила. Неужели надо непременно дырявить своих гостей?

Джед улыбнулся и, отложив ружье, вышел из хижины.

— Рад видеть тебя, Сэм Хьюстон! Что ты делаешь в здешних лесах? Тебя вышибли из Штатов?

— Гораздо хуже. Мои друзья тexasцы выбрали меня на высокий пост, — спешившись, ответил Сэм.

Тут к двери подбежала Элизабет. Она с радостной улыбкой смотрела на гостя. Генерал Хьюстон был в куртке из оленьей кожи, в широкополой шляпе и в сапогах для верховой езды. На ремне его болталась кобура с пистолетом. Но в остальном, по мнению Элизабет, он ничем не отличался от прежнего Сэма Хьюстона.

— Генерал Хьюстон! — воскликнула она, подбегая к гостю. — Какой приятный сюрприз!

Бросив поводья на коновязь, Сэм в изумлении уставился на Элизабет. Сначала она подумала, что генерал не ожидал увидеть ее здесь, поэтому и удивился; но тотчас же поняла: он поражен произошедшими в ней переменами.

И действительно, Элизабет Коулмен, которую Сэм Хьюстон знал в Алабаме, была безупречно причесанной цветущей красавицей в шелках и кринолине. Женщина же, которую он сейчас увидел, имела мало общего с той юной леди.

Ее волосы, выбившиеся из тугого узла на затылке, свисали на плечи влажными от пота прядями. Нос был усыпан веснушками, оттого что она много времени проводила под солнцем без шляпки или чепчика. А рука, которую она протянула ему, была огрубевшей, и кожа на ней шелушилась. При тexasской жаре было немыслимо носить семь нижних юбок; к тому же она не смогла бы содержать их в чистоте. Поэтому Элизабет давно отказалась от кринолина и носила всего одну муслиновую нижнюю юбку. Кроме того, она сильно похудела; под глазами ее залегли лиловые тени, а лицо утратило прежний цвет. Так что не было ничего удивительного в том, что мистера Хьюстона ошеломил ее вид. Но он, сделав

над собой усилие, поцеловал ее руку и с улыбкой проговорил:

— Миссис Филдинг, вы выглядите прелестно. И я необыкновенно рад снова увидеть вас. Ваше общество искупает все тяготы моего путешествия.

Элизабет заставила себя улыбнуться в ответ на эту вопиющую ложь.

— Кстати, примите мои запоздалые поздравления, миссис Филдинг, по поводу вашей свадьбы, — продолжал Сэм. — А вы, сэр, — он повернулся к Джеду, — самый удачливый человек, какого я знаю. Ну... может быть, после меня, — добавил он, снова обращаясь к Элизабет. — Рад сообщить вам, что я попросил мисс Маргарет стать моей женой и она, оказав мне честь, приняла мое предложение. Весной мы собираемся пожениться.

Забыв о своем замешательстве, Элизабет в восторге воскликнула:

— О, генерал Хьюстон! Я так счастлива за вас обоих! — Она схватила Сэма за руки глаза ее сияли. — Но я хочу узнать все подробности! О... мистер Хьюстон, прошу вас, заходите. Мы как раз сядились ужинать. Правда, у нас на ужин... — Она потупилась. — У нас все очень скромно. Сэм весело рассмеялся:

— Если это не жилистая говядина, то я с радостью приму ваше приглашение, миссис Филдинг.

Сэм вел себя как настоящий джентльмен и за ужином старался побольше говорить о том, что могло бы заинтересовать Элизабет. Он передал ей поздравления от отца и рассказал об алабамских новостях, о новейших модах и о том, кто и как устраивал званые вечера в последнее время. Поведал также о рожденьях, браках, помолвках и о многом другом.

Элизабет слушала с величайшим вниманием и почти не прикасалась к еде. Несколько раз она перехватывала взгляд Джеда — он смотрел на жену с каким-то странным выражением на лице, однако Элизабет не придавала этому значения.

Когда она поднялась со своего места, чтобы подать на стол пирог с дикими ягодами, Джед, повернувшись к гостю, спросил:

— Так что же привело тебя сюда? Сэм усмехнулся:

— Видите ли, пока я бездельничал и разъезжал по штату Теннесси, мои добрые тexasцы избрали меня в палату представителей, и сейчас я держу путь в Остин.

— И вы направились туда окружным путем, генерал? — подал голос Скунс.

Мужчины вопросительно взглянули на гостя. Все знали, что Сэм Хьюстон — друг Джеда, но, с другой стороны, генерал был не таким человеком, чтобы наносить светские визиты. Все прекрасно понимали: Сэм приехал на ранчо не только для того, чтобы поздравить новобрачных. Более того, никто не сомневался: новости, которые привез гость, не из приятных.

И действительно, Сэм внезапно помрачнел и, понизив голос, проговорил:

— Я думал, что вам будет интересно кое-что узнать. В Накогдочесе большие неприятности.

Элизабет поставила перед мужем тарелку с куском пирога, но Джед лишь мельком взглянул на него.

— Ламар? — спросил он, пристально глядя на Сэма.

— Благодарю вас, миссис Филдинг. Он выглядит очень соблазнительно. — Сэм взял вилку, но даже не прикоснулся к своему куску пирога. Когда Элизабет отвернулась, гость положил вилку на стол. — Этот безумец... — В голосе Сэма прозвучала такая ярость, что Элизабет вздрогнула и обернулась. — Он уничтожит все, что мы создали...

Джед нахмурился:

— Что же он натворил теперь?

Элизабет вернулась к столу с кусками пирога для Дасти и Скунса.

Сэм между тем продолжал:

— Ламар решил, что земля в резервации Накогдочес ничья и ее можно захватить. Он решил воспользоваться этой землей и одарить ею своих друзей. Поэтому согнал с нее чероки. Вождь Боул пытался договориться с ним, но он призвал на помощь армию. Все закончилось резней. Не пощадили никого — ни детей, ни женщин, ни стариков...

В комнате воцарилось тягостное молчание. Наконец Джед пробормотал:

— Мне очень жаль, Сэм...

Рука Хьюстона, лежавшая на столе, сжалась в кулак. Лицо его исказилось, словно от боли, и он сквозь зубы пробормотал:

— Вождь Боул мертв...

И снова воцарилось молчание. Элизабет, конечно же, понимала, какие чувства обуревали Сэма и Джеда. Она знала, что у генерала Хьюстона и ее мужа были друзья среди индейцев чероки. Но как теперь они поступят, что предпримут в сложившейся ситуации, — об этом Элизабет не могла даже догадываться.

Наконец Дасти, прервав затянувшееся молчание, проговорил:

— Значит, они вышли на тропу войны?

Вернувшись к столу с двумя последними кусками пирога, Элизабет в тревоге взглянула на генерала Хьюстона. „Тропа войны“. Дома, в Алабаме, читая газеты, она встречала иногда эти слова и слышала их в разговорах мужчин о западных территориях. Но они, эти слова, никогда не имели для нее особого значения, никогда не волновали ее, не тревожили, не пугали... Однако теперь, когда она была в Техасе, — теперь эти два слова наполнились вполне реальным содержанием.

Немного помолчав, Хьюстон ответил:

— Индейцев оттеснили за Ред-Ривер, но они не намерены мириться с этим. Можете не сомневаться... — Еще больше помрачнев, Сэм продолжал: — Чероки всегда старались жить в мире с белыми людьми, но их воины не забыли, как держать в руках оружие. Уже приходят сообщения о стычках. Было несколько нападений на поселенцев.

Элизабет не смогла удержаться от вопроса.

— Где? — спросила она.

Сэм бросил на нее взгляд и тотчас же осознал свою оплошность. Он виновато посмотрел на Джеда и поспешил успокоить Элизабет:

— Вам не стоит волноваться, миссис Филдинг. Я не хотел напугать вас. Вы здесь в полной безопасности и должны знать об этом.

Но Элизабет знала только одно: над ее домом снова нависла угроза и ее жизни снова угрожала опасность — пусть даже она не знала, какая именно.

Элизабет посмотрела на Дасти; ей вдруг вспомнился его рассказ о нападении индейцев... Повернувшись к мужу, она проговорила:

— Ты ведь, кажется, говорил, что чероки — цивилизованные люди. — В голосе Элизабет помимо ее воли прозвучал упрек.

Джед внимательно посмотрел на жену.

— Любой человек попытается дать отпор, если его довести до отчаяния, Элизабет. Даже самый цивилизованный.

Едва ли эти слова могли успокоить ее. А ведь она ждала от мужа поддержки и

утешения, и он должен был это знать.

Тут Сэм вдруг оживился и с наигранной бодростью воскликнул:

— О Господи, я совсем забыл о том, как надо вести себя за столом! Ну и манеры! Индейцы — не самая подходящая тема для застольной беседы. Нам следует поговорить о чем-нибудь другом. — Сэм улыбнулся и сунул руку в карман. — Миссис Филдинг, смею заметить, что ваша красота и ваша отменная кухня способны лишить рассудка любого мужчину, и я чуть не забыл... Я привез вам письма от вашего отца и от моей невесты.

Элизабет схватила протянутые ей письма и на время забыла об индейцах и прочих опасностях. Аккуратно сложенные листки бумаги с восковыми печатями казались ей сейчас настоящими сокровищами.

С улыбкой взглянув на Сэма, она воскликнула:

— О, генерал Хьюстон, благодарю вас! Ведь прошло столько времени!..

Ей хотелось немедленно вскрыть письма и прочесть их, но Элизабет знала, что это было бы невежливо по отношению к гостю. К тому же она понимала, что гораздо приятнее читать письма в полном уединении, смаковать каждое слово, перечитывать каждую строчку снова и снова...

Элизабет со вздохом опустила на стул.

Дасти, расправившись со своим куском пирога, заявил:

— Никогда не ел ничего вкуснее, миссис Филдинг. Элизабет одарила его ослепительной улыбкой:

— Спасибо, Дасти. Я испеку еще один, как только вы соберете ягод для него.

— Договорились, мэм. Это будет наша сделка. Поднявшись из-за стола, Дасти взял свое ружье и шагнул к двери. Обернувшись, сказал:

— Надеюсь, еще удастся поговорить с вами, генерал. Хочу послушать о хорошеньких девочках. Возможно, вы что-нибудь о них знаете.

За этой грубоватой остротой последовал взрыв мужского смеха, и Элизабет залилась румянцем. Впрочем, шутка Дасти ее не очень смутила — сейчас она думала лишь о письмах.

Скунс и Рио тоже вышли из хижины; им надо было накормить и напоить лошадей. Элизабет быстро убрала со стола и вымыла посуду. Джед с Сэмом все еще сидели за столом, но Элизабет не интересовалась их беседой. Сняв передник, она проговорила:

— Джентльмены, вы простите меня, если я ненадолго покину вас? Не хочу быть невежливой, но...

— Да-да, конечно, — улыбнулся Сэм. — Вы хотите прочесть письма, не так ли? А я как раз собирался предложить вашему мужу выйти на воздух выкурить сигару.

Элизабет ответила генералу благодарной улыбкой. Джед встал из-за стола.

— Давненько мне не приходилось курить хорошие сигары, Сэм. Ты не сам их крутишь, нет?

Мужчины, посмеиваясь, вышли из хижины. Элизабет с минуту поколебалась, прежде чем скрыться за одеялом. Опустившись на кровать, она распечатала письмо отца. Прочитала первые слова — и глаза ее затуманились слезами.

„Моя бесценная девочка...“

Ей пришлось на несколько минут оторваться от письма — слезы мешали читать.

„Папа, — думала Элизабет, и в сердце ее разрасталась боль, парализовавшая волю и чувства. — Папа, мне так тебя недостает“.

Наконец, взяв себя в руки, она вернулась к чтению.

„Для мужчины горчайшая судьба — потерять дочь, отдать ее другому мужчине, и то, что сейчас я не могу быть с тобой, только удваивает эту горечь. И все же не стану сетовать на судьбу, ведь я хочу так много сказать тебе, особенно сейчас, когда мне ясно, что мое письмо дойдет до тебя через долгие недели, возможно, даже месяцы.

Письмо, написанное тобой в день твоей свадьбы, стало моим талисманом, который я храню возле сердца, потому что, перечитывая его, я понимаю: только величайшая любовь могла заставить тебя отказаться от привычного образа жизни и дать тебе мужество последовать в глухие и дикие места за твоим мужем. Должно быть, это такая же любовь, какую я питал к твоей матери, а она — ко мне, и если она принесет тебе хотя бы половину той радости, что черпали мы друг в друге, то это означает благословение Божие.

Я чувствую, что с моей стороны было большой ошибкой не узнать мистера Филдинга получше, но я много общался с мистером Хьюстоном и другими знающими его людьми, и они заверили меня в том, что он весьма достойный человек. Признаюсь, что на душе у меня тяжело, потому что меня страшит мысль о той жизни, что ты ведешь на границе, но я надеюсь убедить твоего мужа принять мою помощь. А теперь я только прошу его лелеять тебя и обращаться с тобой так, как должно и как ты заслуживаешь. Хотелось бы, чтобы в будущем он разрешил мне навестить вас или даже пожить вместе с вами в вашем доме.

Ты унаследовала мудрость своей матери, моя дорогая, и силу своего отца, и я не сомневаюсь, что ты станешь доброй и достойной женой для своего мужа. Мне очень недостает твоего общества — больше, чем можно выразить словами, но я желаю тебе счастья. Ты всегда останешься для меня самой любимой, как и теперь.

Твой обожающий тебя отец“.

Складывая письмо, Элизабет не могла удержаться от слез. Они падали на листок, как капли дождя, и чернила расплывались на бумаге. Ей так хотелось увидеть отца, так хотелось вновь почувствовать запах магнолий и водяных кипарисов и услышать негритянские спиричуэлз, звучавшие летними вечерами. Ей так не хватало обедов в особняке отца, не хватало яркого света множества свечей, запаха воска и мерцания начищенного серебра. Ей хотелось услышать звуки фортепьяно и увидеть ласковую улыбку отца, слушающего ее игру. Суждено ли ей снова увидеть свой дом?

Он написал: „... только величайшая любовь могла заставить тебя отказаться от привычного образа жизни...“

Но было ли для нее достаточно этой любви?

Элизабет утерла слезы тыльной стороной ладони и распечатала письмо Маргарет. Визит Сэма Хьюстона и все, связанное с ним, было даром небес, и она решила, что не станет омрачать его недостойным чувством жалости к себе.

Она слышала, как Сэм и Джед вернулись в хижину. Мужчины топали сапогами и о чем-то негромко беседовали. Элизабет стала читать письмо Маргарет, и первые же строчки вызвали у нее улыбку.

„Элизабет, ты самая счастливая девушка на свете! Только подумать — ты сбежала в Техас со своим возлюбленным! Я всегда подозревала, что ты на это способна, но никогда не предполагала, что такое случится! Можешь мне поверить, у мамы еще более чопорный вид, чем всегда, и губы сжаты крепче, чем обычно...“

Элизабет быстро пробежала глазами эту часть письма. Она прекрасно представляла миссис Нэнси, вернувшуюся домой, и ей не хотелось надолго задумываться о том, как та

себя вела.

Элизабет продолжила читать письмо и одновременно прислушивалась к голосам мужчин — они сейчас стояли у самой двери и говорили об Алабаме. Маргарет писала о предстоящей свадьбе и своих планах.

„... Это, конечно, будет происходить на плантации, и, Бет, если бы ты только могла приехать, я считала бы себя самой счастливой девушкой на свете! Я заказываю в Париже платья для своих подружек — платья самого изысканного перламутрово-розового оттенка...“

Маргарет описывала и свое собственное подвенечное платье, а также называла имена гостей, которых намеревалась пригласить на брачную церемонию. Элизабет читала и отчаянно завидовала подруге. Эта свадьба должна была стать прекрасным и счастливым событием. Эта свадьба должна была стать такой, о какой она сама мечтала... Всю жизнь Элизабет мечтала о прекрасной и торжественной свадьбе. Она представляла, как спускается по дубовой лестнице, спускается, разодетая в кружева и украшенная жемчугами... Внезапно до нее донесся голос Джеда:

— Не могу поверить, что ты говоришь это серьезно, Сэм. Привезти сюда такую леди, как мисс Маргарет Ли, — да ты, должно быть, лишился рассудка.

— Я бы тоже никогда не подумал, что ты способен на подобный поступок. Но ведь привез же ты сюда мисс Коулмен...

Возникла пауза. Потом снова послышался голос Джеда:

— У меня не было выбора, только поэтому я привез сюда Элизабет.

— Я так и предполагал, — сказал Сэм. — Моя будущая теща пыталась проявлять деликатность, но все же пошли сплетни...

Элизабет вспыхнула. Вероятно, мужчины не подозревали о том, что их голоса хорошо слышны. Она знала, что должна была дать им понять, что слышит их, но не могла заставить себя сделать это. Совершенно утратив интерес к письму Маргарет, Элизабет прислушивалась...

Сэм продолжал:

— Должен тебе сказать, что ее отец был очень огорчен. Но я заверил его, что ты позаботишься о его дочери. Надеюсь, что ты не выступишь перед ним лжецом.

— Ты ведь хорошо меня знаешь, Сэм. — Джек немного помолчал, потом вновь заговорил: — Я взял на себя ответственность за нее. И сделаю все возможное...

— Уверен, у тебя это прекрасно получится, — с усмешкой проговорил Сэм. — Я всегда знал: тебе нужна хорошая жена.

— Заботиться в Техасе о женщине — тяжкая ответственность, Сэм, поверь мне.

Сэм снова усмехнулся:

— Готов побиться об заклад, что твоя молодая жена сама сможет позаботиться о себе, если ты дашь ей шанс.

Джек фыркнул:

— Ты не в своем уме, Сэм. Я всегда говорил: ты мало знаешь о женщинах, меньше, чем любой известный мне человек. Мисс Маргарет Ли... Она здесь не выживет. Ты же знаешь, какая здесь жизнь. И я не думаю, что ты захочешь предложить такую жизнь мисс Маргарет.

Сэм рассмеялся:

— Ты должен понять одну вещь, мой мальчик. Эти леди-южанки гораздо сильнее, чем кажутся. По правде говоря, я думаю, что они самые стойкие женщины в мире. Разве твоя

молодая жена не доказала этого?

В ожидании ответа Джеда Элизабет затаила дыхание. Она уже столько горьких истин от него наслушалась... Нет, она не станет слушать ответ мужа.

Поднявшись с кровати, Элизабет с веселой улыбкой на устах вышла к мужчинам. Они бросали на нее испуганные, почти виноватые взгляды, но она с невозмутимым видом проговорила:

— Маргарет написала мне замечательное письмо, генерал Хьюстон, но она только разожгла мое любопытство. Мне бы так хотелось узнать все подробности! Пожалуйста, если это вас не затруднит, расскажите мне о ваших планах и о будущей свадьбе.

Вечер тянулся до бесконечности долго. Как ни радовался Джед гостю, он предпочел бы, чтобы Сэм нанес ему визит в более подходящее время. Возможно, для такого визита вообще не было подходящего времени, потому что приезд генерала в любом случае напомнил бы Элизабет о том, чего она лишилась.

Сначала Джеду показалось, что неожиданный приезд друга — именно то, что требовалось Элизабет. Он заметил, как засверкали ее глаза, как она оживилась, увидев гостя. А потом, уже сидя за столом, Сэм передал ей письма от отца и подруги, и Джеду показалось, что в этот момент жена была по-настоящему счастлива.

Но теперь Джед понимал, что ошибался. Понимал, что жена завидует подруге и тоскует по дому. Причем именно сейчас для этого было самое неподходящее время.

Уже далеко за полночь — Скунс в это время стоял вторую вахту, а Рио и Дасти пошли к себе, чтобы немного поспать, — Элизабет вышла из хижины. Джед полагал, что она решила подготовиться ко сну, и предложил Сэму выкурить по сигаре. Мужчины подошли к двери, закурили. Сэм негромко проговорил:

— Я слышал о твоих затруднениях.

Джед смотрел в сторону кораля. Он заметил у изгороди Элизабет, гладившую гриву чалого. Сейчас она казалась ужасно одинокой и несчастной.

— Ничего, — ответил Джед, — я справлюсь. Сэм внимательно посмотрел на него.

— Не знал, что все так обернется. Не могу тебе помочь, но чувствую свою вину. Ведь это я свел тебя с Хартли.

Джед пожал плечами:

— Иногда случается так, что неприятности сами находят человека. Не могу никого в этом винить.

— Хочешь, чтобы я попытался это как-нибудь уладить.

— Нет, все зашло слишком далеко. А мне случалось бывать и в худших переделках.

Сэм проследил за его взглядом и разглядел в сумрак фигуру Элизабет.

— Она знает?

— Нет, у нее и без того достаточно оснований для беспокойства.

Сэм снова посмотрел на друга.

— Она еще может удивить тебя.

Джед ничего не ответил.

Сэм бросил еще дымившуюся сигару на землю и затоптал окурок. Потом сказал:

— Мы прошли вместе огонь и воду, мы прошли через ад, Джед. Мне приятно сознавать, что я смог кое-чему научить тебя, и Господь свидетель, что и ты кое-чему научил меня. Но должен тебе сказать: человек, стоящий сейчас рядом со мной, — величайший глупец на свете.

Джед снова промолчал.

Сэм кивнул в сторону кораля.

— Ты влюблен в свою жену, но даже не знаешь об этом. Джед усмехнулся:

— Полагаю, что это ты глупец, Сэм Хьюстон. К тому же ужасный фантазер.

— Верно, — кивнул Сэм. — Кроме того, я очень счастливый человек. — Он окинул взглядом двор. — Сегодня я собираюсь спать под открытым небом. Не повредит, если этой

ночью во дворе будет еще один человек с ружьем. Просто так, на всякий случай.

Сэм уже отошел от хижины на несколько шагов, когда услышал голос друга.

— Это не важно, — сказал Джед. Сэм обернулся.

Джед взглянул на кончик своей сигары. Потом перевел взгляд на Сэма.

— Любовь не так важна, если подумаешь обо всем остальном в жизни. Она не имеет такого уж большого значения.

Хьюстон улыбнулся.

— Ошибаешься, — возразил он. — Уверю тебя, ты ошибаешься. Только любовь имеет значение.

Когда шаги Сэма затихли в глубине двора, Джед отбросил сигару и направился к жене.

Упершись в изгородь коралля, Элизабет смотрела на звезды, сверкавшие над ее головой.

Свет бесчисленных звезд пронизывал темноту, и Элизабет никак не могла отыскать среди них свою „одинокую звезду“. Как все просто и ясно было той ночью, когда она стояла на палубе корабля, ожидая мужчину, которого любила. Как все ясно было тогда.

Она была тогда почти ребенком, мечтательной девочкой. Что случилось с ее мечтами?

Как могло случиться, что она оказалась в этом жутком месте — одинокая и неуверенная в себе? Теперь уже она не понимала этого.

А ее дом в Алабаме... Сейчас он казался совершенно нереальным.

Маргарет, отец, миссис Ли... В какой-то момент ей казалось, что она видит их лица и даже беседует с ними... Но теперь воспоминания ускользали, как исчезают при пробуждении порождения снов. Узнали бы они ее сейчас, если бы увидели? Должно быть, даже отец не узнал бы свою маленькую девочку в этой измученной заботами и страхом женщине.

Где-то вдали жалобно завыл койот, его вой эхом прокатился по безлюдным холмам.

Элизабет невольно поежилась. Ей подумалось, что она никогда не сможет забыть этот жуткий вой — даже если когда-нибудь вернется в Алабаму.

Почувствовав прикосновение к своему плечу, Элизабет вздрогнула от неожиданности — Джед, умевший ходить абсолютно бесшумно, точно индеец, стоял рядом с ней.

— Прости, я не хотел тебя напугать, — пробормотал он с улыбкой.

Она попыталась улыбнуться ему в ответ.

— Боюсь, я стала слишком нервной. Вздрагиваю от каждого звука.

Ей хотелось сейчас положить голову на плечо мужа. Хотелось, чтобы он обнял ее, утешил, успокоил... Он так давно не держал ее в объятиях. Она жаждала его теплоты и сильных рук, хотела прижаться к нему и почувствовать, как поднимается и опускается его грудь, хотела услышать, как бьется его сердце. Но он был таким недоступным, таким далеким. И сейчас казался всего лишь тенью в сумраке ночи, бесплотной тенью, напоминавшей о прошлом.

Элизабет отвернулась и стала смотреть на лошадей.

Немного помолчав, Джед сказал:

— Приятно было повидать Сэма. Она невольно улыбнулась:

— Да, конечно.

Джеду хотелось прикоснуться к ней, обнять ее, прижать к груди, но он не мог заставить себя сделать это. Он чувствовал себя неловким, неуклюжим; ему казалось, он не сможет успокоить жену, не сможет сделать ее счастливой.

— Мы могли бы поехать на свадьбу, если хочешь, — сказал он неожиданно.

Элизабет даже не взглянула на него.

— Да... это было бы неплохо. — Она не верила в такую возможность, и в голосе ее не было радости.

Джед внимательно посмотрел на жену. Ему казалось, что она замерзла, хотя ночь была теплой. И он снова почувствовал, что хочет обнять ее, согреть...

Глядя на утонувшие во тьме холмы, он проговорил:

— Надеюсь, ты не станешь волноваться из-за того, что сказал Сэм об индейцах. Нет никаких оснований...

— Нет-нет, — поспешно ответила она, — я не волнуюсь. Но Джед знал, что жена напугана. Почему же она не сказала ему об этом? Прежде она не боялась говорить ему обо всем, что ее тревожило.

Джед посмотрел на ее руку, лежавшую на изгороди. На безымянном пальце — колечко из ивовой коры. Он помнил тот день, когда подарил жене кольцо, но казалось, это было много лет назад, в какой-то другой жизни.

Может, взять ее сейчас за плечи и обнять, привлечь к себе? Что она почувствует, как отреагирует? Ему казалось, он уже очень давно не держал ее в объятиях, хотя с того дня, когда он подарил жене колечко из ивовой коры, прошла всего неделя. Да, он помнил тот чудесный день, но не знал, как вернуть те прекрасные мгновения, не знал, как вернуть в их жизнь сияние солнца, Джед откашлялся и проговорил:

— Когда Сэм привезет сюда свою молодую жену, ты сможешь навещать ее. Мы съездим в Остин, или она приедет сюда. Тебе будет полезно и приятно время от времени видеться с подругой.

— Да. — Она по-прежнему смотрела прямо перед собой, и было очевидно, что ее совершенно не обрадовали слова мужа.

Он никогда еще не видел ее такой подавленной. Казалось, она уже ничего не ждала от жизни, не верила в счастье. Куда девалась прежняя Элизабет, веселая, с сияющими глазами? Он предпочел бы даже видеть гнев в ее глазах. Джед чувствовал: жена становится чужой и с каждым мгновением ускользает от него все дальше, однако он не знал, как вернуть ее.

Но ведь он любит ее. Неужели Элизабет этого не понимает?

Джед положил ладонь на ее руку и ощутил прохладу ее кожи, услышал, как она судорожно вздохнула, будто всхлипнула, когда он прикоснулся к ней. Неужели он так давно к ней не прикасался?

Джед тихо сказал:

— У тебя холодная рука.

— Со мной все в порядке.

Но в голосе ее звучало волнение, и она чуть задышалась.

Между ними было слишком много недосказанного. Джед понимал, что обидел жену, и знал об этом, но сколько раз он обижал ее, не понимая, что обижает. И сейчас он хотел сказать, что жалеет об этом. Хотел все исправить, хотел, чтобы все у них было как прежде.

Он хотел обнимать и утешать ее, хотел погрузиться в нее, отдать ей часть себя, потому что она нуждалась в нем. Но будет ли этого достаточно?

Джед легонько сжал ее запястье и, отступив от ограды коралля, привлек к себе. Элизабет подняла на него глаза, и во взгляде ее был вопрос; казалось, она не понимала, чего муж от нее хочет.

Сердце глухо забилося. Неужели они стали совсем чужими? Неужели за неделю их

отношения могли измениться?

Джед долго смотрел жене в глаза. Наконец чуть хрипловатым голосом проговорил:

— Элизабет... идем со мной в дом.

Она опустила ресницы, и он не видел выражения ее глаз. Но она прижалась щекой к его плечу, и он почувствовал, что сердце его переполнилось любовью и нежностью к ней.

Джед обнял жену за талию и повел к дому. Пропустив вперед, плотно прикрыл за собой дверь. Элизабет тотчас же направилась к кровати и задернула одеяло, отделявшее ее от остальной части комнаты. Она ужасно нервничала. И не была уверена, что хочет сейчас близости. Правда, прежде она никогда не отказывала мужу — даже и не помышляла об этом, но теперь...

Теперь она не знала, чего хочет. Она боялась, что их отношения изменились и никогда не станут прежними. Но что именно изменилось в их отношениях? Возможно, в тот день, неделю назад, она подвела его. Хотя не исключено, что это Джед подвел ее. Теперь муж стал для нее чужим. И он смотрел на нее... как на чужую. Да, теперь все изменилось...

Пальцы ее шарили по корсажу, но Элизабет так нервничала, что ей не сразу удалось распустишь шнуровку.

Она страстно желала, чтобы все у них стало как прежде, но ужасно боялась, что теперь это невозможно.

Джед отдернул одеяло, и она, вздрогнув, повернулась к нему. Он не стал прикручивать фитили в фонарях и даже еще не разделся, лишь стащил сапоги.

Пристально глядя в глаза жене, Джед положил руки ей на плечи и тихо проговорил:

— Если тебе сегодня этого не хочется, Элизабет, скажи мне.

Она медлила с ответом. Наконец прошептала:

— Да, я... хочу этого.

Она хотела, чтобы его руки обвились вокруг нее. Хотела, чтобы его сила стала ей защитой. Но возможно ли, чтобы все у них стало как прежде?

Она услышала тихий вздох мужа и заметила, как дрогнули ресницы Джеда, скрывшие от нее выражение его глаз. Запустив пальцы в ее длинные шелковистые пряди, он принялся вытаскивать шпильки. Джед улыбнулся, но его улыбка была неуверенной, и Элизабет поняла, что он волнуется.

— Я хочу, чтобы ты забыла все плохое, Элизабет, — проговорил он, прикоснувшись губами к ее лбу. — Поверь, только этого я хочу.

Она обвила руками его шею, и он осторожно прижал ее к себе. Потом его объятия стали более крепкими, и Элизабет, тихонько застонав, прикрыла глаза. Теперь ей уже казалось, что она ошибалась, казалось, что ничего между ними не изменилось за прошедшую неделю. Ведь ее обнимал Джед, мужчина, которого она любила. От него сейчас пахло дорогими сигарами, но это был все тот же Джед, хорошо знакомый и любимый. И она отчаянно нуждалась в нем, нуждалась больше, чем когда-либо.

Какое-то время он лишь сжимал ее в объятиях, даже не целовал. Наконец, отстранившись, взял ее лицо в ладони и заглянул ей в глаза. На губах его появилась чудесная улыбка, и он прошептал:

— Я очень тосковал по тебе.

Она тоже тосковала по нему, но в это мгновение не смогла сказать ему об этом — от волнения у нее перехватило дыхание. Тут руки Джеда потянулись к корсажу ее платья, и ей почудилось, что сердце ее подскочило к самому горлу. Не говоря ни слова и не сводя с нее

глаз, он начал расстегивать крючки. Муж никогда прежде не раздевал ее, и Элизабет подозревала, что обычно мужья не раздевают своих жен. Во всяком случае, она не ожидала, что Джек когда-нибудь захочет это сделать. И не знала, пожелает ли сама, чтобы муж раздел ее — этот процесс казался ей слишком интимным. Но сейчас, когда Джек расстегивал крючок за крючком на ее платье, она чувствовала, что именно это делает нынешнюю ночь такой новой... и волнующей. Вот почему Элизабет не остановила мужа, не воспрепятствовала, хотя и знала, что ей следовало бы проявить скромность и раздеться самой.

Расстегнув корсаж, Джек высвободил ее руки, спустил рукава платья, и оно соскользнуло на пол. Потом он развязал тесемки на нижней юбке, и несколько секунд спустя жена уже стояла перед ним в нижней сорочке и панталонах. Элизабет переступила через нижнюю юбку и отбросила ее в сторону.

Джек прошептал:

— Элизабет, ты прекрасна. Она потупилась.

— Вовсе нет. У меня уродливые руки. И я стала худая, как щепка. К тому же я теперь совсем не ухаживаю за своей кожей. Я... — Элизабет подняла голову и пристально взглянула на мужа. — Должно быть, тебе неприятно, что твой друг генерал Хьюстон увидел меня такой.

Лицо Джека исказилось болезненной гримасой. Он взял Элизабет за руки и, легонько сжав их, проговорил:

— Нет, мне нисколько не было неприятно.

Он поднес ее руки к губам и поцеловал сначала одну руку, потом другую. Затем обнял жену за талию и привлек к себе. В следующее мгновение Элизабет почувствовала, как его ладони легли ей на ягодицы. И почти тотчас же он крепко прижал ее к себе, и она ощутила, как набухает и твердеет мужская плоть. Сердце Элизабет бешено колотилось, щеки пылали — никогда еще Джек не действовал так решительно, к тому же при свете нескольких фонарей.

Элизабет подняла руку и, прикоснувшись к груди мужа, ощутила мощное биение его сердца. Затем рука ее скользнула за ворот рубашки Джека, и она почувствовала жар его тела, почувствовала, как напряглись выпуклые мускулы на его груди.

Джек шумно перевел дух и еще крепче прижал жену к себе. И тотчас же руки ее обвили его шею, и их губы слились в поцелуе. Элизабет чувствовала, что Джек нужен ей, сейчас — больше, чем когда-либо.

Наконец он прервал поцелуй и, осторожно приподняв пальцами ее подбородок, заглянул ей в глаза. Его же глаза были затуманены страстью, и в них горел свет, наполнивший ее всю. Казалось, его глаза говорили, что он принадлежит ей. Тут руки Джека спустились к бретелькам на ее сорочке; он потянул за них и, обнажив ее плечи, спустил сорочку до талии. Потом развязал пояс панталон, и она ощутила ласку его пальцев. Когда же Джек снял с нее сорочку, Элизабет предстала перед ним обнаженная. Каждый его взгляд был для нее как поцелуй огня, обжигавшего и вызывавшего трепет.

Внезапно он обнял ее за плечи и пристально посмотрел ей в глаза, и она наконец решилась... Решилась, потому что Джек был ее мужем. И потому что этой ночью он принадлежал ей.

Дрожащими пальцами Элизабет расстегнула пуговицы на его бриджах и ощутила силу восставшей мужской плоти. Она спустила бриджи ниже, и они соскользнули на пол. Джек

переступил через них и отбросил ногой в сторону. Затем положил ладони ей на бедра. Элизабет невольно опустила глаза. Никогда прежде она не рассматривала мужа так, как сейчас, при ярком свете. И теперь смотрела на него как зачарованная, хотя и испытывала смущение. Сердце ее гулко билось, ноги подгибались, и она ощущала жар и томление внизу живота.

Они довольно долго так стояли, и Элизабет чувствовала, что кровь по ее жилам струится все быстрее. Потом Джед вдруг крепко прижал ее к себе, и она услышала, как бьется его сердце — оно билось в одном ритме с ее сердцем, словно они стали единым существом. В следующую секунду Джед подхватил ее на руки и осторожно уложил на кровать. Он склонился над ней, и ей показалось, что в глазах его сияют все цвета радуги. Элизабет протянула к нему руки, но он отстранил их и с ласковой улыбкой проговорил:

— Нет, сегодня моя очередь...

И без единого слова он принялся ласкать ее с нежностью легчайшего ветерка. Снова и снова он поглаживал ее, будто играл на всех струнах ее тела, и в этих нежных прикосновениях Элизабет впервые ощутила его любовь. Джед завораживал, гипнотизировал ее своими ласками, и она уже не чувствовала собственного тела под этими прикосновениями — ничего на свете больше не осталось, кроме Джеда. Сладостное томление, граничившее с болью, уносило ее в чудесный мир наслаждения.

Ее глаза были широко раскрыты, и хотя их туманила дымка восторга, она все же видела над собой лицо Джеда, когда он наконец вошел в нее. Она видела, как его глаза то затуманивались, то вновь начинали сиять. Сливаясь с ним воедино, она думала: „Да, так и должно быть. Ничего не изменилось“.

Элизабет запустила пальцы в густые волосы Джеда, и лицо его озарилось улыбкой. Наслаждаясь каждым мгновением их близости, она думала: „Конечно же, все у нас будет хорошо, с нами не может случиться ничего худого, пока мы вместе“.

Стараясь продлить чудо слияния, Джед двигался медленно, и они словно парили над землей, содрогаясь и трепеща в моменты наивысшего наслаждения. Но вот мгновения страсти миновали, а они по-прежнему сжимали друг друга в объятиях. Отдышавшись, Джед поцеловал жену и прошептал:

— Я хочу, чтобы так было всегда.

Она тоже всем своим существом желала этого, — чтобы они никогда не расставались, чтобы всегда, как теперь, могли держать друг друга в объятиях, наслаждаясь ощущением покоя и безопасности. И все же она чувствовала, что муж словно ускользает от нее, что он снова возвращается в свой собственный мир, чуждый и непонятный ей. Джед ускользал от нее, и ничто не могло удержать его.

Теперь они уже слышали звуки ночи — слышали похрапывание лошадей в корале, трели древесных лягушек и чье-то покашливание во дворе. Привычный мир вторгался в их уединение, а Джед по-прежнему ускользал от нее.

С отчаянием в голосе она прошептала:

— О, Джед, иногда мне бывает так страшно! Он коснулся губами ее волос.

— Отчего?

— Не знаю.

Ее рука, лежавшая на его груди, сжалась в кулак. Но как же сказать ему?.. Как объяснить, чего она боялась на самом деле?.. Она боялась не индейцев и не пуль, не того, что состарится и станет безобразной в этом диком пустынном месте. Она боялась гораздо

худшего, боялась... чего-то опустошающего, необъяснимого...

Джед снова поцеловал ее.

— Элизабет, я позабочусь о тебе. Обещаю! Ты знаешь, что я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Она слышала решимость в его голосе и почувствовала, как напряглись его мускулы. Но вовсе не это ей хотелось услышать от него. Она хотела быть уверенной, что муж, утром покидающий ее, вечером непременно вернется домой, что каждую ночь он будет лежать с ней рядом — как сейчас. Она хотела, чтобы к ней снова вернулся смех, чтобы к ней вернулись мечты о счастье. Она хотела вновь стать свободной и избавиться от страха.

Пытаясь заглянуть мужу в лицо, она проговорила:

— Джед, так не должно быть. Мы не должны все время жить в страхе. Никто не стал бы покушаться на твой хлопок. Папа хочет нам помочь. Он написал, что мог бы помочь. Если бы ты только мог подумать об этом, если бы мог поговорить с ним... Пожалуйста!..

В следующее мгновение она почувствовала, что муж окончательно ускользнул от нее, теперь рядом с ней лежал совсем другой Джед.

Когда он заговорил, в голосе его была усталость:

— Элизабет, попытайся понять...

— Я не хочу понимать! — Пальцы ее вцепились в плечо мужа. — Я хочу, чтобы все было по-другому. Хочу... — Она с трудом удерживалась от слез. — Я хочу, чтобы ты был в безопасности и оставался со мной. И чтобы мы с тобой были счастливы... Я хочу быть счастливой с тобой! И всегда этого хотела!

— Знаю, Элизабет, — прошептал он с нежностью в голосе и крепко прижал ее к груди.

И тотчас же ее затопило сознание собственной вины, потому что она поняла, что была несправедлива к мужу, поняла, что обидела его. Ей хотелось взять свои слова обратно, хотелось вычеркнуть их из памяти. Ведь муж подарил ей в эту ночь чудесные мгновения — подобного ей еще не доводилось испытывать. Да, сегодня они были близки, как никогда прежде. Но, увы, эти прекрасные мгновения миновали, канули в вечность, и теперь оказалось, что ничего не изменилось в их отношениях.

Все осталось как прежде.

Джед сел на постели. Пытаясь прижаться к нему, Элизабет прошептала:

— Прости, я не хотела тебя обидеть. — В глазах ее блестели непролитые слезы. — Джед, не уходи.

Муж внимательно посмотрел на нее, и она увидела печаль в его глазах. Нежно поцеловав ее, он тихо проговорил:

— Я должен, Элизабет. Следующая вахта моя.

Она тяжело вздохнула и опустила глаза. Мир стал прежним; на какое-то время им удалось вернуть утраченное счастье, но ничто не могло продлить это счастье. Никогда в жизни Элизабет не чувствовала себя такой усталой. Она молча кивнула — ей нечего было сказать.

Джед тоже молчал. Одевшись, он окинул взглядом комнату. Ему не хотелось покидать жену. И он, конечно же, хотел, чтобы все у них было по-другому. Но он ничего не мог изменить.

Склонившись над постелью, Джед нежно поцеловал жену в щеку и почувствовал вкус ее слез. Ему казалось, что сердце его разрывается от боли. Увы, он не мог сделать Элизабет счастливой.

Сэм Хьюстон уехал на следующее утро, и его отъезд стал для Элизабет еще одним тяжким испытанием. Стоя у хижины, она махала ему рукой, и ей казалось, что она окончательно прощается с прежней жизнью.

Проводив друга, Джед тотчас же занялся своими обычными делами — ему не хотелось терять время. Но уже оседлав лошадь и проверив оружие, он вдруг понял, что ему не хочется покидать Элизабет — ведь между ними осталось слишком много недосказанного.

Все утро его не покидало какое-то смутное беспокойство, и, как он ни старался, ему не удавалось от него избавиться. Джед чувствовал, что это беспокойство каким-то образом связано с прошедшей ночью, а также с внезапным появлением на ранчо Сэма Хьюстона и с его отъездом. И он понимал, что беспокойство вызвано чувством вины и раскаянием. Но за этим крылось что-то еще... Его постоянно что-то нервировало, даже уязвляло, причем с того самого дня, как он впервые встретил Элизабет.

Тот день, когда он встретил ее... Сколько всего произошло с ним с того дня! И кто бы мог тогда сказать, что этот день навсегда изменит его жизнь?

Друзья начали проявлять беспокойство, и Джед понял, что больше медлить нельзя — солнце уже давно взошло. Он вывел лошадь из кораля, бросил поводья на коновязь и взглянул на Элизабет, выходившую из курятника с корзинкой яиц.

Она едва заметно улыбнулась:

— Ты собираешься уехать?

Джед кивнул и окинул взглядом окрестности. Что-то его беспокоило... но что именно? Он не знал этого, но чувствовал приближение опасности.

Снова взглянув на жену, Джед сказал:

— Элизабет, если ты неспокойна, я мог бы оставить с тобой кого-нибудь.

Она молча покачала головой. Ей не требовался страж. Не этого она хотела. Ей нужен был муж, — а он даже после прошедшей ночи все еще ничего не понимал. Но он пытался успокоить ее, он тревожился за нее — в этом она не сомневалась.

Сделав над собой усилие, Элизабет снова улыбнулась:

— Нет, я не волнуюсь. Кроме того, ты ведь должен работать.

Джед кивнул, но слова жены несколько его не успокоили. Никогда еще она не казалась ему такой хрупкой и беззащитной, как в это утро. Она пыталась улыбаться, но он видел, что жена ужасно нервничает. И еще... она очень похудела — он заметил это минувшей ночью.

Немного помедлив, Джед сказал:

— Сегодня мы вернемся пораньше.

Он не мог отвести от нее глаз, будто, глядя на нее, надеялся преодолеть свое беспокойство. А Элизабет смотрела на него с некоторым удивлением; казалось, она пыталась понять, почему муж так странно ведет себя в это утро.

И тут его поразила мысль: если он сейчас уедет, то больше никогда не увидит жену.

— Что ж, поезжайте, — сказала Элизабет. — А я собираюсь нарезать немного ветчины, что привез Сэм. Приятно, когда есть что-то, кроме говядины, правда?

Джед заставил себя улыбнуться.

— Да, конечно.

— Солнце уже высоко, босс! — закричал Скунс. Джед вновь взглянул на жену.

„Элизабет, — думал он, — я не хочу оставлять тебя“.

Мысль о том, что он больше никогда не увидит ее, не оставляла его. От этой мысли его обдало холодом, и он остановился, не сделав и полшага. Джед помотал головой и расправил плечи. Как глупо он себя ведет... И все из-за того, что произошло между ними прошедшей ночью. Он стал чувствительным и сентиментальным, как женщина.

Да, как женщина...

И тут его осенило. Джед вдруг понял: то, что он чувствовал сейчас, Элизабет испытывала каждый день, провожая его. Каждый день он видел страх в ее глазах — страх, угнетавший ее день за днем, страх, не покидавший ее ни на минуту. Теперь он знал, что она чувствует.

В сущности, понять это было не так уж сложно, но он понял жену лишь сейчас. Да, лишь сейчас он понял, что происходило в ее прелестной головке, — наконец-то ему это удалось.

Джед подошел к жене почти вплотную и взял ее за руку. Немного помолчав, проговорил:

— Элизабет... я счастлив, что ты моя жена.

Ее глаза широко раскрылись, и он вдруг осознал, что никогда прежде не говорил ей этих слов. Возможно, потому, что раньше не понимал, что происходит в ее душе. Но он действительно был счастлив с ней — это было правдой, как и многое другое.

От внезапно нахлынувших на него чувств Джед ощутил слабость в ногах. Он осторожно взял жену за подбородок и, глядя ей в глаза, с улыбкой проговорил:

— Все будет хорошо, Элизабет. Я обещаю. Наклонившись, он поцеловал ее в губы. Его друзья, уже давно сидевшие на лошадях, переглядывались и ухмылялись. Но Джед не обращал на них внимания. Чуть отстранившись, он снова посмотрел на жену. Какой она была прекрасной!

Тут снова раздался голос Скунса. Он прокричал:

— Эй, босс, если вы намерены продолжить, уж лучше мы поедem!

Джед улыбнулся.

— Мне надо ехать, Элизабет.

Она молча кивнула. Глаза ее сияли; губы были полуоткрыты. Джед провел ладонью по ее щеке и заставил себя оторваться от нее. Вскочив в седло, он обернулся. Затем взял в руки поводья и еще раз взглянул на жену, стараясь запечатлеть в памяти ее образ. „Сегодня вечером, — сказал он себе. — Сегодняшний вечер и ночь будут нашими“. Они будут разговаривать, как в начале знакомства, — нет, даже больше, гораздо больше. Они будут смеяться, возможно, поспорят. Они скажут друг другу самые важные слова и другие, не такие уж важные. И он скажет ей о том чуде, которое она совершила. Он расскажет ей обо всем — обо всех своих мыслях и чувствах.

Сегодня вечером кто-то другой будет нести за него вахту. Сегодня вечером у него найдутся более важные дела. Сегодняшний вечер он посвятит Элизабет. Потому что теперь он знает самое главное.

Конечно же, Сэм был прав. Только любовь имеет значение.

Он помахал жене шляпой и улыбнулся. Отъехав, еще дважды останавливался и оглядывался — просто для того, чтобы убедиться, что она смотрит ему вслед.

Проводив мужа, Элизабет занималась обычными хозяйственными делами. Но в это утро

все валилось у нее из рук, и ей никак не удавалось сосредоточиться. Перед ней то и дело возникало лицо Джеда, и она постоянно слышала его голос, постоянно думала о том, что произошло между ними ночью. После этой ночи она испытала привычные разочарование и горечь, но на какое-то время между ними возникло нечто удивительное и волшебное, что-то невероятно прекрасное. Значит, нельзя терять надежду. Значит, счастье возможно...

Вспомнив о визите Сэма, Элизабет вытащила из кармана письма, чтобы перечитать их. Но оказалось, что сегодня все слова приобрели совсем иное значение. Маргарет, чьему удивительному и прекрасному роману она всегда завидовала, казалась теперь ужасно далекой, и для нее не находилось места в жизни Элизабет. Сэм Хьюстон любил ее, и это было прекрасно. Но Маргарет не имела понятия о том, что значит жить с таким человеком, как Джек, и она не познала боль и страдания. Эта боль — тоска по дому — все еще жила в ней. Элизабет по-прежнему тосковала по Алабаме, но теперь уже не жалела о том, что покинула Ларчмонт и Спринг-Хилл. Теперь она знала: ее дом здесь, в Техасе. А как она изменилась за это время! Причем не только внешне. Теперь она умела готовить, могла починить куртку из оленьей кожи, а также научилась топить медвежий жир и варить из него мыло. Кроме того, научилась находить съедобные дикие овощи и разбиралась в травах и целебных растениях, которые можно было использовать для врачевания. Теперь она уже не походила на юную фантазерку и мечтательницу. Она стала взрослой женщиной, сумевшей создать свой дом, и этим можно было гордиться.

Перечитав письма, Элизабет сложила листки и заложила их между страниц книги. Она знала, что будет перечитывать эти письма снова и снова и каждый раз ей будет становиться грустно...

Но нет, она не грустила. Как она могла грустить, когда знала, что с первого взгляда полюбила Джеда, что у нее не было выбора?

Возможно, никто, кроме нее, не смог бы этого понять. А впрочем, никто и не должен был разбираться в ее чувствах.

Элизабет вышла из хижины и отправилась к ручью за водой. Муж обещал вернуться рано, и у нее еще было множество дел.

* * *

Едва хижина исчезла из виду, Джек почувствовал почти непреодолимое желание вернуться. Но на сей раз его гнало домой не страстное желание, не физическое влечение к Элизабет. Теперь это было нечто совсем иное. Это было предчувствие беды — предчувствие томительное и не проходившее. Джек не мог успокоиться и не мог сосредоточиться на деле. Повалив быка на землю, чтобы выжечь на шкуре животного тавро, он оступися и лишь чудом избежал перелома, однако ногу все-таки ушиб, и на месте ушиба тотчас вздулась огромная шишка. Джек ругал себя за глупость и беспечность, а Рио, глядя на него, ухмылялся и говорил о том, что в его нынешнем состоянии „некоторые части тела гораздо важнее ноги“.

Полчаса спустя Джек уже собрался снова сесть в седло, но вдруг заметил на земле следы индейских пони — их было множество, — а также следы мокасин. Джек склонился над следами — они были совсем свежие. Но его быки и лошади затоптали большую их часть, и он так и не смог определить, в каком направлении двигались индейцы. Ясно было только

одно: среди них — женщины и дети. Следовательно, это вовсе не охотничья вылазка.

Джед снял шляпу и утер пот со лба. Потом посмотрел в ту сторону, где находился лагерь чероки. Он мог добраться до него за полчаса.

Возможно, не было никакой опасности. Возможно, он неправильно истолковал приметы. В конце концов, это могла быть... если не охотничья вылазка, то, возможно, какая-то экспедиция.

И все же он никак не мог избавиться от страха, терзавшего его с самого утра.

Как бы то ни было, ему следовало увидаться с Красным Волком и рассказать ему о Накогдочесе, если до него еще не дошли слухи об этом. Он все откладывал, все медлил... Но очень может быть, что Сэм уже рассказал обо всем. И это означало...

Надев шляпу, Джед вскочил на лошадь.

— Рио! — крикнул он. — Я еду вон туда, за холм! Вернусь еще до полудня!

Рио помахал ему в ответ, и Джед, хлестнув свою лошадь, помчался в сторону индейского лагеря. Беспокойство его с каждой минутой росло, но он все еще надеялся на лучшее.

Ближе к полудню Элизабет взяла деревянную бадью и в очередной раз направилась к ручью за водой. Она чувствовала себя усталой, но в последнее время это случалось часто. К тому же жара и бессонная ночь способствовали усталости.

Элизабет снова вспомнила о доме... И подумала о том, что дома, в Алабаме, она не таскала бы тяжелые бадьи с водой. Дома она сидела бы на веранде в легком летнем платье, пила маленькими глоточками ледяной чай и грызла сахарное печенье, а двое рабов обмахивали бы ее веером из пальмовых листьев. Она бы болтала с подружками о приближающемся бале или слушала молодого священника, преподобного Эшбери, который читал бы ей что-нибудь из греческих поэтов. Потом она поднялась бы в свою затененную спальню, комнату с высокими потолками и обоями в цветочек, разделась бы до сорочки и улеглась на прохладные льняные простыни. Ее горничная принесла бы влажные, благоухающие лимоном салфетки и приложила бы их к ее вискам. И она закрыла бы глаза и уплыла в сон... А потом, ближе к вечеру, приняла бы ванну и переоделась к ужину...

Дом... Он казался таким же далеким, как звезды на небе.

У тополиной рощицы, отделявшей ручей от дома, она остановилась и осмотрелась. Полюбовалась маками и дикими ноготками, разросшимися вокруг их хижины. Взглянула на тонкую струйку дыма, поднимающуюся из трубы. Перевела взгляд на курятник — этот незыблемый бастион цивилизации. Элизабет вспомнила, как выглядело это место, когда она увидела его впервые, и улыбнулась.

Возможно, сделано было не так уж много, но теперь стало гораздо лучше, чем прежде. Возможно, этой осенью они смогут где-нибудь раздобыть семян, и к следующему лету у них появится собственный огород. И хорошо бы уговорить Джеда, чтобы он привел на ранчо молочную корову и раздобыл еще несколько кур — тогда бы у них было все для начала нормальной семейной жизни.

А как чудесно было бы иметь настоящую ванну и снова почувствовать прохладу хрустящих льняных простыней...

Элизабет вздохнула и снова зашагала к ручью, стараясь уберечь юбки от колючек и ветвей кустарника. Да, она получит свою ванну — это будет холодная вода ручья. Когда Джед вернется домой, она будет свежей и прелестной — специально для него. И докажет

ему, что ничего не боится, и скажет, что ей ужасно жаль, что она говорила ему раньше столько неприятных вещей.

Она докажет ему, что готова начать все сначала.

Элизабет поставила бадью у ручья и присела на траву, чтобы снять башмаки и чулки. Холодная вода ласкала пальцы босых ног, и это было восхитительное ощущение. Потом она вернется в дом, чтобы взять мыло и полотенце, и тогда сможет искупаться в ручье. Но пока что ей хотелось просто посидеть, поболтать ногами в воде и помечтать о сегодняшнем вечере.

Она все еще тосковала по дому. И, возможно, всегда будет тосковать. Но ведь можно навестить отца... Да и он мог бы навестить ее. К тому же скоро в Техас должна приехать и Маргарет. Так что ей, Элизабет, не грозит одиночество. И кто знает... Возможно, к будущему году... Она с мечтательной улыбкой провела рукой по своему плоскому животу, представляя, как он начнет расти и округляться, когда ей придет время носить ребенка Джеда. К будущему году все это станет возможным.

Все у них будет хорошо, Джек обещал...

Вытащив из воды ноги, Элизабет взяла ведро и наклонилась, чтобы наполнить его.

И вдруг услышала стук подков.

Деревню покинули — не было ни вещей, ни лошадей, и даже зола в очагах успела остыть. В этой жуткой и какой-то сверхъестественной тишине не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка, и леденящий страх сжал сердце Джеда.

На память ему пришли слова Красного Волка.

„Я не запятнаю кровью порога друга“, — сказал вождь.

Они узнали про Накогдочес и решили сражаться где-то в другом месте.

Красный Волк, его женщины, дети, его воины — все они покинули эти места, исчезли. А Элизабет осталась в хижине одна.

Джеду почудилось, что ясный день заволокло черной дымкой. Невозможно было отрицать очевидное, невозможно было не считаться с произошедшим. Он не стал терять время, не стал осматривать следы поспешного бегства индейцев. Он даже не стал размышлять о случившемся, потому что сразу все понял.

Развернувшись, Джек пустил лошадь в отчаянный галоп. Ветер рвал его рубашку, глаза слезились, и сердце гулко стучало в груди.

Он не должен был оставлять ее одну. Он ведь чувствовал сегодня утром! Он ведь знал это! Она ведь не умеет стрелять, не может даже воспользоваться оружием! Почему он не научил ее? Он должен был ее научить. Было столько возможностей — десятки, сотни, тысячи, а он упустил их, не воспользовался ими. А что, если она одна вышла из дома? Что, если уехала верхом, хотя он предупреждал ее, что этого делать не следует? Она никогда не слушала его, но он должен был заставить ее слушать, прислушаться! Она ничего не понимала. Он обещал защитить ее, но ведь ни разу не объяснил ей, в чем состоит опасность... Было сделано столько ошибок, что теперь лишь чудо может ее спасти.

Чувство вины мучило и терзало его. Сжимая зубы, он то и дело подгонял лошадь, но ему все же казалось, что он скачет слишком медленно.

Да, слишком медленно, он не успеет ее спасти!

Джек в отчаянии зажмурился.

„Господи, не дай этому случиться, — думал он. — Не дай мне увидеть то, что, как я

знаю, ждет меня...”

И тут он почувствовал запах дыма.

Элизабет уронила ведро. Видимо, инстинкт подсказал ей, что надо оставаться на месте. Затаившись в тополиной роще, она в ужасе смотрела на дом...

Их было множество — десятки, сотни, может быть, тысячи... Полуобнаженные, они кричали и вопили, а их искаженные злобой лица были в боевой раскраске. Казалось, все они были покрыты шрамами, а в волосах у них красовались перья.

Земля сотрясалась от стука копыт. Они палили в воздух из своих ружей, и пороховой дым затмил солнце. Они окружили хижину. Перепрыгивая через изгородь, топтали ее цветы. Они были повсюду, и казалось, что это демоны ада вырвались на свободу...

Элизабет упала на колени, крик замер в ее груди. Ей хотелось убежать, скрыться... Но куда? Она должна остановить их! Ведь это безумие! Это похоже на ночной кошмар, на страшный сон! Но она ничего не могла сделать.

Она слышала, как затрещали доски кораля. Обезумевшие от ужаса лошади Джеда били копытами, пытаясь вырваться на свободу, а дикари нахлестывали их. Завопил кабан, потом заголосили испуганные куры. Один из всадников въехал в дом, и Элизабет услышала жуткий треск и дикие вопли, от которых кровь стыла в жилах.

„Сделай что-нибудь! — кричал внутренний голос. — Беги, останови их!.. Сражайся с ними... Ты не можешь допустить, чтобы они... Господи, не допусти этого!“

Метрах в десяти от нее промчалась лошадь, взрывавшая землю копытами. Но всадник ее не заметил. Элизабет сидела за кустами, неподвижная, как ствол дерева. Она не разглядела лицо всадника. Оно показалось ей смутным пятном, а вся фигура всадника — кошмарным видением.

В следующее мгновение она увидела клубы дыма, вырывающиеся из двери хижины. А затем увидела пламя, лизавшее бревна стен. Теперь уже казалось, что огонь был повсюду... и все это напоминало ее кошмарный сон.

Но как такое могло случиться? Неужели ее ночные кошмары стали явью? Ведь Джек должен был прийти...

Но Джек не пришел. И все происходящее перед ее глазами не было кошмарным сном.

Она попыталась крикнуть, но не смогла. Она попыталась бежать, но не смогла даже пошевелиться. Парализованная ужасом, она смотрела на объятую пламенем хижину.

Домик, где ночевали люди Джеда, еще пылал, но от хижины, в которой жили они с Элизабет, осталось всего несколько дымящихся бревен да очаг, сложенный из камней. Кораль был разрушен, а лошади разбежались. По всему двору разлетелись перья кур, и двор был залит их кровью. Густая пелена дыма слепила глаза, и Джек не мог разглядеть всех деталей.

Но где же она? Ужас слепил и оглушал его. Все еще сидя в седле, он осматривался, но не видел ее, не мог разглядеть.

Джек соскочил с лошади и снова осмотрелся. Перед ним потрескивали догорающие бревна хижины.

И тут он увидел ее. Увидел маленькую фигурку, стоящую на коленях среди дымящихся остатков хижины. Платье ее было в пепле и в пыли, а растрепанные чолосы падали на плечи. Склонив голову, она что-то рассматривала на своей ладони. Джек рванул к ней и, схватив

за плечи, поднял на ноги.

— Элизабет... О Господи! Что случилось?.. — прохрипел он, в ужасе глядя на жену.

Джед чувствовал головокружение и слабость в ногах. О Господи, она жива! Жива, но... Он был даже не в силах протянуть к ней руки и прижать ее к себе.

Тут за его спиной с треском рухнула кровля домика, и на фоне ярко-голубого неба заплясали искры.

Элизабет вдруг протянула руку и сказала:

— Смотри, смотри, что они сделали. — Голос ее был неестественно спокоен; на ладени же лежали комок земли и раздавленные лепестки мака.

Джеда снова охватила паника. Он впился взглядом в лицо жены. Оно было перепачкано пеплом, залито слезами, и ему показалось, что жена постарела, ужасно постарела. Он взглянул на ее платье, во многих местах прожженное, и прошептал:

— Что они сделали с тобой? Они... прикасались к тебе? Они ранили тебя?

Она покачала головой. Лицо ее не выражало ничего, кроме бесконечной усталости.

— Они меня не заметили. Я спряталась от них. Джед почувствовал, что у него подкашиваются ноги.

— Индейцы, — продолжала она. — Они все сожгли.

Услышав стук копыт, Джед выхватил из кобуры пистолет. Обернувшись, увидел Дасти, спешившегося на скаку. Следом за ним подъехали Скунс и Рио.

— Мы увидели дым, — сказал Дасти, подходя к Джеду и Элизабет. — Миссис Филдинг, вы в порядке?

По-прежнему сидя в седлах, Скунс и Рио кружили по двору и громко ругались. Рис прокричал:

— Я ищу следы!

Скунс взглянул на Джеда и проговорил:

— Лошади подкованные.

Лицо Джеда почернело. Он сунул пистолет в кобуру и направился к своей лошади. Скунс спешил и придержал его за плечо.

— Уйди с дороги, — сказал Джед. — Я убью его!

— Не сейчас.

Джед сбросил с плеча руку Скунса, но тот ухватил его за запястье.

Джед вывернулся и закричал:

— Черт возьми, я сказал, чтобы ты не мешал мне! Клянусь Господом, что я пристрелю тебя первого!

Скунс прищурился.

— Ты, конечно, убьешь его. А если ты не сделаешь этого, то это сделаю я. Но сейчас тебе есть о ком позаботиться.

Скунс кивнул в сторону Элизабет. Рядом с ней стоял Дасти; он что-то говорил ей, но она, казалось, не слышала его.

Джеда переполняли ярость и ненависть — душили его, требовали выхода, движения, действия. Он жаждал правосудия. Он хотел казнить преступника немедленно.

Но сейчас рядом с ним была Элизабет, его жена, увидевшая, как ее дом пожирает пламя и как гибнет все ее имущество. Она смотрела на него, и он должен был подойти к ней.

— Джед, ты говорил мне, что индейцы не представляют опасности. Ты говорил, что они не нападут на нас.

Он шагнул к ней:

— Элизабет, это были не индейцы, это...

— Нет! — Она отшатнулась от него так стремительно, будто он ее ударил; и глаза у нее стали безумными. Она закричала: — Нет, я больше не хочу слушать твою ложь! Ты сказал, что я в безопасности! Ты сказал, что мне нечего бояться! Ты сказал, что позаботишься обо мне! А это... — Она протянула к нему сжатую в кулачок руку. — Вот что случилось! Посмотри, Джед! Посмотри, что они сделали! Не осталось ничего! Ничего! Ты обещал, что не допустишь!.. Но ты солгал! Ты солгал!

Лицо Джеда исказилось.

Элизабет с трудом перевела дыхание, медленно разжала руку, и лепестки упали на землю.

— Ты был прав, Джед, — продолжала она. — Ты ведь предупреждал меня обо всем, и, Господь свидетель, ты был прав!

Джед приблизился к жене и положил руки ей на плечи. Дасти отошел в сторону.

— Элизабет, они ушли. А я здесь. — Он пытался говорить спокойно, хотя сердце его разрывалось на части. — Я понимаю, что это значило для тебя, но теперь, когда все закончилось, теперь мы сможем...

— Нет. — Она покачала головой. — Нет, это никогда не закончится. Это продолжается и продолжается, и конца этому не будет. Зло таится в здешнем воздухе, в здешней почве, оно как болезнь, как инфекция... Я не могу так жить. Я никогда не предполагала, что буду жить так. Я возвращаюсь домой.

Ему показалось, что в сердце его вошло лезвие ножа. Он попытался прижать ее к себе.

— Элизабет, но ты дома...

Она вырывалась. Глаза ее вновь сделались безумными, а голос зазвучал пронзительно.

— Это не мой дом! — бросила она ему в лицо. — Я все здесь ненавижу и всегда ненавидела! Я пыталась сделать это домом, но от него ничего не осталось! Джед, неужели ты не видишь, что здесь ничего не осталось? Я могу пытаться снова и снова что-то сделать, пока не умру от усталости, но ты был прав — все равно это ничего не изменит. Ты всегда был прав!

Она наконец вырвалась и отпрянула от него, и он понял, что ее истерический припадок продолжается.

— Я возвращаюсь домой, ты слышишь меня? Я возвращаюсь домой, и ты не сможешь удержать меня!

Джед вновь схватил жену за плечи, но она молотила его кулачками и кричала:

— Отпусти меня! Это все твоя вина! Ты обещал!.. И больше я тебе не верю! Позволь мне уехать!

Джед понимал, что ему остается лишь прижимать жену к себе и держать так до тех пор, пока она не придет в себя, пока ее истерический припадок не прекратится.

— Элизабет, пожалуйста, не надо... — Он наклонил голову и уткнулся лицом в ее волосы. — Перестань, Элизабет.

От догоравших бревен валил тяжелый удушливый дым Дасти и Скунс, стоявшие чуть поодаль, молчали. Джед по-прежнему прижимал жену к себе, и ее силы наконец иссякли — Элизабет не могла больше сопротивляться. Ее безумные рыдания сменились икотой, и она, дрожа всем телом, прижалась к мужу.

„Ведь она лишь чудом избежала смерти, — думал Джед, и страх, поселившийся в его

сердце, разрастался, душил его. — Да, лишь чудом...“ Но опасность по-прежнему ей угрожала... Возможно, зло затаилось где-то рядом, в тени кустов, и ее могли убить в любой момент. Да, в любой момент...

Бесчисленное множество раз над ней нависала опасность, а затем тучи рассеивались. Так было на корабле в Галвестоне. Потом она могла погибнуть под копытами диких быков во время бури. Она могла погибнуть и от пули.

Она права. Этому не будет конца. И пока что им еще везет... Но как долго можно рассчитывать на удачу?

Плечи Элизабет содрогнулись, и она, судорожно вцепившись в его рубашку, прошептала:

— Отвези меня домой, Джед. Я хочу к отцу. Я хочу уехать домой. Я ужасно устала. Я боюсь, я не могу здесь больше оставаться... Пожалуйста, отвези меня домой. Пожалуйста...

Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох, стараясь успокоиться.

„Что же я могу сделать? — думал Джед. — Как ее утешить?“ По-прежнему обнимая жену, он прошептал:

— Не плачь, Элизабет Конечно, я отвезу тебя домой. Все закончилось. Не плачь. Ты уедешь к своему отцу. Обещаю. Я отвезу тебя домой.

Вдоль дороги вился длинный плюмаж, окутавший туманной дымкой раннюю осеннюю желтизну техасских лесов. Кусты и деревья казались изображениями на зернистой рыхлой бумаге. Они гнали к Сабине, на юго-восток, почти семьсот голов скота. Четверо опытных ковбоев скакали по бокам стада, заставляя его двигаться в нужном направлении, отрезая путь тем животным, которые пытались отбиться от стада, собирая слабых и хромых. Это был нелегкий труд, но погонщики прекрасно знали свое дело.

Взглянув на Дасти, Скунс спросил:

— Есть какие-нибудь следы?

Парень утер пот со лба. Покачав головой, ответил:

— Нет. Пока ни одного.

Скунс разломил плитку прессованного табака. Сунув одну половину в рот, пробормотал:

— Не могу поверить, что они пропустят нас к Сабине и не попытаются напасть. — Он протянул приятелю кусок табака.

Дасти нахмурился:

— А я вот не могу поверить, что мы спокойно гоним скот, когда должны были бы охотиться за бандитами.

Скунс усмехнулся:

— Неужели не видишь, что у нас нет выбора?

— Верно, нет. И это меня чертовски нервирует. Мерзавцы кружат где-то поблизости и только и ждут удобного момента, чтобы наброситься на нас.

Дасти окинул взглядом стадо. Кивнув на Элизабет, ехавшую чуть поодаль, проговорил:

— Как ты думаешь, она действительно уедет и бросит нас? Скунс перегнулся через луку седла и сплюнул табачную жижу.

— Думаю, да.

— Джек не позволит ей уехать. Скунс снова усмехнулся:

— Ни один мужчина не сможет уговорить женщину, если она закусила удила.

Дасти покосился на приятеля.

— Но ведь он ее муж. Скунс пожал плечами:

— Они наговорили друг другу слишком много обидных слов. Слишком много даже для супругов. К тому же этой маленькой леди пришлось несладко. И хорошо, если она пока не знает, что ее ждет впереди.

Дасти пристально взглянул на Скунса, однако промолчал. Минуту спустя он все же отважился на вопрос:

— Ты же не думаешь, что он хочет, чтобы она уехала?

— Не знаю и не хочу знать. Но скажу тебе честно: мне будет ее не хватать.

Оба взглянули на изящную женскую фигурку, покачивавшуюся в седле. Трудно было поверить, что прошло всего четыре месяца с тех пор, как Элизабет появилась на ранчо.

Она сидела в дамском седле — элегантная, как принцесса, даже в своем пыльном сером платье и в потрепанной мужской шляпе. Спина ее была совершенно прямой, плечи развернуты. Руки непринужденно и изящно держали поводья.

Тут один из быков отбился от стада, и Элизабет, пустив лошадь легким галопом, без малейших усилий усмирила быка.

Скунс хмыкнул:

— Ты только посмотри на нее. Будь я проклят, если когда-нибудь видел похожую...

Черт возьми, да я бы за шесть недель научил ее владеть лассо лучше, чем Рио.

Дасти улыбнулся:

— Думаю, немного найдется такого, чего она не умела бы делать.

— Жаль только, что она об этом не знает, — заметил Скунс. Выругавшись сквозь зубы, он погнал свою лошадь к голове стада — там бык-лидер пытался повернуть не в ту сторону.

Сначала все дни казались Элизабет каким-то нескончаемым кошмарным сном. И она действительно была словно во сне — не помнила, когда и что ела, не помнила, когда спала, а когда сидела в седле. Она знала лишь одно: ее муж собрал новое стадо и теперь гнал его на скотоприемный пункт в Сабину, где агент должен был купить скот; после этого Джек собирался посадить ее на пароход, отплывающий в Алабаму.

Но время шло, и в один из дней Элизабет вдруг почувствовала, что жизнь возвращается к ней. В этот день она заметила, как удивительно, как завораживающе горят сухие ветки в костре. Она с восхищением смотрела, как тонкая струйка дыма поднимается в ясное голубое небо. А потом, когда уже стемнело, прислушивалась к голосам мужчин, объезжавших стадо. Она слышала и вой койота, и сейчас этот вой показался ей удивительно прекрасным — то был голос одинокого, но свободного существа.

Ее глаза открывались постепенно, день за днем, и она начинала видеть окружающий мир так, будто просыпалась от долгого сна. Она начала замечать солнце и теперь любовалась его золотистым блеском. Любовалась и ручьями, сверкавшими в лучах солнца, точно алмазы. Любовалась невероятной синевой неба, казавшегося теперь ярче и неизмеримо прекраснее, чем когда-либо. А ночью, когда на черном бархате неба появлялись звезды, похожие на ярких светлячков, она закрывала глаза, ослепленная этим светом, и со вздохом засыпала. Она спала крепко, без сновидений. А утром ее будили розоватые лучи рассвета, ласкавшие щеку.

Элизабет постепенно возвращалась к своим обязанностям кухарки, чтобы высвободить для Рио время — ведь ему следовало присматривать за стадом, и она стала прислушиваться к разговорам мужчин, иногда даже принимала в них участие. Кроме того, она взяла на себя некоторые обязанности погонщика и неплохо с ними справлялась, что и продемонстрировала сейчас Дасти и Скунсу.

Близился полдень, и следовало дать животным отдых, а также перекусить и напоить лошадей.

Дасти подъехал к Элизабет:

— Вот там есть ручей, миссис Филдинг, Рио уже направился туда с лошадьми.

Элизабет кивнула и повернула свою лошадь в указанном направлении. Она знала: мужчины рассчитывают, что на костре уже сварятся бобы к тому времени, когда они устроят стадо на отдых. К ее удивлению, Дасти поехал с ней рядом.

— Красивая местность, правда? — спросил он неожиданно.

Элизабет мечтательно улыбнулась. Почему она прежде не замечала этих ярких красок и чудесных теней? Почему не замечала этой красоты? А может, и замечала, но теперь забыла...

— Да, очень красиво, — согласилась она. — Кажется, сегодня стало чуть прохладнее.

— Похоже, что зима будет мягкой, — сказал Дасти. Какое-то время они ехали молча. Элизабет старалась подавить желание повернуться в седле и поискать глазами Джеда.

Сегодня он все время перемещался. Она видела только движущуюся точку. Он то оказывался далеко впереди, потому что рыскал в поисках воды, то занимался другими важными делами. Но ни разу не приблизился к Элизабет и не сделал попытки ехать рядом с ней. Она была благодарна мужу за это — ей все еще тяжело было видеть его.

Во время отдыха, а также вечером, у лагерного костра, когда она сворачивалась в клубочек под своим одеялом и над головой у нее сияли звезды, ей не удавалось не замечать его, не удавалось не слышать его голос — и эти минуты были самыми тягостными. Воспоминания возвращались и уносили ее в прошлое — они мучили, ранили, терзали. В такие минуты ей хотелось закричать.

И с каждым днем ей становилось все труднее отвергать прошлое. Она пыталась захлопнуть дверь, ведущую в прошлое, пыталась не допустить, чтобы чувства взяли над ней верх, однако ей не удавалось убежать от воспоминаний, не удавалось похоронить преследовавшие ее чувства и мысли. Просыпаясь по утрам, Элизабет не могла удержаться от того, чтобы тайком не бросить на него взгляд, и она видела, как муж надевает сапоги, как приглаживает ладонью волосы, прежде чем надеть шляпу. Когда же Джед заговаривал с ней, благодаря за чашку кофе или объясняя что-нибудь, она старалась не смотреть ему в глаза. Она боялась увидеть в них то, что заставляло ее вспоминать недавнее прошлое. Ей не хотелось думать о прошлом. Ей не хотелось страдать и тосковать.

Но с каждым днем становилось все труднее противиться потребности смотреть на него, быть с ним рядом. Элизабет казалось, что присутствие мужа каким-то образом придает ей силы, поддерживает ее. Иногда она спрашивала себя, удастся ли ей когда-нибудь полностью освободиться от его власти. И каждый раз ответ был один и тот же: нет, не удастся.

Тут Дасти, нарушив молчание, вдруг выпалил: — Миссис Филдинг, я не хочу, чтобы вы уезжали! Элизабет замерла в седле. Однако не было смысла и дальше избегать разговора об этом. Теперь уже, после долгих дней пути, она не могла отрицать очевидное, не могла себя обманывать...

Собравшись с духом, Элизабет проговорила:

— Я должна уехать, Дасти. И вы знаете это лучше, чем кто бы то ни было. — Взглянув на молодого человека, она вдруг воскликнула: — О, Дасти, как вы можете оставаться здесь после того, что пережили?! Неужели вам не страшно?!

Сдвинув шляпу на затылок, он в задумчивости пробормотал:

— Думаю, вы правы, мне страшно. Но я не боюсь смерти. Дело не в этом. Когда приходит твое время, ты едва ли можешь что-либо сделать. Кроме того, главное ведь не в смерти. Главное — это жизнь. Верно?

— Но зачем вам... такая жизнь? — Ее руки судорожно вцепились в поводья. — Как вы можете так говорить, после того как убили вашу семью? Как вы можете так спокойно относиться к нападению индейцев? Неужели вам здесь так нравится?

Дасти с изумлением посмотрел на собеседницу. Потом тихо проговорил:

— Я и забыл, что вы об этом не знаете, миссис Филдинг. На нашу хижину напали не индейцы, а бандиты, белые люди. И предводитель у них — мерзавец по имени Хартли.

Элизабет в ужасе уставилась на Дасти.

— Лорд Хартли?! Но... вы уверены? Он кивнул:

— Это они испугали и разогнали наше стадо и стреляли в открытую дверь хижины. Если бы мы сразу же пошли по их следам и перестреляли их всех, ничего бы не было, — с горечью в голосе добавил Дасти. — Ничего не случилось бы, и вы не поехали бы в Алабаму.

Элизабет в смущении покачала головой:

— Но... я видела их. Это были индейцы. Их лица были раскрашены, а в волосах — перья...

Дасти пожал плечами:

— Это излюбленный трюк всех трусов. Им известно о беде, постигшей чероки. Поэтому они и решили, что все можно свалить на индейцев. — Дасти немного помолчал, потом вновь заговорил: — Понятия не имею, чего ждать от такого человека, как Хартли. Лучше дайте мне индейца. Я по крайней мере буду знать, чего от него ожидать. Но когда имеешь дело с безумным белым человеком... — Дасти умолк и снова пожал плечами.

Элизабет пыталась осмыслить услышанное. Неужели лорд Хартли, такой образованный, такой элегантный, такой сдержанный и утонченный джентльмен, — неужели он способен на нечто подобное?

Пристально взглянув на молодого человека, она сказала:

— Дасти, вы ничего не понимаете. Лорд Хартли... Я знаю, что у него есть недостатки, но он, конечно же, не способен на такое... Лорд Хартли — джентльмен, и он прекрасно воспитан. Не могу представить, что он способен на подобные поступки. Ведь вы его обвиняете... — Элизабет внезапно умолкла.

Она вдруг вспомнила драку на корабле и поняла, что, возможно, пыталась убедить в невиновности лорда Хартли не Дасти, а себя.

Дасти утер рукавом лоб и пробормотал:

— Иногда случается, мэм, что хорошее воспитание — только прикрытие. А джентльмены... Они бывают разные. И внешность человека ничего не значит. — Он взглянул на Элизабет. — Вот вы, например... Кто бы мог подумать, что такое маленькое и хрупкое создание, как вы, может ездить верхом не хуже ковбоя? В первый день, когда вы вышли из повозки... О, я подумал, что вы не продержитесь у нас и недели. Но вы обвели нас всех вокруг пальца. Клянусь, именно это вы и сделали. Потому что при всем своем хорошем воспитании и изящных манерах вы самая сильная женщина, какую я видел в жизни.

Элизабет была тронута этим признанием. Пытаясь скрыть охватившее ее волнение, она проговорила:

— Я вовсе не сильная, Дасти. Я долго держалась, крепилась... Но потом не выдержала и сдалась.

— Миссис Филдинг, вы не сдались, — с уверенностью возразил Дасти. — Возможно сейчас у вас возникло такое ощущение, но в вас гораздо больше мужества, чем вы предполагаете.

„Нет, — подумала она, — я не ошибаюсь. Я оставила свой дом ради этой ужасной жизни на границе. Я избежала смерти от огня и воды. Я вышла замуж за человека, который не желал меня. Я жила все это время, страдая от одиночества и страха, и боролась за то, чтобы заслужить любовь своего мужа, но так и не заслужила ее. Я пережила нападение безумцев, стрелявших в нас, и свои собственные кошмары. Но теперь все кончено. Больше терпеть я не в силах“.

Она тихо проговорила:

— Я не могу здесь остаться, Дасти. Мне некуда возвращаться. Все, что я пыталась создать, все, что мы строили и надеялись построить, — все это погибло. Я потеряла все.

Дасти хмыкнул и покачал головой.

— Миссис Филдинг, знаете, сколько раз я терял все? Я не раз строил хижину, чтобы у

меня был приют на зиму, а потом строил кораль. Но приходили команчи, или ударяла молния, или случалось наводнение... И я двигался дальше, и снова валил деревья, и опять строил дом. Я устраивал себе логово в пещере или делал шалаш из веток, чтобы укрыться от дождя и ветра. Я укрощал мустангов или нанимался на временную работу. Для меня не имеет особого значения, где я нахожусь и чем занимаюсь, пока я могу прокормить себя. А на ранчо вашего мужа я застрял на три года, но, пока вы не появились, у меня не было настоящего дома.

Дасти внимательно посмотрел на Элизабет и с задумчивым видом продолжал:

— Я понимаю, мэм, что для женщины тяжело потерять то, чем она гордилась. Мне кажется, я хорошо это чувствую. Но всегда окажется, что есть еще деревья, которые можно срубить, есть еще колья, которые можно вбить в землю, чтобы поставить палатку. А такие вещи, как горшки, плошки и кастрюли, всегда можно купить в фактории. Но то, что вы давали нам, пока жили на ранчо, невозможно заменить ничем... Да, этого ничем не восполнишь.

Элизабет судорожно сглотнула и отвернулась. 4Ей нечего было сказать.

Но слова Дасти запали ей в душу. Снова и снова они всплывали в ее памяти в самые неподходящие моменты в течение дня, а потом и бессонной ночью. И как она ни старалась, ей не удавалось заставить себя не думать о прошлом и не оглядываться назад.

Еще два дня пути приблизили их на сорок миль к конечной цели путешествия и еще больше отдалили от трех покатых холмов, где Элизабет вступила в пору взросления, где она усвоила первые уроки жизни и любви и многому научилась за одно короткое лето.

Они разбили лагерь на опушке соснового леса, где узкий ручей струился по каменистому ложу в ожидании осенних дождей, которые должны были наполнить его водой в изобилии. Закат был пламенно-розовым, а потом небо стало темно-фиолетовым, и краски неба, смешиваясь с отблесками костра, отбрасывали блики на лица путников.

Рио удалось отыскать уже высохший перец чили на дне своей седельной сумки. Он добавил его к жаркому из говядины с диким луком, которое Элизабет готовила на ужин. Это должно было придать пикантности их обычному вареву. Джед сварил кофе, и он был настолько густым, что в нем и подкова не утонула бы. Элизабет же еще нашла время, чтобы поджарить несколько кукурузных лепешек. Ужин получился отменный, и все повеселели. Это были те часы дня, которые Элизабет больше всего полюбила за время их путешествия. Более того, она подозревала, что воспоминания об этих часах долго не изгладятся из ее памяти.

Сумерки постепенно сгущались, сменяясь более плотными вечерними тенями. В ветвях сосен приплясывали светлячки. Подошел Дасти за своей вечерней порцией, а Рио сменил его на вахте возле стада.

— Сегодня быки ведут себя спокойно, — сказал Дасти, накладывая себе жаркого. — Все так мирно, как только можно было бы пожелать.

Скунс кивнул:

— Мы хорошо за ними смотрим, поэтому не потеряли еще ни одной головы. Сколько нам еще двигаться, босс?

Джед сидел чуть поодаль от костра — так, чтобы свет не падал в глаза. В какой-то момент он повернул голову и перехватил взгляд Элизабет. Это длилось не более мгновения, но и этого мгновения было достаточно, чтобы сердце его мучительно сжалось. Он опустил глаза и стал прихлебывать кофе из своей кружки.

— Так как же, босс? — допытывался Скунс.

— Возможно, с неделю, если погода еще подержится, как теперь, — ответил Джед.

— И сколько удастся за них получить?

— Можно взять долларов по двадцать за голову. Правда, Сэм сказал, что в Новом Орлеане цены взвинтили до тридцати пяти.

Скунс фыркнул:

— Нет уж! Пусть кто-нибудь другой стирает себе задницу до кровавых мозолей. Я предпочитаю получить хоть какие-нибудь деньги.

Элизабет знала, что если бы не она, то Джед держал бы путь в Новый Орлеан и получил бы самую высокую плату за стадо. Она почувствовала угрызения совести. Это чувство вины было новым для нее и смутило ее. Ей было трудно преодолеть его, как и то чувство, что возникло у нее, когда Джед перехватил ее взгляд. Она заметила:

— Я все еще не понимаю, почему вы прилагаете столько усилий, перегоняя скот. В Луизиане и Алабаме много скотоводов, но папа однажды рассказывал, побывав в Нью-Йорке, что не смог найти приличного бифштекса во всем городе. Да и скверный-то стоил не

меньше, чем ночлег в гостинице. Так что говядина нужна именно на севере. Готова поручиться, что в Нью-Йорке вы могли бы продать животных по пятьдесят долларов за голову.

Дасти застыл с вилкой у рта.

— Боже милостивый, миссис Филдинг! Да вы представляете, какой путь надо для этого проделать?

Скунс расхохотался:

— Тогда бы эти наши лошадки стали просто скелетами, а мы бы целый месяц ползли на брюхе.

Дасти кивнул.

— Знаете, миссис Филдинг, некоторые пытались проделать такой путь, но дело того не стоит. Слишком велик риск и слишком тяжелый труд. Нужно быть совсем уж отчаянным парнем, чтобы преодолеть такое расстояние.

Джед улыбнулся, и, заметив его улыбку, Элизабет почувствовала, как к горлу ее подкатила теплая волна. Она заставила себя снова повернуться к Дасти:

— Но ведь вам не обязательно гнать стадо до самого Нью-Йорка. Как насчет железной дороги?

Дасти расхохотался:

— Покупать билеты для стада коров?!

— А почему бы и нет? — настаивала Элизабет. — Разве это не то же самое, что платить агенту, когда грузишь быков на суда?

С минуту все молчали — мужчины пытались найти весомый аргумент, способный противостоять женской логике.

И вдруг раздался голос Джеда.

— Ближайшая железнодорожная станция не так уж далеко отсюда, — сказал он, взглянув на жену.

Элизабет смутилась. Неужели Джед обращался к ней?

— Так почему бы не погнать стадо к станции? — спросила она.

Джед пояснил:

— Туда не доберешься. Нет проторенного пути.

— Так проложите его. Должны же вы когда-нибудь начать...

Джед задумался... Элизабет, появившись на ранчо, все изменила в их жизни. Она даже заставила их ужинать за столом и пользоваться салфетками. А теперь эта женщина придумала нечто... невероятное. Перегон стада по железной дороге! Да, она совершенно не изменилась.

Быстро расправившись с первой порцией жаркого, Дасти снова потянулся к котлу. Наполнив свою миску, сказал:

— Думаю, что на словах это значительно проще, чем на деле, миссис Филдинг.

Элизабет с трудом отвела взгляд от Джеда. Что она прочла в глазах мужа за эти несколько мгновений? И почему ей вдруг захотелось и плакать, и смеяться?

Пристально посмотрев на Дасти, она заявила:

— Но вы должны попытаться! Скунс покачал головой:

— Миссис Филдинг, для вас нет ничего невозможного. Потом вы скажете Господу, как лучше устроить восход солнца и когда.

Джед грустно улыбнулся:

— Такова моя жена. Она всегда и обо всем имеет собственное мнение, и не важно, знает ли она что-нибудь об этом деле или нет.

Воцарилось молчание. Мужчины вопросительно поглядывали на Джеда. И вдруг Элизабет рассмеялась. Рассмеялась так же весело и непринужденно, как в прежние дни. И тотчас же все мужчины оживились и подхватили ее смех.

Глядя на них, Элизабет чувствовала: из всех дорогих воспоминаний память об этой минуте останется самой светлой и драгоценной. Как приятно было снова научиться смеяться.

И вдруг ее поразила ужасная мысль: „Я никогда больше не увижу их“. Конечно, Элизабет и прежде понимала это, но старалась не думать о расставании. А сейчас она осознала, что никогда уже не увидит Дасти, ставшего ее другом; не увидит Рио, научившего ее готовить и поймавшего для нее дикого кабана. Она никогда больше не увидит никого из этих людей.

Наверное, Скунс найдет себе женщину и оседет где-нибудь на собственном ранчо. Дасти, у которого вся жизнь впереди, не станет вечно перегонять чужие стада. А что касается Рио, то для человека с таким природным обаянием и букетом разнообразных талантов возможности безграничны в этой стране отважных первооткрывателей.

„Я желаю вам всем, — думала она, — самого лучшего в жизни. Дома, счастья и женщин, которые будут вас любить и станут о вас заботиться“.

Но она никогда не узнает, как сложится их дальнейшая жизнь. Она никогда не увидит их снова.

А Джед...

У нее перехватило дыхание. Взгляд ее обратился к мужу. Он сидел в глубокой тени, и лицо его казалось удивительно грустным. Его она тоже никогда не увидит.

Элизабет опустила глаза. Ей казалось, она вот-вот задохнется. Больше она не могла сидеть спокойно, глядя на него, не могла сидеть так близко от него. Не могла притворяться и делать вид, что ничего не произошло, что ничего не изменилось. Изменилось все, и она не могла больше оставаться на месте.

Не говоря ни слова, Элизабет поднялась на ноги и удалилась от костра.

Прошло минут десять, возможно, и все двадцать, и наконец она услышала легкие шаги. Элизабет стояла, прислонившись к сосне, смотрела, как сгущается тьма, как из леса выползает ночь. Ей не надо было оборачиваться, чтобы понять, кто к ней приблизился. Это было нечто такое, что жена постигает мгновенно и инстинктивно, — шаги мужа, биение его сердца, когда ее щека оказывается прижатой к его груди, а его тяжелое дыхание пробуждает ее даже от самого глубокого сна... Она способна была почувствовать приближение Джеда, потому что была его женой.

Странно, но она не могла плакать. Ей хотелось заплакать, но слезы не шли. У нее возникло ощущение: она давно уже знала — и знание это гнездилось где-то в самой глубине ее души, — что судьба приведет ее сюда, под эту сосну. И знала, что к ней подойдет Джед и остановится в двух шагах, остановится и скажет слова, которые ничего уже не смогут изменить.

Однако она заговорила первая, и в голосе ее были грусть и нежность:

— Прежде я не понимала, а теперь знаю, какая жизнь зовет и влечет тебя. — Элизабет подняла глаза к небу и, увидев свою „одинокую звезду“, мерцавшую меж ветвей сосны, улыбнулась ей. — Это так... Кажется, что есть только звезды и звуки ночи и больше никого,

ни одной живой души. И каждый день ты будто рождаешься заново, и каждый день тебе дается еще один шанс в жизни попытаться счастья. Когда же ты оглядываешься назад и видишь следы, которые оставил на этой земле, то это... Не знаю, как выразить, но мне кажется, это дает тебе ощущение силы и делает тебя частью чего-то очень важного.

Она повернула голову и, взглянув на мужа, продолжала:

— С моей стороны было глупо думать, что ты можешь стать фермером. Теперь я бы не пожелала тебе такой судьбы.

Лицо Джеда казалось непроницаемым. Она смотрела на мужа и вспоминала тот день когда истерически рыдала в его объятиях, когда их сердца разрывались на части, потому что вокруг них рушился созданный ими мир — догорал и оседал пеплом у их ног. А потом ей вспомнилась другая ночь, похожая на эту... Тогда воздух был напоен ароматом роз и звучала музыка, а они, обнявшись, стояли в саду, и им казалось, что они могут изменить предначертания судьбы и уже делают это. Но то было в ином мире, и они тогда были совсем другими людьми. Однако все от начала и до конца вело лишь к этой горестной минуте. Тут Джек наконец заговорил:

— Как бы там ни было, но я уверен: такая жизнь мне подходит. И эта жизнь — единственная вещь на свете, за которую стоит бороться.

Элизабет подняла глаза и снова посмотрела сквозь ветви на темный полог неба. Когда-то, давным-давно, она спросила Джеда, почему люди стремятся на Запад. Теперь она знала ответ. Это те люди, которые просто не могут жить иной жизнью и в ином месте. Это мужчины, пытавшиеся познать неизведанное, исследовать неизученное, — именно они отправлялись на Запад. Они трудились, воевали и умирали, а освоенные ими земли становились их подарком миру.

Джек ее муж, но его жизнь — здесь, в Техасе. И поэтому она знала, что никогда больше не увидит его.

Элизабет проговорила:

— Дасти говорит, что это был лорд Хартли.

Лошади, стреноженные недалеко от них, тихонько заржали. Откуда-то издали донеслось мычание быка. Вода в ручье, казалось, что-то нашептывала.

Джек ответил:

— Хартли давно говорил мне, что уничтожит меня. Думаю, он человек слова, если ничего другого о нем не скажешь.

Элизабет в замешательстве взглянула на мужа.

— Но почему?

— Причины значения не имеют. Главное — я не должен ему этого позволить.

Джек был по-прежнему невозмутим, но Элизабет почувствовала, что он полон решимости и ни за что не признает свое поражение — что бы ни произошло.

Она прошептала:

— Хотела бы я обладать твоим мужеством.

— Дело не в мужестве. Весь вопрос в том, чтобы понять, когда у тебя нет выбора.

Элизабет промолчала. Глядя на нее, Джек чувствовал стеснение в груди. Даже теперь, после того как они много дней провели в седле, Элизабет была прекрасна. После пожара у нее не осталось ничего, кроме этого серого платья, и она носила его изо дня в день. Волосы ее были перехвачены на затылке сыромятным ремнем, а руки огрубели, оттого что каждый день ей приходилось держать в них поводья. И все же она ухитрялась выглядеть такой же

элегантной, как в тот вечер, когда стояла рядом с ним в шелках и кружевах в саду плантации Спринг-Хилл. Элизабет по-прежнему оставалась для него воплощением всего, о чем он мечтал, но теперь она стала чем-то большим. Тогда она была мечтой, его фантазией. Теперь же стала реальностью — единственной в жизни реальностью, имевшей значение.

Судорожно сглотнув, он проговорил:

— Элизабет... я не должен был оставлять тебя одну в тот день. Воины чероки наблюдали все время за нашим домом на случай, если произойдет что-нибудь непредвиденное. Но Хартли, должно быть, тоже наблюдал за нами и точно знал, когда индейцы покинут наши места.

Элизабет с удивлением посмотрела на мужа. Неужели те самые индейцы, которых она обвинила в поджоге, на самом деле защищали ее?.. Выходит, она совсем ничего не знала о техасской жизни. Впрочем, сейчас это уже не имело значения.

Пожав плечами, Элизабет сказала:

— Теперь это не важно. Джек со вздохом произнес:

— Да, теперь не важно.

Молчание затягивалось. Элизабет, сцепив пальцы, вдруг ощутила на одном из них кольцо из ивовой коры. Потупившись, она принялась вертеть кольцо на пальце и наконец почувствовала обжигающие слезы на глазах. Но они не могли облегчить боль, гнездившуюся глубоко в сердце. Слезы душили ее, сдавливали грудь, жгли горло, и все же они не могли излиться все разом.

Могла ли она перестать любить его лишь потому, что была не в силах остаться жить с ним? Конечно же, нет. Но она не выжила бы с ним в Техасе. Как он не выжил бы с ней в Мобиле. Джек там задохнулся бы — задохнулся бы в ее мире условностей и увядал бы оттого, что жизнь для него потеряла бы остроту. В Алабаме он утратил бы все, делавшее его человеком, которого она любила. Для него не было места в Алабаме, как для нее не было места в Техасе. Поэтому для них не оставалось надежды на совместную жизнь.

Она снова посмотрела на небо и, увидев свою „одинокую звезду“, спросила:

— Помнишь ночь на палубе корабля? Ты был тогда так жесток ко мне, и я подумала, что сердце мое навсегда разбито.

Джек возразил:

— Я только хотел сделать так, как было бы лучше для тебя.

Она кивнула. Судорожно сглотнув, вновь заговорила:

— А потом, когда корабль сел на мель... Я была так напугана... Я думала, это самое худшее, что могло случиться со мной. Я была на волосок от смерти, но все разрешилось самым непредвиденным и чудесным образом, потому что там оказался ты. Более того, там я была счастлива.

— Я всегда хотел лишь одного — позаботиться о тебе. — Джек перевел дух; он ужасно волновался. — Да, хотел позаботиться, но в конечном счете не сумел этого сделать. Я проиграл. Верно?

Элизабет молча смотрела на свою звезду. Наконец проговорила:

— Ты не должен был брать на себя заботу обо мне. Ты всегда был прав, с самого начала. Чтобы выжить здесь, надо быть человеком особого склада, а я не такая.

Он осторожно тронул ее за плечо.

— Но ведь какое-то время мы справлялись. Разве не так? Ведь мы были счастливы...

— Да, наверное... — Элизабет закрыла глаза, чтобы муж не заметил ее слез.

Она старалась сделать так, чтобы ее голос звучал ровно и твердо, поэтому говорила почти шепотом. Взглянув на кольцо из ивовой коры, Элизабет продолжала:

— Мне так грустно, Джед, и я очень сожалею. Он посмотрел на нее с тревогой:

— О чем?

— О своих ошибках — и обо всем.

Он глубоко вздохнул и приблизился к ней почти вплотную.

— Мы не делали ошибок, Элизабет.

Джед взял жену за руку и заглянул ей в глаза. Когда же он заговорил, Элизабет почувствовала, что каждое слово дается ему с огромным трудом.

— То, что ты была со мной даже такое короткое время, — это единственное событие за всю мою жизнь, заслуживающее того, чтобы его постоянно вспоминали. Ты — лучшее, что у меня когда-либо было в жизни. Так как же это могло быть ошибкой?

Он увидел удивление в ее глазах, а также боль и вопрос, и его пальцы невольно сжали ее руку. Джед чувствовал, как грудь его наполняется невысказанными словами, которые рвались наружу. Он знал, что должен их сказать. Но слова находили себе дорогу медленно и мучительно, и он не знал, как передать то, что чувствовал. Эти слова давались ему тяжело, они вызывали боль, и все же он понимал, что должен их произнести.

— Жалеть следует не тебе, а мне. Я знал с самого начала, что не должен допустить того, что произошло, и извиняться следует мне. Я должен был с самого начала положить этому конец. Я не должен был допустить, чтобы все это случилось. С самого первого дня, когда увидел тебя в Мобиле, и до того самого, как привез тебя в Техас, я знал, что не должен допустить... Но не смог.

Джед перевел дух и, глядя на кольцо у нее на пальце, продолжал:

— Да, извиниться следовало бы мне. — Он судорожно сглотнул. — Но я не стану просить прощения. Я не смог бы поступить иначе, даже если бы мне дали возможность пережить все заново. Да, я поступил бы именно так... как поступил.

Джед снова умолк и сделал глубокий вдох. Элизабет посмотрела ему в глаза и увидела в них страдание, которое он не мог скрыть.

Он легонько коснулся ее волос и, тщетно пытаясь скрыть волнение, прошептал:

— О, Элизабет... Я люблю тебя. Знаю, что сейчас мои слова не имеют никакого значения, но это так.

Он видел в полумраке ее глаза, полные слез. Он видел ее волнение и беспомощность. Он слышал, как бьется ее сердце при каждом произносимом им слове.

Наконец она заговорила, и голос ее дрожал, ее душили слезы:

— Знаешь, как я хотела услышать эти слова? Почему... о, почему ты никогда прежде не говорил мне их?

Джед почувствовал, что горло его сжимает судорога. Сделав над собой усилие, он произнес:

— Иногда... Я думаю, иногда осознаешь значение того, что имел, только утратив...

Элизабет тяжело вздохнула. Он видел, как одинокая слезинка сползла по ее щеке, и в ней на мгновение отразился свет звезд. Когда же она заговорила, в ее голосе звучала лишь безмерная усталость:

— Как все это бессмысленно...

— Нет, Элизабет. — Он крепко сжал ее руки. — Нет, не бессмысленно.

Она покачала головой:

— Я не принесла тебе ничего, кроме горя и страданий, и так было с самого начала... — Он заметил, что еще одна слезинка покатилась по ее щеке. — Я не смогла сражаться вместе с тобой. Я не соглашалась с тобой ни в чем. Меня никогда не было рядом, когда ты нуждался во мне. Все, что я делала, было не важно. А теперь, когда я ухожу из твоей жизни, никто даже и не узнает, что я здесь была. Я проиграла... и все это не имело ни малейшего смысла.

Джед взял ее лицо в ладони и пристально посмотрел ей в глаза. В его же глазах была такая нежность, что сердце ее, казалось, разрывалось на части.

— Элизабет, ты подарила мне большой белый дом в долине. Дом с колоннами и террасами, на которых можно танцевать. Ты подарила мне поцелуи по утрам и ласковые слова ночью. Ты вызывала во мне гнев и делала меня слабым — таким я прежде никогда не бывал. Каждый день с тобой был для меня удивителен, и ты научила меня понимать, что значит быть частью чего-то большего, чем ты сам. Я не заслуживаю всего того, что ты дала мне. Я никогда не рассчитывал на такое счастье, но теперь я никогда не стану прежним. Это очень много, Элизабет. Это самое важное в жизни. И не говори, что все это было напрасно.

В ней поднималась, ее душила страшная, непереносимая боль. Джед, научивший ее любить и бороться и оставаться сильной... Джед, сумевший приручить волка и сделавший своим верным другом пленного мексиканца... Джед с его мечтами о том, чтобы нажить состояние в диком Техасе и построить здесь дом... Она никогда не увидит, осуществятся ли эти мечты. Она никогда не будет жить в доме меж трех холмов. Но она никогда не станет и прежней Элизабет, потому что он вошел в ее жизнь и о нем ей не удастся забыть.

Рука Джеда дрожала, когда он провел пальцами по ее щеке и смахнул слезинку. Он хотел просить ее остаться с ним. Он готов был обещать, что все в их жизни изменится...

Но ничто не могло измениться. Ничто не могло изменить их жизнь, и потому он не попросил ее остаться.

Но как он будет обходиться без нее?

И тут какая-то неведомая сила бросила их в объятия друг друга — и сердца их забились в унисон. Он зарылся лицом в ее волосы, а она прижималась щекой к его груди. 4Наконец губы их встретились и слились в поцелуе. Из глаз Элизабет катились слезы, и Джед чувствовал вкус ее слез. Они по-прежнему сжимали друг друга в объятиях, и объятия эти становились все крепче.

А тем временем ночные тени удлинялись, и наконец на небе появилась луна, бросившая на них свой трепетный свет сквозь сосновые ветки и иглы. Ни один из них не находил в себе сил разомкнуть объятия.

Но у них не было выбора. Им пришлось возвратиться в лагерь.

Наступил самый глухой и темный час ночи. Луна уплыла за горизонт, но до рассвета оставалась еще целая вечность. Роса словно окутала землю пеленой, а воздух был чистым и бодрящим.

В тени треснувшей скалы пятеро мужчин выбрались из своих спальных мешков. Они надели шляпы и молча натянули сапоги. Один из них удалился облегчиться, и звон струи, ударявшей в палые листья, был единственным звуком в глухой ночи. Кто-то высморкался и сплюнул, прочищая горло. Кто-то сунул в рот кусок вяленого мяса и принялся жевать. Они занимались своими делами молча и уверенно, ибо умели видеть в темноте и различать предметы, не видимые непривычному глазу. Они умели смотреть глазами ночи.

Они поели, не разжигая костра, и обошлись без горячего кофе, удовольствовавшись провизией из седельных сумок. Это была жизнь охотника, отслеживающего дичь; впрочем, каждому из них приходилось переживать и худшие времена.

Хартли первым вскочил на лошадь. Проверив, заряжены ли пистолеты и ружье, он с высоты седла окинул своих наемников взглядом, полным холодного презрения.

— Последнее напутствие, джентльмены. Филдинг мой. Но первый же из вас, кто прикоснется к женщине, окажется под прицелом моего пистолета.

Ньют Джонсон ответил ему взглядом, полным такого же холода и презрения.

— Мы не убиваем скво, Хартли. Если бы мы пожелали девчонку, то давно добрались бы до нее.

Губы Хартли растянулись в подобии улыбки.

— И все же постарайтесь не подстрелить ее случайно. Она дочь моего друга, и ее нельзя осуждать за скверный вкус при выборе мужа. Не хочу обогреть свои руки ее кровью.

Мужчины, стоявшие подле Хартли, были опытными наемными убийцами, у каждого из них был свой нелегкий жизненный путь. Убивали же они в основном из алчности, и ни один из них прежде не встречал такого человека, как этот странный англичанин, пытавшийся защитить женщину, одновременно убивая ее мужа. Прежде им не встречался человек, который убивал бы просто потому, что считал это справедливым и правильным, и от этого им всем было немного не по себе. Возможно, сознание того, что человек, нанявший их, был способен без особых раздумий убить любого из них, хотя платил им за убийство другого, вызывало у них неприятное чувство.

Он им не нравился, и они не доверяли ему, что, впрочем, не мешало им брать у него деньги и выполнять заказанную им работу. И каждый из них втайне радовался, что работа эта, как видно, близилась к концу.

Наконец один из них, прищурившись, проговорил:

— А стадо будет нашим?

— Поступайте с ним как знаете. Но советую вам особенно не шуметь, джентльмены, и не гнать скот во всю прыть.

Мужчины проверили свое оружие и подтянули подпруги. Затем молча уселись в седла и направили своих лошадей в ночь.

Кид Бейкер отстал от остальных и поехал вровень с Джонсоном, замыкавшим кавалькаду. Они и прежде всегда держались вместе и считались приятелями.

— У меня скверное предчувствие, дружище, — проговорил Кид.

Джонсон посмотрел на него с удивлением. Ему казалось, что эта работа совсем простая. Им предстояло напасть на лагерь, когда люди в нем только просыпались, когда их головы еще затуманены сном, а руки отяжелели. Человек, стоявший ночную вахту, должен был отправиться завтракать. Женщина должна была пойти в лес собирать ветви для костра. Казалось, что все очень просто, дело верное.

Однако приятели были опытными и осторожными людьми, и они прекрасно знали, что риск существует во всяком деле.

С минуту поразмыслив, Джонсон спросил:

— Как думаешь, человеку дано знать, когда он умрет? Кид тоже задумался.

— Не знаю, — ответил он наконец. — Впрочем, если бы и знал, то это ничего бы не изменило.

— Думаю, ты прав, — кивнул Джонсон.

После этого приятели не обменялись ни словом, потому что все пятеро уже приближались к лагерю, погруженному в сон. Остановившись, они довольно долго приглядывались, изучая лагерь. Потом, переглянувшись, взялись за дело.

* * *

После беспокойного сна Элизабет проснулась раньше обычного. Она инстинктивно протянула руку к Джеду, но рука ее нащупала только холодную и влажную от росы траву. „Как долго еще? — спрашивала она себя. — Как долго еще я буду искать его рядом с собой?“

В синих предрассветных тенях она могла различить спящих мужчин, расположившихся довольно далеко вокруг нее, — Рио, Дасти и Скунса. Наверное, Джек скоро присоединится к ним, возможно, он уже близко. Она не представляла, что увидит в его глазах, когда он посмотрит на нее. Она знала только одно: ее сердце разрывалось на части.

Накинув на плечи одеяло, чтобы защитить себя от утренней прохлады, Элизабет поднялась и направилась к костру, уголья которого еще тлели. Было слишком рано начинать готовить завтрак, а будить мужчин, столь нуждавшихся в отдыхе, она не хотела. Однако на угольях еще можно было сварить кофе.

Элизабет подбросила несколько веток в догорающий костер, и они тотчас же занялись и ярко разгорелись. Потом она положила на них несколько более толстых сучьев, собранных накануне в лесу, и теперь настало время наполнить водой пустой кофейник.

Тяжелый кофейник глухо звякнул, когда Элизабет случайно задела им о камни. Дасти тотчас проснулся и нащупал свое ружье.

Элизабет прошептала:

— Прошу прощения. Спите, Дасти.

Он уставился на нее затуманенными глазами.

— Куда вы?

— Всего лишь к ручью за водой. Дасти приподнялся.

— Вода — моя работа, — пробормотал он, потянувшись за шляпой.

— В таком случае выполняй ее, — проворчал Скунс. — И не мешай спать остальным.

— Миссис Филдинг, подождите! — Дасти уже натягивал сапоги. — Вы не должны бродить одна в темноте.

Элизабет остановилась. Она знала, что лучше подождать, а иначе не избежать шума.

Дасти перебудил бы всех. Он уже заткнул за пояс пистолет, взял ружье и поспешил за ней.

Их столь раннее пробуждение потревожило белку; шурша ветвями, она перепрыгнула с одного сука на другой. Высоко над головой пролетела, шелестя крыльями, летучая мышь. Что-то треснуло под ногами среди сосновых игл. А потом — тишина. Вот только... Элизабет показалось, что среди лесных теней она уловила какое-то движение, чуждое этому месту и часу.

Но что именно ее насторожило? Возможно, жизнь под дамокловым мечом — ведь ей постоянно угрожала опасность — обострила ее чувства и сделала нервы особенно чувствительными к восприятию того, чего прежде она никогда бы не заметила. Во всяком случае, она уловила какое-то движение и замерла.

За секунду до того, как Элизабет отчетливо расслышала щелканье взводимого курка, она закричала:

— Дасти, берегитесь!

Дасти тотчас рванулся к ней, стреляя в сторону леса. Из-за сосен ему ответили огнем. Скунс и Рио мгновенно вскочили на ноги и схватились за оружие; казалось, что стрелять для них — так же естественно, как дышать. Элизабет уронила кофейник и увидела, как зашатался и упал навзничь Дасти. Рубашка на его груди стала красной.

Все произошло мгновенно. Только что она кричала — и вот уже держит на коленях голову Дасти. Вокруг нее гремели выстрелы, но Элизабет словно не замечала этого — смотрела в безжизненные глаза своего мертвого друга.

Минуту назад Дасти был жив, а теперь он лежал мертвый. И Элизабет знала, что больше он не будет смеяться, что она больше никогда не услышит его голоса. Дасти был мертв, безжалостно убит — так убивает охотник лося или оленя. Но это было... несправедливо, и в этом не было никакого смысла...

— Не-е-ет! — Крик ярости, крик гнева вырвался из груди Элизабет.

В следующее мгновение она увидела, как Рио сделал резкое движение — пуля угодила ему в плечо, и тотчас же по рубашке расплылось красное пятно. Она видела потемневшее лицо Скунса, который что-то кричал ей.

Элизабет вытащила пистолет из-за пояса Дасти. Рукоятка его была липкой и скользкой от крови. И теперь уже ярость разрывала ее сердце. Теперь она уже ничего не боялась. Она потянула за спусковой крючок — и тотчас же отпустила его. Она даже не почувствовала отдачи, не почувствовала, как вспышка обожгла ей лицо. Она испытывала лишь безумную радость.

„Вы не сделаете этого со мной, — думала она с яростью. — На сей раз я не позволю!“

Смущенные стрельбой из пистолета со столь близкого расстояния, нападавшие отступили, и это позволило людям Джеда занять более выгодные позиции, в чем они очень нуждались. Вскоре снова началась перестрелка, и теперь в лесу со всех сторон слышались выстрелы.

А розовый рассвет тем временем окрашивался новой кровью. Кид Бейкер почувствовал, как его живот обожгло огнем, и повернул голову, чтобы увидеть свой последний в жизни восход солнца. Билл Джонс даже вскрикнуть не успел — пуля угодила ему в голову. Ньют Джонсон отступал и теперь стрелял только для того, чтобы прикрыть свое отступление. Брукс Янг, рука которого повисла как плеть, обратился в бегство, не теряя времени.

В каждом плане есть слабое звено. В данном случае бандиты не приняли в расчет женщину.

Джед находился недалеко от лагеря, когда услышал первый выстрел. Но для него время, казалось, остановилось, и последние несколько минут стук копыт его лошади растянулся на целую вечность. Джед был готов к нападению, он ожидал его уже давно, но он не ждал того, что увидел...

Джед приближался к лагерю с тыла и заметил, как зашатался раненый Рио. А потом вдруг увидел Элизабет, палившую из пистолета Дасти. Джед бросился на землю и открыл огонь вслепую, направляя дуло в сторону леса. И думал он только о том, как прикрыть Элизабет.

Но в следующее мгновение стало ясно: он опоздал.

Стреноженные лошади громко ржали и били копытами, и все еще гремели выстрелы. Однако никто не заметил фигуру, метнувшуюся за спину Элизабет.

Но Элизабет все же почувствовала опасность. Резко обернувшись, она спустила курок и непременно убила бы друга своего отца, убила бы, потому что стреляла в упор, убила бы, потому что вынуждена была защищаться. Но пистолет издал лишь щелчок — она не перезарядила оружие.

Хартли заломил ей руку за спину и прокричал:

— Прекратите стрелять, Филдинг! Воцарилась тишина — внезапная, как удар грома. Хартли заставил Элизабет повернуться лицом к костру и толкнул вперед. Когда ее нога коснулась безжизненной руки Дасти, ей захотелось закричать, но ненависть сдавила ей горло, и она не издала ни звука.

Осмотревшись, она увидела Рио — лицо его побелело, и он, привалившись к дереву, едва держался на ногах. Из-за седла, служившего прикрытием, выглядывал Скунс. И прямо перед ней медленно поднимался на ноги Джед.

Хартли с силой сдавил дрожащую руку Элизабет.

— Имея такое преимущество, — сказал он, — я могу перестрелять вас одного за другим, но это было бы не по-джентльменски. Верно? Поэтому будьте так любезны, мистер Филдинг, бросьте оружие и отступите. Я хочу, чтобы вы видели лицо своего врага. Мы уладим это дело сами. Только мы двое. Так и должно было быть с самого начала.

Джед бросил на землю ружье и вышел из-за ствола дерева, за которым укрывался. Лицо его казалось совершенно бесстрастным.

Хартли направил дуло ружья в грудь Джеда.

— И пистолет, будьте любезны.

Джед вытащил пистолет из-за пояса и бросил его на землю. Затем с невозмутимым видом проговорил:

— Что ж, теперь мы один на один. Вам нет нужды прятаться за спину женщины.

Хартли хмыкнул:

— Полагаю, выбор был не моим. Я не питаю недобрых чувств к вашей жене и не желаю ей зла. Но, видите ли, она застала нас врасплох, и теперь двое из моих людей мертвы, а двое ретировались, как трусы, и у меня, по сути, нет выбора. Учитывая все сказанное, мистер Филдинг, вы должны признать, что она оказалась здесь по вашей, а не по моей воле.

Этот кошмар мучил Джеда во снах, а теперь он стал явью: Элизабет оказалась в руках его врага, и он не мог спасти ее.

Если бы он бросился сейчас на Хартли безоружный, то умер бы прежде, чем смог помочь Элизабет. Если бы Скунс попытался выстрелить, его пуля могла бы задеть Элизабет. Поэтому Джед лишь мысленно твердил: „Мне ужасно жаль, Элизабет. Прости меня. Мне

очень жаль...”

Не сводя глаз с Хартли, он сказал:

— Отпустите ее.

— Думаю, что мне не стоит этого делать.

Хартли снова толкнул ее вперед и заставил сделать еще один шаг. Потом еще один. С улыбкой глядя на Джеда, он продолжал:

— Маловероятно, что с такого расстояния я не смогу попасть в вас. Но у вас еще остался человек, способный стрелять. Если я отпущу леди, у меня не будет возможности перезарядить винтовку.

Он заставил Элизабет сделать еще один шаг.

— Кроме того, есть и еще кое-что... Вы в свои последние минуты будете думать о том, что станет с ней, когда я убью вас. Возможно, вы раскаетесь в некоторых своих поступках, и осознаете некоторые свои ошибки, и поймете, что взяли то, что вам не принадлежит.

Джед ничего не мог поделать. Всю свою жизнь он полагался на свой ум и ловкость, и этого казалось достаточно. Но он не предполагал, что последние его минуты будут такими, что он, беспомощный, будет стоять в ожидании смерти.

Не думал он и о том, что будет ценить чью-либо жизнь выше собственной жизни.

— Она вам не нужна, Хартли, — проговорил Джед, не повышая голоса. Он не боялся смерти и теперь боролся за нечто более ценное для него, чем собственная жизнь. — Вы же не захотите, чтобы она это видела. Бесчестно заставлять женщину участвовать в убийстве.

— Приходится пользоваться тем, чего удалось добиться, мистер Филдинг. Думаю, для вас это не новость.

Элизабет смотрела на Джеда, но видела лишь непоколебимое спокойствие в его глазах. Она смотрела на него и думала о том, что скоро он умрет. Ей всегда казалось: единственное, чего она боится, — это смерть. Но она ошибалась. Сейчас она вдруг поняла: возможно, долгие годы, возможно, всю оставшуюся жизнь ей предстоит прожить без Джеда, без любви, без надежды, и это было хуже смерти. Значительно хуже.

Несколько метров и огонь костра разделяли этих мужчин. Теперь уже ничто не могло отвлечь неизбежное. С такого расстояния промахнуться мог только слепой, и первый же выстрел Хартли должен был стать роковым. Потом мог выстрелить Скунс, но это будет слишком поздно. Джеду уже ничто не поможет.

Хартли вдруг снова улыбнулся:

— Вам следовало быть в моем лагере с самого начала, мистер Филдинг. Я предупреждал вас, разве нет? Я предупреждал: те, кто не со мной, в конце концов гибнут. И я получил бы гораздо большее удовлетворение, если бы вы оказались на моей стороне, если бы сражались вместе со мной и были мне опорой. А теперь необходимость вас убить я расцениваю как большую и бессмысленную утрату.

— Нет, — возразил Джед, глядя на Элизабет. — Это вовсе не бессмысленная утрата.

И Элизабет подумала: „Нет, это не должно случиться, не должно...”

Джед не мог умереть. Сейчас не мог. „Мы должны построить дом, — думала она. — Мы должны нажить состояние. Мы должны вырастить сыновей и очистить эту землю от скверны. Нет, ты не умрешь”.

Когда-нибудь смерть придет к каждому из них. Она может оказаться неожиданной и быстрой, а может быть, мучительной и медленной, но не здесь и не сейчас это произойдет.

„Нам предстоит столько всего сделать, Джед. Мы ведь только начали нашу совместную

жизнь. Нам предстоит закончить столько дел. Этого сейчас не случится. Ты не можешь умереть сейчас!“

Хартли уже был в трех шагах от костра. Он подтолкнул Элизабет еще на один шаг. Поднял ружье и прицелился.

Элизабет споткнулась и упала на колени. Хартли на мгновение замешкался, и она краем глаза заметила, что Джед нырнул в траву. Хартли рывком поднял ее на ноги, но Элизабет молниеносным движением выдернула из костра горящую ветку и с яростным криком ткнула ею в лицо врага. Она услышала его дикий крик — и тотчас же раздался голос Джеда.

— Элизабет, ложись! — закричал он. В следующее мгновение Хартли покачнулся и рухнул на землю, сраженный пулями Джеда.

Они молчали, ошеломленные произошедшим. Все закончилось. Закончилось совершенно неожиданно. Бездыханный Хартли лежал у их ног, но они, казалось, не верили собственным глазам.

Элизабет чувствовала запах дыма. Потом услышала, как бьют копытами лошади на привязи. Услышала, как закричала сойка, оповещающая лес о приходе нового дня. Но она по-прежнему стояла у костра и смотрела на свои руки.

Они были красными и в пузырях от ожогов, однако Элизабет почти не чувствовала боли. Сейчас она испытывала одно лишь чувство — чувство величайшего облегчения.

Джед стоял в нескольких шагах от нее, все еще с ружьем в руке. Он смотрел на Элизабет, он видел только ее.

— Это потребовало огромного мужества, — прошептал он наконец.

Элизабет подняла на него глаза.

— Это было не мужество. — Она на несколько секунд задумалась. — У меня просто не было выбора.

Любовь заполняла ее сердце, и Джед почувствовал это. И теперь рухнула разделявшая их стена непонимания. Они так много потеряли, они столь многим рисковали, и в их сердцах еще оставалось столько боли... Но все это не могло изменить главного: теперь было ясно, что место Элизабет здесь, рядом с мужем.

Они смотрели друг другу в глаза и видели в них любовь. Они чувствовали любовь, чувствовали, что нужны друг другу.

Джед вновь заговорил:

— Я хотел только одного — заботиться о тебе. Элизабет покачала головой и, не сводя с него глаз, прошептала:

— Нет, мы должны заботиться друг о друге.

Она шагнула к нему, и он отбросил ружье. Медленно они приблизились друг к другу и обнялись.

Ранчо „Три холма“, 1841 год

На лугу, заросшем маргаритками, возле весело журчащего ручья сидели рядом Элизабет и Джек. Сидели, глядя счастливыми глазами на долину, простиравшуюся вниз. Для них было непривычно сидеть на лугу в середине дня, сидеть, ничего не делая. Но в их жизни еще было время для удивительного и неожиданного. И пикник на склоне холма стал одним из таких приятных и неожиданных событий.

В плетеной корзинке из ивовых прутьев, стоявшей у локтя Джека, спал их сын Дэниел, спал в тени, падавшей от ветвей ивы. Он был светловолосым, как его отец, ласковым и добрым, как его мать, и отважным, как они оба.

Джек обернулся посмотреть на сына и легонько потрогал указательным пальцем его покрасневшую ото сна щеку. Младенец не проснулся, но беспокойно засопел. Джек хмыкнул и окинул взглядом долину. Потом с улыбкой сказал:

— Помнишь день, когда мы сидели здесь и мечтали о будущем и строили планы?

Он указал рукой на долину, в центре которой, между тремя холмами, находилось небольшое, но крепко построенное ранчо — просторные амбары и корали, окруженные прочными дубовыми изгородями. А в тени тополей возвышался белый дом с колоннами и французскими окнами.

Изумрудные глаза Элизабет сияли. Повернувшись к мужу, она с улыбкой проговорила:

— Тогда ты мне не поверил. Ты посмеялся надо мной.

— Было множество вещей, в которые я не верил, — напомнил Джек. Он протянул руку, и их пальцы переплелись. — Ты научила меня смотреть на мир по-иному.

Оказалось, что Элизабет была права. На деньги, вырученные Джеком за первое большое стадо, ему удалось отправить по железной дороге следующее стадо, и выяснилось, что люди на севере готовы были платить по восемьдесят долларов за голову. И тогда Джек и Элизабет приступили к строительству дома. В доме было всего четыре комнаты, две наверху и две внизу, но проект был таков, что они могли постепенно достраивать дом. Отец Элизабет, приехавший повидать своего первого внука, привез картины, ковры, постельное белье, и все это было частью ее приданого. В Галвестоне Джек купил широкую медную кровать с перьевым матрасом. Это был их дом, и каждый день в нем появлялось то, что требовалось для семейной жизни.

Год назад Рио отправился на юг и возвратился с очередным стадом и прекрасной молодой женой по имени Мария. Теперь под началом у Скунса было уже десять работников, а стадо росло так быстро, что и сосчитать всех животных никто не мог.

Мария безраздельно властвовала на кухне, обожала миссис Филдинг и готова была защищать драгоценнейшего ниньо ^[7] Дэниела от всех опасностей даже ценой собственной жизни.

Время шло, и изменения, происходившие в Техасе, были удивительными и волнующими. Однако никто не забывал о жертвах, принесенных теми, кто пришел сюда раньше.

На склоне холма, на краю соснового леса, находились две могилы. Над каждой — простой деревянный крест. В одной из могил покоился Дасти, человек, знавший, что окончит свои дни в Техасе, человек, не боявшийся смерти. А Чарльз Эджком, лорд Хартли,

пришел на эту землю, чтобы завоевать Техас, и он считал себя неуязвимым. Но теперь они лежали рядом, под одинаковыми крестами.

Хотя жизнь Элизабет изменилась к лучшему, она помнила о прошлом и не забывала о цене, которую заплатила за свой покой. Она знала, что и своим детям не позволит забыть об этом. Ей пришлось потерять все, прежде чем она нашла то единственное, что имело цену. Она обрела свою любовь и осуществила свои мечты. И ради этого стоило сражаться и даже умереть.

Джед снова повернулся к жене. Глядя ей в глаза, проговорил:

— Элизабет, я счастлив, что ты вернулась сюда со мной и что эти холмы стали твоим домом.

Она поцеловала его и сказала:

— Как я могла не вернуться, если ты так нуждался во мне?

Джед заключил жену в объятия. Затем поцеловал и, чуть отстранившись, посмотрел на нее с восторгом и удивлением.

— Да, верно, и теперь нуждаюсь. — Он взял ее лицо в ладони и снова заглянул ей в глаза. — Я люблю тебя, Элизабет. Люблю больше жизни. Потому что ты — лучшее в моей жизни.

Элизабет склонила голову ему на плечо и закрыла глаза. Она чувствовала, как счастье изливается на нее теплым дождем — так случалось всегда, когда Джед был рядом.

— Нет, — возразила она с ласковой улыбкой. — Ты лучшее в моей жизни, а я — в твоей. Иначе не должно быть.

Они еще некоторое время сидели молча. Сидели, наблюдая, как солнце оmyвает покатыю крышу их дома первыми розовыми закатными лучами. Потом Джед помог Элизабет подняться на ноги и взял корзинку с малышом. И рука об руку они спустились с холма к своему дому.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

---

notes

Примечания

Штат Одинокой Звезды — поэтическое название Техаса.

Серапе — шерстяной плащ (накидка), обычно пестро окрашенный; носят в латиноамериканских странах.

Спиричуэлз — самобытный музыкальный жанр, сочетающий религиозные мотивы с элементами блюза.

Баньши — мифические существа из кельтского фольклора (обычно женского пола); своими ужасными криками предвещают смерть.

Добрый день (исп.).

Эндрю Джексон (1767–1845) — 7-й президент США, военный и государственный деятель.

Дитя, младенец (исп.).